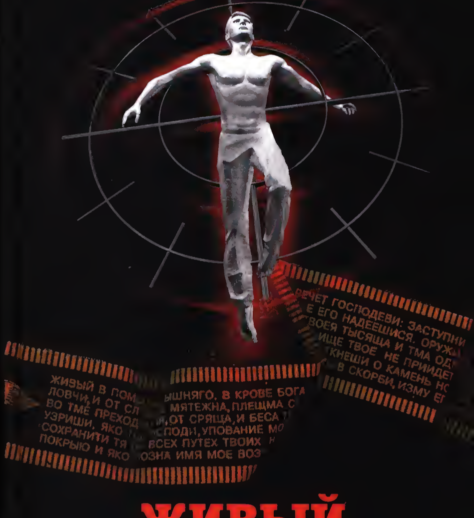
Виктор Николаев

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ

Записки «афганца»

ВИКТОР НИКОЛАЕВ

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

Москва
2008

Николаев В. Н.
Живый в помощи/Документальная повесть в 2-х частях. Изд. 13-е. — М.: Софт Издат, 2008. — 320 с.

ISBN 978–5–93876–068–4

«Живый в помощи» — это древний монашеский и воинский «оберег», пояс с православными охранительными молитвами. **«Живый в помощи»** — это первые слова 90-го псалма святого царя-пророка Давида, духовно защищающего от всяческих бед и напастей. **«Живый в помощи»** — это книга Виктора Николаева. Она повествует о русском воине, который прошел через афганский ад, через многие «горячие точки», сберегаемый молитвами матери, жены и дочери. В книге нет выдуманных персонажей и вымышленных событий, хотя в редких случаях изменены имена и географические названия. Виктор Николаев писал о собственной жизни, о людях, с которыми столкнула его судьба.

ISBN 978–5–93876–068–4

По благословению Преосвященного Владыки ВЕНИАМИНА, Епископа Владивостокского и Приморского

Русь Святая!

Храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!

Погибшим — вечная память,
Живым — честь.
Русскому оружию — Слава!
Виктору — солдатское Спасибо.

Игорь ЧМУРОВ,
Герой Саветскаго Союза,
ветеран Афганскай войны

Благодарю за достойную память о нашей боевой истории и воздание заслуженного почета воинству российскому.

Сергей ФИЛИПЧЕНКОВ,
Герай Саветскага Саюза,
ветеран Афганскай войны

ПРЕДИСЛОВИЕ

Слава Богу, я вновь могу сказать:
«Здравствуй, читатель!»

Низкий поклон всем вам за молитвенную и попечительскую помощь, благодаря чему я получил возможность издать свой скромный труд в наше очень непростое время. После выхода моей первой книги прошло достаточно много времени. Сегодня, порой, один прожитый час — событие, а одну минуту войны не выразить и в многотомнике. Сегодня на некоторые моменты я смотрю чуть по-другому, и от этого кое-что из сказанного в первой книге хочется уточнить. Казавшееся второстепенным в прошлом, сегодня, вдруг, стало главным. В новых воспоминаниях мы побываем в Сумгаите 1986–1988 годов, в Тбилиси 89 года, Нагорном Карабахе, Спитаке и, конечно, в Афганистане. Очень горько от того, что нет Николая Майданова, дважды Героя нашей Великой Державы. Изменилась судьба у некоторых известных вам героев. Благополучно сложилась жизнь у надежного человека, умницы — «партийца Кольки». Сегодня он заслуженно занимает высокую военную должность у себя на родине в Коми. Очень авторитетным в военной среде стал вертолетчик Николай Николобай — один из немногих в мире, летающий ночью в горах на предельно малой высоте. Эта новая книга завершается его необычной судьбой. И многих, многих других, которых, к сожалению, всех не помянешь. Их имена знает Бог.

По гибели достойного человека можно судить, насколько одряхлела мораль и окаменела наша душа, ибо, чтобы вразумить нас, обычной смерти уже мало. Господь через смерть Евгения Родионова, Николая Майданова, экипажа подводной лодки «Курск», героического личного состава шестой десантной роты из Пскова вразумляет нас, таким образом направляя на путь истины. При более тщательной оценке всех происходящих событий, связанных с нашей армией после Великой Отечественной войны, складывается впечатление, что мы все время воюем не там. Нас постоянно торопят умереть не в свое время. Как говорит протоиерей А. Шаргунов: «Уже более, чем когда-либо пришло время собираться вокруг Креста... Ут-

рачено центральное место Христа, произошла потеря равновесия веры».

Да, отче. Только по фактам можно судить о правильности выполненного дела. Доколе мы будем восхищаться теми, кто нас ненавидит и веками в нас стреляет?! Бои ведет армия, бои ведутся и в семьях. А молчание при виде греха — это тоже стрельба по своим, только из оружия с глушителем. По всей России растеклась нерукотворная река «Мамкина слеза». Сегодня уже можно сказать: «Ты русский, если православный». Враг старается перевернуть Крест, перевернуть сознание. С некоторыми, поддавшимися на это, подобное уже происходит. О духовности нашей культуры можно судить хотя бы по тому, кому и за что дают звания народного артиста России. Мы утрачиваем, если воспользоваться военным термином, способность к «молитвенной зачистке души». Пока нас спасает только милость Божия, благодаря которой мы, пусть истрепанные, вышли из Афганистана всей армией. Наша ежедневная действительность требует того, чтобы мы содержали душу и тело в святой чистоте. Православное воинство доказывает ежечасно: ПОДВИГ РУССКОГО ДУХА НЕТЛЕННЫЙ! Потому что Господь дал нам талант: присягая — Родину защищать. Помня о святой чистоте, мы должны, где бы ни находились, уходя, куда бы то ни было, не оставлять после себя духовную и мирскую грязь. Идя в разведку или в бой, надо сохранить о себе такую светлую память, как будто ты сюда уже никогда не вернешься, ибо плохое уже не исправить. Там, в Афганистане, Закавказье и других «горячих точках», еще перед боем или разведвыходом мы учились быть голодными и холодными — учиться этому непосредственно перед смертью невозможно да и не к чему. Мы знали — насколько честно мы погибнем, настолько праведно сложится дальнейшая жизнь наших детей. А сегодня от повального разрушения морали «армия детей ночи» становится опаснее внешнего врага. Мы учились ходить по минному полю до того, как ступали на него. Уметь точно стрелять надо еще на учебном полигоне. Обо всем этом я хочу поговорить с вами и заранее благодарю вас — кого за внимание, кого за терпение.

На войне мы не скрывали друг от друга свой боезапас. Оказалось, что и этому мужеству тоже надо учиться. Порой возвращались с операции с половиной боекомплек-

та не потому, что его было жалко или не умели стрелять, а потому, что в его бесцельной трате не было необходимости. Мы просто умели грамотно организовывать бой. Надо уметь беречь патроны даже в жестоком бою.

Это, своего рода, твоя живая вода. Мы чаще крепли и умнели не от побед, а от поражений, теряя друзей, и от этого последующие победы становились более значимыми и живоносными. Я знаю одного сержанта — Гелу, родом из Рустави (знакомого вам по первой книге), который за весь бой, расходуя десять патронов, уничтожал десять «духов». Это высшая степень боевого мастерства.

Мой дорогой друг! Особенно — будущий офицер. Сомнительна победа в бою, если его планируют командиры, не имеющие боевого опыта. А сегодня возможность понюхать порох есть у каждого из них. Не завершится удачно разведвыход и любая боевая операция, если во главе группы стоит командир, не имеющий в сердце страха за жизни своих подчиненных. Обсудим и эту тему на примерах трагичных, а порой курьезных. Победа гарантирована, если она добывается во славу России, с молитвой, Крестом и Честью.

В книге я, возможно, в чем-то повторюсь, но только для того разве, чтобы глубже и полнее рассказать о пережитом. Мы обязательно остановимся на предательстве. Такое есть на каждой войне. Нам, когда я был еще школьником, часто говорили: «Вот пойдешь в армию, там из тебя сделают человека». Я скажу по-другому. В армию надо в первую очередь идти человеком. Потому что от предательств гибнет больше, чем от пуль. И человек, уклоняющийся от армии, это уже предатель, совершающий тягчайший грех перед Родиной. Ибо Родину, близких своих надо защищать каждому. Для этого и рожден мужчина. На заре православия за отказ служить Отечеству предавали анафеме. У нас был один офицер, пришедший в армию из Суворовского училища, за право пойти с которым в разведку стояла очередь. И не потому, что с ним всегда возвращались целыми, а потому что и погибнуть с ним почитали за честь.

Мы все — воины Христовы, присягавшие заступиться за Россию. Воин, давший присягу, осознанно отказывается от жизни для себя — его жизнь принадлежит России навсегда! Какая мирская профессия рискнет следовать

такому закону мужества? НИКАКАЯ. Все другие профессии в нашем государстве могут существовать только при одном условии: если есть Церковь и есть Армия. Россия — единственная страна, обладающая таким Божьим даром. Во всех других армиях любят свою страну только по сговору, за деньги, положенное время — по контракту. Русскому воину это понятие чуждо.

И главное. О смерти. Здесь появилась новая глава — «Рулетка Аллаха». Это непостижимое для человеческого разума преступление, в котором признался один из свидетелей чудовищного «деяния», противоречащего и Корану. К ней я шел дольше, чем к «Тризне». Глава тяжелая, и смысл, вложенный в нее, не совсем обычен: он заключается в том, что русский воин и его родители — это единый духовный организм. И мать за тысячи километров чувствует, что происходит с ее дитем.

Смерть — это Божий дар. Как и рождение. Это логический итог нашего земного существования. Достойную смерть надо заслужить. Конец — делу венец. О нашей жизни будут судить по нашему концу. Это не трагедия, как ее преподносят в сатанинской прессе. Не грязное удовольствие или месть, как показывают в бездарных фильмах-боевиках. Смерть — святое таинство, перерождение души. И от того, как это произошло, зависит судьба последующих поколений. Да, это невосполнимая сердечная утрата, особенно для близких. Но воин должен быть готов принять ее, как высшую Его награду, иначе значение воинства теряет смысл. Сегодня же мы настолько почернели от грехов, что примеры о несломленном духе наших воинов перед гибелью подчас воспринимаются, как выдумка. Одним из высших объяснений этой самой сложной для меня темы является услышанное мною от одного лейтенанта, подорвавшегося на мине, от которого осталось чуть больше половины тела. Белыми губами он успел прошептать: «Помогите умереть без грехов...»

Братья и сестры! Сердечно благодарю вас за вновь найденную минуту для знакомства с моей новой книгой. Простите меня, грешного, если чем-то обидел вас и при случае поставьте за меня в Храме скромную свечу. Аминь!

*Раб Божий **Виктор НИКОЛАЕВ***
12 мая, 2001 год от Рождества Христова

Светлой памяти моего боевого товарища,
Героя Советского Союза, Героя России
полковника Николая Майданова
посвящается

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У КАЖДОГО СВОЯ ВОЙНА

«ВЗБРАННОЙ ВОЕВОДЕ...»

В церковь входил человек. Немногим стоящим на паперти почудилось — он шел в парадной офицерской форме: тусклое золото звезды в просвете погона, на груди рубиновый отблеск ордена... Но Виктор был в гражданском и свой орден оставил дома в верхнем ящике письменного стола. Он шел, преодолевая тягостное головокружение и пульсирующую боль. Недомогание нарастало с каждой ступенью крутой каменной лестницы. Окружающие видели только выправку, легкий размеренный, чуть замедленный шаг, аккуратную короткую стрижку, спокойный уверенный взгляд, устремленный к Образу в киоте над входом в храм. Широкое и четкое крестное знамение: словно честь отдал перед строем. Со стороны виделось именно так — он вошел в храм в офицерской парадной форме.

Был будний для Города вечер. До начала праздничной службы оставалось немного времени. Дон-дон!.. Объемный голос Благовеста — главного храмового колокола понесся над Коломенским, разрастаясь в невидимый, но живой звучащий шар. Через томительные мгновения звук докатился до новостроек, серпом окруживших древнее Царское село. До берега реки Москвы звук дошел еще быстрей, омыл ослепительно стройный шатер на крутояре и вместе с ним вознесся в небо. Откликнулось от многоэтажек тихое эхо, и тут же раздался следующий удар звонкой могучей меди. Дон-н-н!..

По окрестным тропинкам и дорожкам со всех сторон к воротам заповедника стекались богомольцы. Многие шли с цветами, чтобы украсить ими праздничную икону. Виктор отдышался на высоком крыльце, многоступенчатом подъеме, пропитанном многовековыми согрешениями, премудростями, горем и радостями, и прошел в притвор. Приветственно кивнул в сторону свечного ящика, потом приложился к большой иконе. На ней был изображен древнеримский конный воин, который пронзал своим копьем жирного чешуйчатого змея, извивающегося в агонии. Губами коснувшись копья, Виктор испытал мгновенное облегчение от назойливой боли, терзающей висок.

...Под развороченным дымящимся вертолетом лежал молоденький солдат с наполовину срезанной осколком, как лезвием, головой. Рядом, держа в руках грязные, как машинная ветошь, кишки, бил ногами об землю выгнувшийся в дугу старший лейтенант — недавно прибывший на базу «Скоба» вертолетный техник.

— Засунь ему кишки обратно! — орал Андрей. — Засунь, а то наступим и оторвем. Бери за ноги, я — за руки!

До блиндажа старлея не донесли. Глаза бедняги закатились, и вслед за пурпурной пеной изо рта вывалился язык. Поэтому, чтобы зря не рисковать, залегли так, чтобы видеть ближайшие подступы: со стороны горящих вертолетов к ним подобраться не могли.

— Всё... Оставляем здесь, потом заберем, — приняли решение друзья-офицеры.

Позади гудели в пламени и разлетались от рвавшегося топлива и снарядов останки боевых винтокрылых машин. Жаром и гарью наполнился воздух, смрадное дыхание смерти заполнило все вокруг. Виктор чувствовал его кожей, пересохшим ртом. Неожиданно «духи» прекратили обстрел, но не верилось, что это — всё...

Так бывало всегда: сразу после отступившей дурноты в мозгу Виктора на несколько мгновений вспыхивали самые мучительные эпизоды прошлого. И всякий раз разные. В прошлом было много, очень много мучительного и ужасного.

Старушки, из постоянных прихожанок, примащивались со своими сумочками и рыбацкими складными скамеечками вдоль стен. Некоторые из них уже узнавали Виктора и потому приветливо кивали:

— Спаси тебя Господи, сынок...

Пересекая пространство храма, Виктор прошел к левым диаконским вратам, со священным трепетом приложился к ним и осторожно открыл дверь. Он с благоговением вошел в алтарь. С верой во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь решительно опустился на колени и прижал горячий лоб к прохладному каменному полу, медленно поднялся и еще дважды до земли поклонился сияющему дарохранительницей престолу. В своем недавнем прошлом он сошел с ума, чтобы прийти к уму через скорби и наказания — к началу постижения Истины по милости Божией. Подошел под

благословение к отцу Александру. Теплая и по-особому чистая рука священника умиротворяюще легла в скрещенные ладони Виктора, и он благоговейно прикоснулся лицом к деснице пастыря.

— Облачайся, — коротко приказал батюшка и продолжил свои неспешные приготовления к службе.

Виктор снял пиджак, повесил его на один из крючков для мирской одежды и достал из шкафа стихарь. Повернулся с одеянием в руках к священнику. Тот издали быстро, но вместе с тем и чинно благословил алтарника, после чего Виктор, как в гимнастерку, но гораздо осторожнее просунул голову в ворот парчовой священной одежды и столь же благоговейно вдел по очереди руки в широкие рукава. Это одеяние напоминало ему сказочную рыцарскую мантию, воинское облачение... Может быть, такими были походные плащи легионеров, которыми предводительствовал блистательный воевода Георгий?

— К прохождению службы готов, — самому себе сказал Виктор, расправляя складки стихаря, и почувствовал, будто исчезли за плечами целые десятилетия его жизни.

Он вдруг ощутил себя подростком. Да нет — совсем ребенком, который испытывает невыразимую радость и счастье от одной только мысли о Боженьке!.. Так в детстве он и говорил: «Боженька, пусть всем будет хорошо...». А ведь даже не был крещен тогда. Откуда это было? Да вот отсюда — от престола, от сияющего небесным золотом Креста, от верующих русских людей, которые несуетливо заполняли храм. Виктор налаживал кадило. Последний звук призывного колокола чисто растаял в небе Коломенского...

«Благословен Бог...»

Первоначальная молитва священника положила предел всему мирскому и суетному.

«Приидите, поклонимся Цареви нашему Богу...»

Чинно, своим порядком потекла служба Христу.

«Приидите, поклонимся и припадем Христу, Цареви нашему Богу...»

Виктор осторожно подул на плоский уголек в кадиле.

«Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Цареви и Богу нашему...»

Уголь ровно отозвался на дуновение таинственными всполохами алого и желтого каления по всей поверхнос-

ти. Осталось положить на уголек несколько зернышек ароматного афонского ладана — и кадило готово. Мистический дым этой малой жертвы Господу устремился через крестообразные отверстия кадильного куполка вверх, к сводам Казанского собора. Уверенный, что бравый «афганец» в нужном месте, батюшка, не глядя на Виктора, благословил кадило и принял его в свою руку, ловко вдев указательный палец в кадильные кольца. Как и положено по чину, алтарник приложился к руке священника, которая уже раскачивала кадило, источавшее обильные клубы христианского фимиама и издававшее глуховатые металлические звуки медными цепочками.

И дым духовного сражения наполнил весь алтарь, когда отец Александр обошел престол, с четырех сторон кадя первейшей храмовой святыне. Духи зла в виде остатков суетных мыслей и малодушных вздрагиваний чувств о мирском, житейском стремительно бежали прочь — в окна, двери, в подпол храма. И духи злобы поднебесной бежали дальше — в несчастные души десятков тысяч людей, которые жили в этой округе. И там в их сердцах, не огражденных крестом и верою, они присоединялись к уже угнездившемуся тут прежде злу. И души томились недоумением: отчего же жизнь такая унылая, беспросветная, тягостная — дом и работа, дом и работа, дом и работа, и пьянка: одна радость, от которой тошно?

«Миром Господу помолимся!..»

Матери и бабушки, дети окрестных жителей уже облачались в латы православной мольбы. Христово воинство выравнивало свои грозные ряды, собиралось духом и, возглавляемое Пастырем, присоединялось к могучим отрядам Небесных Сил. И шла, и шла молитва друг о друге, о близких и сродниках, о храме, о веси и граде, о Державе Российской, обо всем мире.

И зло не выдерживало натиска и выпрыгивало на миг из уюта черствых сердец близ живущих маловеров. И что-то простое — хорошее и доброе приходило на ум и сердце тех людей, им совершенно непонятное. Приходило то, что христиане зовут Надеждой. И пусть на мгновение их жизнь обретала смысл и ясность, чтобы пережить еще одну ночь (малую смерть) и воскреснуть для нового дня...

Виктор внимательно следил за ходом службы, чтобы, не дай Бог, оказаться нерасторопным и нарушить благого-

вейный чин Успенской Всенощной. Все время он чувствовал на себе взгляд Божией Матери. Именно взгляд «Державной» поднимал дух Виктора горе́, и внутренним взором он как бы обозревал Москву и всю Россию...

«...великого Господина и Отца нашего... Патриарха Московского и всея Руси...»

И как бы видел он тысячи и тысячи русских храмов, где в то же время единым духом и едиными устами могучей рекой благодати лилась православная служба, шла битва с мировым злом, битва с сатаной, битва с антихристом. И особенно ярко представлялся образ из читанной недавно «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», где преподобный Серафим Саровский свидетельствовал о молитвенных дымах по всему нашему Отечеству, восходящих к небу, к Богу.

После елеопомазания многие ушли. Виктор с сожалением думал об этом, глядя на опустевший на треть храм. Но самые мужественные, самые стойкие слушали в полутьме слова царя-воина, царя-пророка Давида:

«Трепещите языцы, яко с нами Бог!»

Служба подходила к концу. Хор победно грянул:

«Взбра-а-а-анной Во-о-еводе по-о-о-беди-и-ительная...»

Мы победили. Отвоеван еще день мира и тишины, день любви и надежды. Молитва своим бравурным настроем более всего напоминала Виктору какую-то старинную солдатскую песнь из той, еще Царской России. И сейчас молитва звучала, как марш на параде будущей победы Православной Отчизны при освобождении от чужебесия, от иноверного пленения.

Раньше Виктор мало думал о том, как живет Родина. Главное, чтобы — жила. Последние годы стал понимать: выжить можно, только духовно победив тот страшный морок, который душит родную землю вот уже восемьдесят лет. И понял наконец: выжила Россия только потому, что каждый день остаток верных из года в год вставал на духовную брань:

«Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице; но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Неневестная».

ПРЕДЧУВСТВИЕ МАТЕРИ

Всё!!! Под ногами в проеме нижнего носового блистера пронеслась граница. Десяток вертолетов на бреющем, взвихрив за собой стаи шаров перекати-поля, разом, не сговариваясь, открыли победную пальбу изо всех видов оружия. Крики «Ура!», веера пыли, свист пуль, ракетные взрывы так перепугали ошалевших сусликов, змей и прочую местную фауну, что живность на всякий случай притворилась мертвой. Для этих мест за последние десятки лет самым громким звуком был громовой раскат перед редкой грозой.

Розовый рассветный край земли и неба стремительно золотел, утро переваливало в жаркий среднеазиатский день. Через несколько минут дружный строй вертолетов оказался на фоне поднявшегося над горизонтом диска жизни. Импровизированный хор орал:

«...Этот день Победы!..»

Провонявшие потом, с проступившими разводами соли на затасканных «камуфляжках», с прокопченными лицами мужики, как дети, обнимались от безотчетной радости и бережно передавали по кругу фляжку со спиртом.

Прощай, Афган! Прощай, этот призрачный мир. Нам вернуться сюда больше не суждено. Мы уходим с Востока. Уходим. Через несколько часов по всей России разлетелись телеграммы, заставившие людей, смеясь и плача, перечитывать их десятки раз и твердить, как молитву, про себя: «Он в Союзе...».

Раннее-раннее летнее утро. Над речкой стелется сизый прохладный туман. Тихо. Так тихо, что слышен даже тяжкий и протяжный вздох коровы в хлеву. И в этой тишине, в этом покое матери снится странный сон. Будто ее скромный деревенский дом начала заливать вода. Поднимаясь все выше и выше, она отрезает все выходы из дома... И мать, заметавшись на кровати, вдруг увидела вынырнувшую из все прибывающей и прибывающей воды голову ребенка. Бросилась к дитю, схватила, прижала. Это оказался ее маленький сынок... И вода начала спа-

дать, а стены оказались сухие, и в материнскую душу, в ее растревоженное сердце нахлынуло что-то долгожданно хорошее. Просыпаясь, она услышала голос: «Ну, вот и все, Люба, стихия для тебя закончилась!» А утром сельский почтальон, взволнованный фронтовик Егорыч, не постучавшись, ввалился в дом с телеграммой:

«Я в Союзе. Поздравляю. Целую. Сын Виктор».

Витька был плотью от плоти военной косточки — пращурские гены. По отцовской линии дед Виктора — Василий Кряжин был танкистом. Во время Курской битвы он командовал ротой «тридцатьчетверок». В момент атаки противника его экипаж расстрелял 8 танков тогдашних «духов», но его тоже подбили. «Тигры» шли так густо, что дедовский танк с пустым стволом и без правой гусеницы таранными ударами раздолбал еще трех «тигров», но «тридцатьчетверка» загорелась... В общей сложности их рота сорвала атаку 30 танков противника, пока не возобновилось наступление свежих наших сил. В живых остались тяжело раненный Кряжин и его наводчик. За этот подвиг дед Василий был удостоен звания Героя Советского Союза.

Дед матери — Григорий Астафьев был связистом, званием сержант. В конце апреля 1945 года их группе, состоящей из трех человек, было приказано восстановить прервавшуюся телефонную связь между Ставкой Жукова и бункером Гитлера, по которой маршал вел переговоры о немедленной капитуляции. Разрыв нашли, но в перестрелке двое связистов были убиты, а Григория Астафьева смертельно ранили — трижды в грудь и в голову. Единственно, на что ему хватило сил, это соединить разрыв провода зубами. Связь была восстановлена. Ток пошел через тело умирающего сержанта. Маршал Жуков спрашивал потом, почему прерывалась связь. Когда ему доложили обстоятельства ее восстановления, он тут же, оперевшись ногой на подножку машины, на своем планшете написал представление о награждении Григория Астафьева званием Героя Советского Союза, а его товарищей орденами Ленина. Посмертно.

Виктор учился в школе имени Героя Союза Астафьева и рос на улице его имени. В Восточном Казахстане это имя осеняло школы, многие улицы в местных городах и

поселках. Имя Астафьева носил и крупный медный рудник в Усть-Таловке, где снимался знаменитый телесериал «Тени исчезают в полдень». Все это, конечно, вселяло в его душу не только гордость за своего героического предка, но и раннюю мальчишескую ответственность перед миром, перед Родиной за их покой и благоденствие.

Любимым местом времяпрепровождения Виктора в старших классах был школьный военный кабинет. Военрук Александр Иванович, старший лейтенант запаса, только ему доверял чистку учебных ППШ, АКМ, карабина, приведение в порядок других учебных пособий, а порой и деликатно-доверительные «диверсионные» операции по добыче дефицитной «Московской», к которой старлей относился с известным мужским уважением.

Когда Витька после года армии поступил в Сибирское высшее военное авиационное училище, то на каникулах Александр Иванович был непременным его гостем, считая себя приглашенным без лишних церемоний. И в его взгляде, увлажненном «наркомовскими» ста граммами, читалась законная гордость за воспитанника. Он непременно уточнял: «Знал, кому доверить автомат для чистки!» Мать улыбалась, провожая гостя, а сердце ее сжималось в безотчетном страхе за сына...

БЕСПРЕДЕЛ В СИБИРСКЕ

Настоящим жизненным испытанием для Виктора и его товарищей по училищу стало усмирение массового хулиганского беспредела кавказских призывников. Курсантское боевое крещение пришлось на завьюженную ноябрьскую ночь 1979 года, в самый канун Афганской войны. Для будущих офицеров это было грозным предзнаменованием грядущих испытаний. И не только афганских... Случилась внезапная и небывалая для сибирских мест беда, на военном лексиконе — совершенно нештатная ситуация...

Прибывший в Челябинск эшелон с призывниками с Кавказа, шедший транзитом, кажется, до Омска, внезапно взбунтовался во время продолжительной стоянки. Сначала бунт охватил весь состав с горячими уроженцами Юга. Сопровождающие офицеры и солдаты не справились с ситуацией и вместе с проводниками бросили эшелон на произвол судьбы. Взрыв погрома с привокзальной площади смердящими клубами понесся на ближайшие улицы, в переулки и подворотни. Озверелые парни врывались в дома, мародерствовали и без всякой причины избивали местных жителей. По боевой тревоге были подняты курсанты местных военных училищ — автомобильного и авиационного.

Штыками и прикладами они запихали неподдающихся никаким увещеваниям будущих «защитников Родины» в вагоны. Местные власти тут же дали поезду зеленый свет и лихорадочно отправили эшелон подальше от личной ответственности: пусть отдуваются в Сибирске, где оставалась последняя боеспособная точка...

Триста-четыреста осатаневших призывников под шестичасовой перестук вагонных колес неотвратимо превращались во все более и более звереющую стаю. Когда поезд подошел к последнему спасительному оплоту Зауралья — Сибирску, там уже не осталось ни одного целого стекла и неразодранной обивки плацкартных лежаков. А в двенадцатом вагоне над мертвым бригадиром эшелона, заколотым стальными прутьями для занавесок, выли белугой десятки раз изнасилованные проводница и ее дочь.

В Сибирске осатаневшие, вкусившие безвинной крови призывники уже не таились. Вместо голоса — рык и клекот. Обкуренные анашой, они громили пристанционные пяти- и девятиэтажки: в ближайших домах на первых двух этажах почти не было квартир, куда бы не вломились погромщики... Безумно крича от ужаса, полуодетые люди выскакивали из домов в морозный мрак ветреной ночи и попадали в руки пьянеющего от безнаказанности и крови молодняка.

Поднятые ночью по сигналу «Боевая тревога» курсанты третьего и четвертого курсов Сибирского училища ежились на плацу, переминаясь с ноги на ногу на пронзительном ветру при двадцативосьмиградусном морозе. Командирский УАЗ своими фарами высвечивал кусок убеленного плаца. Все ребята с какой-то надеждой смотрели на освещенное пространство, пронизываемое беспрерывным густым вихрем мелкого колючего снега. Наконец, из темноты в круг света ступил начальник училища. На фоне лучей фар курсантам был виден только его силуэт. Некоторое время он, видимо, пристально вглядывался в лица ребят и потом внезапно и коротко поставил боевую задачу: любыми средствами пресечь беспорядок, вплоть до применения выданных перед построением штык-ножей... Оперативную вводную сделал начальник местной контрразведки и тихо, совсем по-неуставному добавил:

— Сынки! Пролилась кровь мирных жителей. Теперь эти подонки люты и очень опасны. Задачу выполняйте группами не менее трех-пяти человек... Приказываю всем поднять воротники шинелей и поверх ворота наглухо завязать шапки, чтобы избежать возможных ударов ножами в шею.

Он запнулся и после паузы добавил:

— Остановите их. Приказываю действовать с максимальной жесткостью... и жестокостью! За все отвечу сам, — в голосе полковника контрразведки чувствовались спазмы, мешавшие размеренно говорить. Казалось, он едва сдерживал слезы.

— Во время дороги на всех «Уралах» будет по офицеру госбезопасности, который вскроет спецконверт с подробными инструкциями, описанием участка и конкретного плана действий каждой группы, — закончил свою речь контрразведчик.

За полчаса дороги все уже знали, кто в какой группе. Было разрешено пользоваться всеми приемами рукопашного боя и обездвиживания противника, которым ребят обучали с первого курса. Штык-ножи были отсоединены от стволов автоматов и заправлены в голенище сапога, ножны от них были засунуты в другой сапог поглубже, полы шинелей заправлены за поясной ремень. Автоматные ремни отстегнули, распустили по всей длине — почти до полутора метров. На одном конце ремень завязывался петлей. Другой конец ремня каждый курсант наматывал на правую руку, чтобы ловчее набрасывать петлю в момент схватки. Именно петлей необходимо было орудовать, обездвиживая ноги дебоширов или прихватывая ею их шеи.

В двенадцатом часу ночи вокзальная площадь оглашалась бесчисленными непривычными здесь криками мечущихся пассажиров, гудками легковых машин. Не ко времени светились окна отдаленных жилых домов. В это столпотворение на большой скорости въехало шесть могучих «Уралов». Они с ходу четко развернулись и одновременно подали задними бортами к высокому парапету, ограждавшему привокзальное пространство. За несколько секунд без лишней суеты триста курсантов со своими командирами высадились из машин и столь же быстро выстроились в двухрядную скобу, разомкнутая часть которой была направлена в сторону восемнадцати вагонов воинского эшелона. Сжимать кольцо начали по направлению к вокзальному тупику по сигналу длинной очереди трассерами в ночное небо из автомата Калашникова. Оба курсантских полукольца, разом взревев, не нарушая боевого порядка, начали сужаться к намеченной цели.

Задача внутреннего кольца, сформированного в основном из лучших спортсменов училища, была самая ответственная, опасная и грязная: освобождение местных жителей из лап распоясавшейся кавказской молодежи. Задачей второго кольца было — исключить возможность побега юных бандитов и доводить до конца работу, упущенную первой цепью.

Виктор был назначен командиром группы из трех человек. В ней был его лучший друг минчанин Вася Курень, чемпион Сибири по боксу, который при росте в два метра и весе в сто сорок шесть килограммов шел впереди

«бульдозером». Виктор и Андрей Языков, кандидаты в мастера спорта по офицерскому многоборью, шли по левую и правую руку могучего белоруса.

Молодецким кликом нагоняя на себя задор и ужас на зарывшегося в морозную темень противника, группа бойцов замахала ремнями и, вскидывая автоматами, медленно «зачесала» по выделенному для нее сектору, который растворялся под углом пятнадцати градусов, в самый центр взбунтовавшегося эшелона. Поезд стоял в дальнем вокзальном тупике без огней и оконных стекол изогнутым, темным, мрачным червем. Пока до него было примерно метров пятьсот. По пути зачистки стояли два жилых дома с редкими огнями только на верхних этажах. Обитатели нижних изнутри оцепенело поприлипали лицами к погашенным окнам.

За час до операции по усмирению хулиганского беспредела уполномоченный представитель, как принято говорить, соответствующих органов по молчавшему много лет «кухонному» радио внезапно спокойным голосом кратко оповестил обывателей мирного города Сибирска о смысле происходящего и четко пояснил правила их поведения в этой чрезвычайной ситуации. После чего двери квартир враз в едином грохоте сдвинутой мебели были забаррикадированы. Собаки, чуя недоброе, залаяли, бабы, как водится, запричитали, мужики сквозь зубы закостерили судьбу и случай. Видя и слыша все это, ребятишки дружно заревели, заплакали, закричали... Поначалу всех охватило оцепенение бессильного ужаса, но, увидев из окон цепи сибирских курсантов, гражданский люд встрепенулся надеждой:

– Слава Богу, эти точно выручат!

Вскоре к вокзалу подошло около двадцати машин «скорой помощи», они расположились подковой по направлению к эшелону и разом включили дальний свет своих фар. Таким образом выделенный для досмотра курсантами участок был довольно сносно освещен. По пути попался железный покореженный скелет какой-то привокзальной пристройки. Ребята-курсанты по первоначалу даже не опознали в нем новенькое уютное кафе-стекляшку. Оно по своей новизне сразу стало пользоваться у юных служивых особым почетом за необыкновенно вкусное недорогое

мороженое и забористое пиво, пару кружек которого можно было пропустить подальше от взоров вездесущего патруля. Легковесная общепитовская конструкция была искурочена настолько, что ее былую привлекательность можно было идентифицировать только по перевернутым стульям и столикам.

Верным доказательством того, что эта груда металлолома и есть знаменитое новое кафе, был расположенный рядом на почетном постаменте паровоз-фронтовик. Этот семидесятидвухлетний ветеран, прошедший, начиная с Первой мировой, несколько войн, заслуженно отдыхал на самом видном месте привокзальной площади. В настоящий момент он переживал позор, весь вокруг усеянный битым бутылочным и стаканным стеклом. Он стыдился мерзких рисунков и надписей, глумливо начертанных на его боках мелом и кирпичом. Импровизированный писательский энтузиазм южных гостей смело тянул на «единицу», ибо только в одном нецензурном «термине» о женской части тела из семи букв они умудрились сделать три ошибки, но чаще грамотеи ограничивались другим, трехбуквенным сквернословием.

Друзей-курсантов тормознул рвавшийся из окна первого этажа жилого дома отчаянный гнев немолодого мужского голоса:

— Не смей!!! Не трогай!!! Не прикасайся к ней, негодяй!

Послышался шум явно неравной борьбы, девчоночий визг и глухой грохот падающего тела. Все это сопровождалось разгульным животным хохотом и криками:

— Затыкныс, гавне-о-о! Затыкныс, ва-а-а-а!

Вася Курень первым из тройки рванул в темный подъезд. Друзья — следом за ним. На площадке первого этажа валялась хлипкая орголитовая входная дверь с половиной вышибленного косяка. Из квартиры бил раздирающий душу девичий вой, за которым еще слышался слабеющий старческий голос. Все это сопровождалось животным ржанием наливающихся возбуждением стервецов. Перед ошалевшим взором курсантов, разом ввалившихся в скромное советское жилье, открылась дикая картина. Бессмысленно вспоротый линолеум пола, сорванная с крюка и беспомощно болтающаяся на электропроводе переко-

шенная трехрожковая люстерка с единственной уцелевшей лампочкой, остервенело разодранные клочья поролона из двух дешевых кресел. В углу за перевернутым черно-белым «Горизонтом» хрипел заваленный матрасом и подушками старик. А на полу кухни билась распятая для гнусного наслаждения зверей тринадцатилетняя девочка. Ее обезумевшие от ужаса глаза выпучились в разные стороны. Обезображенный, окровавленный рот девчушки вместе с истошным криком издавал звук неправдоподобно громко клацающих зубов.

Два мародера уже со спущенными штанами, мыслию полностью погрузившиеся в предвкушение грязного наслаждения, даже не заметили почерневших от гнева курсантов. С того момента, когда ребята услышали с улицы безнадежный крик старика, и до мгновения, когда эта русская троица воочию засвидетельствовала факт глумления, прошло каких-то семь-восемь секунд. Но в душе каждого парня это время протянулось, как долгое томительное бессилие в дурном сне. Следующие три секунды занял бросок на одного из голозадых насильников, который своей кормой вылетел в окно кухни вместе с рамой, не успев понять, что с ним произошло.

Андрей выскочил на морозный балкон и рявкнул что-то нечленораздельное находящимся вблизи однокурсникам второй линии оцепления. Они мгновенно сообразили, в чем дело, и, зацепив любителя извращений петлей автоматного ремня за ноги, поволокли его голой задницей по мерзлому асфальту через всю вокзальную площадь в бурчащий ЗИЛ с откинутым тентом.

Второй насильник очумел от неожиданности происходящего. Зимняя сибирская стужа могильным холодом окатила его не в меру горячую южную душу. Пудовый кулак Василия заставил крепкого кавказца дважды перевернуться в воздухе. Смуглолицый парень целиком влетел в узкую щель между газовой плитой и умывальником. Бившуюся в истерике девочку ребята с трудом завернули в простыню, потому что в шоке она приняла их за новых насильников. Еле-еле ее удалось уложить на кровать, укрыть одеялом и бережными причитаниями хоть как-то успокоить. Курсанта Языкова немедленно отправили на вокзал за врачом. К этому времени старик немного пришел в

себя, он стоял на коленях у кровати внучки и громко плакал навзрыд.

Могучий Василий с трудом выдернул из кухонной щели юного, но искушенного негодяя и поставил его на ноги. Нижняя челюсть мародера, выбитая из суставных гнезд, болталась на уровне груди. Ворочая омертвелым языком, он невнятно и злобно сипел:

— Хайтаны... ха е хим хех, хех хаехим!

Это означало:

— Шайтаны, зарежем всех, всех зарежем!

Он плевался из горла слюной, перемешанной с кровью, и пытался обеими руками вставить челюсть на место. Штаны с трусами сползли до самых пят призывника. Его злобный хрип внезапно осекся, он мысленным взором прочертил путь ответного взгляда Василия до его обнаженного «причинного места». От страшного приговорного озарения он согнулся крючком и присел на корточки, судорожно ища брючный карман, из которого трясущимися руками извлек замусоленный комок денег.

Ребята поняли:

— Откуп!..

Новый всплеск адреналина заставил курсантов замереть. Голый парень, швырнув деньги в лицо Виктора, освободившимися руками закрыл низ живота, упал на пол и завертелся юлой. Животный страх вызвал у него бесконтрольный позыв кишечника. В мгновение он непроизвольно испражнился невероятно большой и зловонной массой, и тут же весь сам в ней измазался. Вместе с этим он облил и себя, и пространство вокруг неестественно долгой мочевой струей, бесновато воя и хрипя:

— Аа-а-а... Хр-хр-хр-р-р...

...Через десяток секунд он валялся под балконом в оцепеневшем изумлении. То, чем он доселе так гордился, заглотнул унитаз, несколько раз профырча водой.

И Василия, и Виктора била крупная дрожь.

— Не дребезжи, Витька! — простучал зубами боксер. — Это только начало... Только подумай, если бы это были твоя сестра и отец?!

От этой мысли оба придя в себя, друзья приступили к дальнейшей зачистке нижних этажей дома. Тут к ним подоспел Андрей, доставивший врача пострадавшей.

Подкова курсантского оцепления продолжала неумолимо сжиматься. Она все чаще и чаще размыкалась на два-три человека, чтобы пропустить очередную пару, волокущую по шпалам через промерзшие рельсовые пути и стрелки визжащего призывника, который при этом грозил сибирскому училищу всеми возможными видами восточной мести.

Количество арестованных определялось множеством кровавых дорожек по снегу. Минут через пятьдесят около двух сотен оставшихся бандитов удалось загнать в разбитые ими же вагоны. Мощный военный громкоговоритель раз за разом предлагал им прекратить бесчинство, остепениться. По армейскому звуковещанию выступил даже пожилой представитель братского Кавказа. В ответ на это — крики, угрозы.

Свистели невидимые в ночи оконные стальные прутья. Курсанты на шинели бегом понесли своего товарища. Ему брошенным прутом полоснуло по шее, как бритвой. Выступивший по громкоговорящей связи представитель КГБ дал последний шанс успокоиться, прекратить беспорядки. На раздумье было дано пять минут. В ответ опять — звериный рев и дикий хохот.

В 2 часа 40 минут оцеплению был отдан приказ на поражение. В три десять все было кончено. На заледенелой вокзальной площади равномерными крепко связанными штабелями по три-пять человек лежали обездвиженные дебоширы, которые еще недавно наводнили ужасом сначала Челябинск, а потом спящий Сибирск. Их организованной колонной развезли «Уралы» по определенным точкам — кого в городские КПЗ, вытрезвители, в следственный изолятор, местную тюрьму и на гауптвахту, кого-то и в морг.

Свои ранения, полученные в горячке операции, осматривали курсанты. Шинель Виктора по пояс была пропитана дурной бандитской кровью, мочой, слюной и соплями, в складке полы застряли чьи-то два зуба, да и рукава до локтя покрылись багровой слизью. Звенела от полученных мощных ударов голова, правая рука еле сгибалась, ныло ушибленное плечо. Не лучше обстояли дела у Андрея, но Васька, с его боксерским опытом и кошачьей пластикой, получил только шальную царапину на правой щеке.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ «ДОЛГ»

Вопреки обязательному для будущих офицеров программному «интернационализму» бравые сибирские курсанты испытывали чувство законной гордости от того, что одолели беснующуюся орду дебоширов. Челябинцам было слабо, а сибирцы-молодцы честь не уронили. Особым уважением к курсантам прониклись и местные жители. Но первый страшный опыт отнятой у кого-то жизни, пусть даже законным насилием, будил в их молодых душах иные чувства, далекие от гордости, необъяснимые привычными житейскими понятиями, обыденными взаимоотношениями между людьми. Оправданная обстоятельствами жестокость вовсе не находила легких оправданий в сердцах будущих офицеров, каждый одолевал это противоречие внутри, накапливая таким переживанием особую воинскую мудрость защиты беззащитного, попечения о слабом против сильного...

Город не одну неделю зализывал душевные и физические раны от наглого и чудовищного погрома. Впрочем, память о нем среди сибирцев-старожилов жива и сейчас. Естественно, военная прокуратура тогда же возбудила расследование дикого ЧП. Но старый контрразведчик сдержал слово: ни один из курсантов не привлекался за «превышение мер обороны». Все случаи увечий и даже смертельных исходов среди погромщиков были оправданы конкретными обстоятельствами, действиями, адекватными жестокости распоясавшихся, вооруженных ножами и заточками преступников. Не было ни одного случая, чтобы многочисленная группа курсантов набрасывалась на одного бандита. В происшедшей схватке силы были почти равны, дебоширов было даже человек на пятьдесят больше, и единственным преимуществом курсантов перед бунтовщиками в момент штурма эшелона была воинская организованность и сплоченность.

Через две недели полковник из контрразведки пригласил Виктора в числе десятка других курсантов, особо грамотно и хладнокровно проявивших себя в ночной опе-

рации, для передачи им уникального опыта проведения разведывательных, диверсионных и других спецопераций. В такие секреты воинского искусства старые вояки посвящали далеко не каждого юнца, кто решил надеть форму. Они знали, что доверять их слишком горячему или злобному, глупому или склонному к подлости парню, все равно, что создавать слепое орудие убийства. Но привокзальная операция позволила полковнику выявить наиболее способных ребят, из которых получатся настоящие ответственные офицеры. И как в будущее смотрел. Не раз потом спасали Виктора уроки опытного воина в боевых операциях, когда было по-настоящему страшно и мокрая от пота ладонь предательски скользила по перехваченной рукояти «духовского» штыка, примкнутого к винтовке М-16 и нацеленного в грудь для смертельного удара. В подобных случаях рука сама знала, как сконцентрироваться для решительного рывка и защитного приема, и сердце чувствовало, что безвыходных ситуаций не бывает.

Вот главное, чему научил Виктора фронтовик-контрразведчик: **безвыход** – это когда человека уже нет! Пока он жив, всегда есть выход из любой ситуации, есть верная тропа к достойному офицерскому решению.

После училища Виктора направили служить в Закавказский военный округ. Сибирское кровавое столкновение отнюдь не озлобило его душу, не вызвало национальной отчужденности и предвзятой враждебности к кавказцам или восточным людям вообще. Напротив, он всегда умел находить общий язык с представителями местного населения, будь то грузин, армянин, ингуш, азербайджанец или лезгин, хотя и чувствовал разницу, скажем, между кавказцами-мусульманами и православными грузинами. С последними ему было легче, понятнее. Кстати, это потом подтвердил и личный опыт Афгана. На заключительном этапе войны военнослужащих из среднеазиатских республик и прочих мусульман начальство старалось не определять в зоны боевых действий, используя их в основном в тыловом обеспечении, а ребята-грузины среди боевых групп были не редкость, и воевать плечом к плечу с ними Виктору было легко.

Но вместе с тем опыт службы на Кавказе говорил ему о том, что личная доброжелательность и открытость

по отношению к местным отнюдь не гарантируют такого же отношения с их стороны. Восточное радушие нередко оказывалось показным и, чуть что, — прорывалось неспровоцированной злобой или агрессивностью.

И беспредел в Сибирске, и служба на Кавказе привили ему понимание того, что более всего и искреннее всего восточный человек уважает превосходящую силу, и только потом у него следует почтение к собственным обычаям, понятие долга, уважение к старшим, культ чести и справедливости. В любой острой ситуации отказ от устрашающей демонстрации силы «противной стороной» рассматривается, как однозначное проявление слабости, которой необходимо воспользоваться. Но неожиданный отпор всегда остужает южанина и моментально возвращает его в «уважительное состояние».

Часто Виктору, оказывавшемуся свидетелем или невольным участником подобных ситуаций, хотелось сказать о горячих «нацменах»:

— Ну совсем, как дети!

Они и были детьми в семье народов великой Империи. Виктор не знал тогда, что именно так исподволь жизнь воспитывает в нем особое русское имперское самосознание, державную мудрость российского воина, всегда осознающего личную ответственность за мир и покой в громадном многонациональном Отечестве, в котором больше ни один народ не обладает таким свойством в должной полноте. Уже потом, десятилетия спустя Виктор узнал об особой битве духа, когда воюешь не с плотью человеческой, будь то афганец, русский бандит или кавказец, но воюешь с грехом, с духами злобы.

Заметно, весомо, с пользой для человеческого возрастания и офицерского опыта прошли первые годы службы Виктора в округе. И вот...

Авиационный гарнизон Закавказского военного округа.

Третье мая 1987 года. Двадцать часов ноль-ноль минут.

Полк построен по тревоге... Это не было неожиданностью. Все знают, зачем они здесь и что будет дальше. Двое молодых лейтенантов за сутки до боевого приказа перевелись в другие части. Их «спасли» отцы-полковники. Внутреннее напряжение глушит окружающие звуки, гарнизонный шум, обрывочные реплики военных... Рядом с коман-

диром полка стоит крупный чин из штаба округа. Стараясь придать голосу твердость и значимость, соответствующую моменту, он четко произносит:

— Товарищи! Довожу до вашего сведения приказ Министра обороны для вашего полка. Вам предстоит выполнить боевую задачу по оказанию помощи дружественному народу Афганистана. Убываете составом полка. На сборы даю три часа. Никаких проводов! С семьями проститься дома. Допуск посторонних на аэродром запрещен. Брать с собой самое необходимое, что разрешено боевым приказом. Первый вылет на Кабул через Ташкент в двадцать три ноль-ноль. Вопросы есть? Нет! Это хорошо. Приступить к сборам и загрузке!

Вопросы, конечно, были. Официально отказник оказался один. Пожилой капитан, которому оставалось дослужить до пенсии два месяца. Больная жена и трое детей ютились вместе с ним в общежитии. Без долгих церемоний его, словно изменника, исключили из партии, уволили из армии. За дискредитацию офицерского звания. В груди каждого однополчанина шевельнулась жалость к горемыке-капитану. Она смешалась с неким едким предчувствием чего-то рокового для всех.

Семьей Виктор обзавелся еще на четвертом курсе училища, в восьмидесятом. В восемьдесят пятом родилась дочка. Прощание с женой и дочуркой, конечно же, было тяжелым. Мать с отцом узнали о том, что их сын в Афгане, только через полгода. Жена переправляла письма Виктора через свой адрес, и пересылала весточки от них ему. Но, как потом выяснилось, мама почувствовала опасность в тот же день, когда Виктор летел со своей воинской частью в Кабул.

Виктор вспомнил слезы жены и дочери при прощании, когда закрывшийся самолетный люк отрезал и оставил по ту сторону жизни и пучки света от фар многочисленных «Уралов», и бесконечные погрузочные команды, и крики все-таки прорвавшихся на аэродром женщин с плачущими ребятишками, которым передался материнский страх:

— Мама, куда папа? Он завтра приедет? А мы летом поедем к бабушке?

Теперь уже казались нелепыми слова командира полка на плацу, когда объявляли приказ министра:

— Головы сложим, а народ Афганистана защитим.

Одну-единственную у каждого голову давили простые, как правда, мысли:

— Что ждет меня там? Как мои будут без меня?

В некотором смысле Виктору повезло: в горячую военную страду он вступил не зеленым лейтенантом, а уже сравнительно бывалым офицером, набравшим опыта семилетней службы. У каждого, кто хоть на короткий срок пересекал в восьмидесятые границу с Афганистаном, «ленточку», как ее называли, там была своя война. Каждый ее прожил по-своему. И каждый по-разному вернулся. Один — в наглухо заклепанном цинке, другой — героем, третий — миллионером, четвертый там заработал политический капитал, а пятый — вообще не захотел возвращаться. Афганская война к каждому поворачивалась своим боком, и порой разнилась даже у лейтенанта и старшего лейтенанта одной части, у рядового и ефрейтора одного отделения. Это разное отношение войны к солдатам и офицерам одной воюющей армии определялось многим: родительским воспитанием, должностью, складом характера. Объединяло только одно — все, находясь за «ленточкой», стояли в общей очереди за смертью. И в кого первого ткнет она своим костлявым пальцем, не знал никто. Эту «ленточку» в мае 1987 года готовился пересечь и Виктор.

КОМУ ВОЙНА...

Реализм неотвратимо приближающейся войны Виктор увидел через четыре часа — после приземления в Ташкенте. Нахальный подполковник в грязной камуфлированной форме разместил прибывших в убогой пересылке, уважительно названной им «гостиницей», не дающей ответа ни на один «наивный» вопрос, но преподносящей уроки жизни один за другим.

Виктор с другом решил умыться перед сном. Единственный умывальник оказался через дорогу за контрольно-пропускным постом. Пропуск на выход никто и не спросил, так как два солдата и старший прапорщик, дежурный по КПП, были всецело поглощены увлекательной сценой. Держа руки в карманах, они давали дельные советы в среднеазиатскую жаркую темень. В дельных советах нуждались два нетрезвых капитана-«афганца», которые деловито и тщательно били узбека-таксиста, попытавшегося было стащить у них японский магнитофон. Без просьб со стороны новых зрителей прапорщик обстоятельно обрисовал им суть дела.

Капитаны сняли такси. От радости они так перевозбудились возвращением на Родину, что, сев в «Волгу», доверили погрузку своих вещей таксисту. Тот половину вещей добросовестно погрузил в багажник, а вторую половину — под багажник на асфальт, орудуя таким образом, видимо, не впервые.

Оказывается, на пересылке подобное случается часто. Обычный местный трюк: после отъезда машины из кустов выскакивают дружки таксиста и забирают «лишнее». По дороге в аэропорт «шеф» угощает пассажиров спиртным, и те разгружаются на конечном пункте, уже ничего не соображая. Пока пассажиры приходят в себя, подсчитывают вещи — машины и след простыл. Тут надо сказать, что две трети ташкентских такси частные, хотя разрисованы под госмашины. Естественно, такие ухари подкупают и стражей порядка. Милиция (свои ребята для своих) сочувственно утешает пострадавших чужаков. И только...

В данном случае афера вышла лишь наполовину. Двум капитанам посочувствовал прапорщик, вовремя заметивший проделки водителя. В итоге «водила» был нокаутирован и бережно положен в багажник, а его машина лишилась бамперов, дверных ручек, фар, подфарников, всех стекол. В ней было покалечено и порвано все, что только можно испортить. Прапорщик за добросовестное исполнение служебных обязанностей был награжден куском черного мумиё и авторучкой «Паркер» китайского производства. А Виктор с друзьями получили ценный урок, от которого всплыли в памяти мудрые слова деда-героя:

— Кому война, внучек, а кому мать родна.

Шальная забористая ругань разбудила всех «пересыльных» в половине пятого утра. Она предстала в лице вдребезги пьяного майора-танкиста. Он, все больше распаляясь, бушевал в казарме. Слова его трудно было разобрать, но то, что майора крепко обидели на таможне, стало понятно сразу. Без лишних церемоний он будил попавших под руку спящих сослуживцев Виктора и предлагал им фронтовые сто граммов из полупустой бутылки. Вторая — полная торчала из кармана заляпанного кителя.

— Вот, гады, меня решили обобрать! Да я в четвертый раз иду за «ленточку»... Меня там мужики ждут, а эти... — все более взвинчивался майор.

После первого стакана все прояснилось. Тот батальон, где майор был командиром, понес ощутимые потери. И он, возвращаясь из отпуска, решил провезти вместо двух положенных по закону бутылок водки — целых шесть! Таможня, естественно, ему «добро» не дала. Вернее, дала бы, но при минус одной бутылке для сержанта-пограничника. Майора это взбеленило. На месте осмотра он принял единственно правильное, как ему показалось, решение: в знак протеста на глазах ошалевшего сержанта четыре бутылки водки майор осилил прямо из горлышка, а две принес в первую попавшуюся на стремительно пьянеющие глаза гостиницу. Вместе с гостиницей его взору попались и новички из Закавказского военного округа. Закуска и сотоварищи ревнителю офицерской справедливости нашлись мгновенно. Едва поднявшееся солнце сочувственно заглядывало блестками в их мутноватые стаканы.

Борт на Кабул уходил в полночь. Впереди был весь свободный день. Жгучее солнце — хозяин жаркого Ташкента — ненавязчиво посоветовало мимолетным постояльцам найти на пересылке спасительную тень. И после завтрака Виктор с другом забрались в прохладную курилку, где уже человек тридцать офицеров, видимо, впервые летевших на войну, с восхищением слушали слегка проспавшегося к полудню майора. Утренний герой, надо отдать ему должное, хоть и немного бахвалясь и рисуясь, все-таки стремился предостеречь новичков от неосторожных на первых порах шагов по чужой земле. Для Виктора майорский урок выживания в горах и пустынях Востока оказался просто Божиим подарком. Офицер щедро делился боевым опытом, за который уже было заплачено русской кровью. Пересыпая серьезный разговор побасенками о том, как провести через таможню водку в грелке или расплавленное мумие на подошвах, ухмылявшийся майор вдруг неожиданно как-то спал с лица и подытожил мертвенным тоном:

— Самое страшное, мужики, на войне — везти домой «ноль-двадцать первых», так называемый «груз двести». Особенно, если из одного с тобой города.

Шифрованная лексика афганской войны требует пояснения. «Ноль-двадцать первый» обозначал убитого в бою воина. «Грузом двести» обозначалась перевозка трупов, а вертолет, самолет или даже грузовик, перевозивший этот страшный груз, «романтически» назывался «черным тюльпаном». При этом тяжелораненые в переговорах назывались «двухсотыми», а легкораненые «трехсотыми». Почему тяжелораненые были созвучны на этом птичьем языке покойникам, вряд ли кто может внятно объяснить.

— Такой «груз» везти домой...

Глаза майора потускнели:

— Собственно, с этим «грузом» я и летал сейчас на Новгородчину. Жуткое, признаюсь, дело. Мы были с этим солдатом земляки. Дома почти рядом, да и родители наши знакомы с детства. Чего я насмотрелся и наслушался — не передать. Первые два часа встречи исполнял роль виноватого во всех грехах, за что мне и набили морду. Да я и не сопротивлялся, понимал родственников. Цинк вскрывать было нельзя, да там, собственно, и показывать было

нечего. Кстати, таких случаев у вас самих много будет...

— Вот спасибо, майор... — подумал каждый про себя.

— Мать того солдата, — продолжал танкист, — в итоге оказалась в психушке. Сперва на следующее утро после похорон ее кто-то случайно нашел на могиле сына. Она стала скорбной умом, то есть рассудок ее помутился, и она лежала прямо на холмике под одеялом, а под головой — подушка. Э-э-х, — горестно вздохнул рассказчик и закончил историю родительской любви:

— А отца парализовало, да и с головой у него тоже что-то стало не так. Наверное, конец роду — детей у них больше нет.

Служивый народ в курилке гнетуще молчал. Майор продолжал свой афганский «мартиролог»:

— Или вот одного нашего прапорщика домой везли. Обе ноги ему оторвало и правую руку. Когда он медицинскую комиссию на инвалидность проходил, то ему вторую группу дали. Сказали, что для первой нога должна быть оторвана на четыре сантиметра больше. А одного офицера чуть под суд не отдали за то, что он заступился за родителей, у которых парень под Кандагаром погиб. С них стали брать налог за бездетность. Спасибо, военком-«афганец» заступился.

Расходились офицеры из курилки молча. Говорить было не о чем. Каждый думал о своем. И каждый думал об одном и том же — о войне. На Кабул взлетали по расчетному времени в четыре ноль-ноль. Полетное время — один час сорок минут. В первые сорок пять минут полета запасенная на последние русские рубли водка оживила лица, создала видимость уродливого веселья. На сорок шестой минуте мощнейший рев сирены в салоне «горбатого» (Ил-76) мгновенно протрезвил всех. Через микрофон ровный голос командира корабля сообщил:

— Пересекли государственную границу СССР.

Моментально выключено освещение салона и бортовые огни. Всё! Иллюзии кончились. Началась другая жизнь.

СКАЗОЧНЫЙ АФГАН

Все молчат и слушают радиообмен через усилитель: – «Ноль-двадцать первый», снижение разрешаю. – Шасси, механизацию выпустил. Отстрел АСО включен.

«Горбатый» проваливается вниз. В те семь минут десять секунд, в течение которых летчики демонстрировали свое высокое мастерство, Виктор с однополчанами почувствовали себя космонавтами. Когда самолет в четырех крутых разворотах почти на месте левым крылом резко проваливался вниз, то он и еще двести шестьдесят человек повисали в воздухе с закатившимися глазами. В момент выравнивания планера и прекращения обвального снижения все двести шестьдесят нижних челюстей от перегрузки лежали на полу между ног. Руки превращались в свинцовые гири весом в центнер. Быстрее с такой высоты падают только камни.

Выползая из самолета с оловянными глазами и раскачиваясь, словно хмельные, свежие силы «ограниченного контингента» долго и бессмысленно озирались по сторонам.

После разгрузки, которая прошла, как в полусне, в режиме полнейшего армейского автоматизма, наконец, появилась возможность оглядеться вокруг и бросить первый оценивающий взгляд на страну, которую предстояло защищать и которая станет неотъемлемой частью их сердца, войдет самовольно и властно в сердца тысяч и тысяч их друзей, отцов и матерей, жен и детей на всю оставшуюся жизнь.

Экзотический Восток был неописуемо красив. Снежные вершины гор вокруг Кабула! Высоченные карандаши минаретов! Каскады глинобитных саклей, как ласточкины гнезда, прилипших к скалам! Пронзительный крик ишаков, звенящий чистый воздух и высокомерное, испепеляющее чужаков солнце! Неведомый до сей поры сказочный Афганистан... Никого не могло оставить равнодушными это великолепие. Оно волновало душу и будущего

героя, и будущего труса или предателя. Ведь именно так Афган рассчитает их, стоявших пока в одном строю.

Первыми звуками, которые услышал Виктор после минутного восхищенного рассматривания округи, было чирканье десятков спичек о коробки. Люди молчаливо раскуривали сигареты и папиросы. Ностальгически запахло Россией. Из состояния душевной комы вывел крик неуклюже бежавшего массивного прапорщика. Кто-то из-за спины шепнул на ухо:

— Слышь, Витек, да одна его фотография потянет килограммов на шесть...

Приблизившийся и задохнувшийся от бега прапорщик был полной копией киношного Чапаевского Петьки, только увеличенной раз в десять.

— «Перетянут ремнями на свинцовом ветру, он возник словно пламя...» — иронически продекламировал какой-то подполковник из «новеньких». На груди прапорщика было три планки — ордена «Красной Звезды» и двух медалей «За отвагу». Тоном, не допускающим возражений, прапорщик приказал офицеру:

— Вот ты, «поэт», и будешь строить вновь прибывших...

Тот апломб, который жирно сочился из запыхавшегося орденоносца, его зычный голос заставляли сделать предположение, что перед офицерами находится, как минимум, первый заместитель командующего армией.

После улаживания необходимых в таких случаях деталей, все, наконец, обрели крайне необходимую возможность окончательно прийти в себя, что значительно оживило народ. Стали поступать первые информационные данные уже непосредственно о земле, ради которой все, собственно, тут и оказались.

После того как Виктор отдал свои документы одному из представителей отдела, возглавлявшего все ПДГ (поисково-десантные группы) в Афгане, местом прохождения его службы был определен гарнизон со строительно-дорожным позывным «Скоба» или пунктом по географической карте — Газни.

Это был центр Афганистана, а городок являлся столицей местной провинции и местом пересечения всех ка-

раванных троп бандформирований. По ним «духам», как вкратце обрисовали Виктору ситуацию в поисково-десантном отделе, доставлялось оружие со всего света: итальянские мины, американское стрелковое вооружение, китайские разномастные толковые подделки и прочее, прочее — немецкое, пакистанское, японское... Как понял Виктор, главную угрозу представлял американский авиационный комплекс поражения практически всего пилотируемого — «Стингер». И все это на его вертолетную голову и головы его друзей. Задача группы, в которую он будет входить, — находить и уничтожать караваны с оружием.

ПЕРВЫЙ «СТИНГЕР»

Несколько дневных часов ожидания под непривычно изнуряющими лучами солнца мало способствовали тому, чтобы детально вникнуть в боевую обстановку. Внимание привлекла небольшая группа офицеров, казавшаяся странной в повседневной офицерской форме. Их внешний вид вызывал гордость и зависть на фоне камуфляжа и выцветших армейских гимнастерок.

Эти парни, судя по всему, с честью завершили выполнение интернационального долга, так как были до черноты загоревшими, на груди у каждого красовались по две-три солидных орденских планки, а в глазах прыгали веселые хмельные искорки. Это были «сменщики».

Людей с этим гордым прозванием на кабульской пересылке ото всех выделяло главное: они были бесшабашно пьяны. Причем водка появлялась у них в руках с одного щелчка пальцами. Водку, стремясь оставаться незаметным, под офицерской рубашкой смело разносил неопределенных вида, возраста и национальности юркий паренек. На секунду Виктору даже показалось, что перед ним достойный сын славного ташкентского таксопарка.

— Чека! Водку! — послышалось в очередной раз, и пронырливый официант по прозвищу Чека, чувствующий себя в огромном скоплении народа, как рыба в воде арыка, в одно мгновение поставил перед сидящими рядом с Виктором офицерами две бутылки «Московской». Привычно молниеносно пересчитал инвалютные чеки и растворился в людской массе.

— Иди сюда! — услышал Виктор голос, обращенный к нему.

— Садись...

Сменщики раздвинулись.

— Новенький? На замену?

— Новенький, — ответил Виктор.

Паузы в разговоре не было. Бережно и важно булькала по стаканам водка.

— Ну, третий тост...

Все встали.

— «Даже ветер на склонах затих...»

Выпили, помолчали.

— Держись, парень, — произнес, обращаясь к Виктору, офицер-танкист. — Меня Сашей зовут. Я из Новосибирска. Вот, расстались с Джелалабадом. Два года, брат...

Сашка затянулся табачным дымом. Он держал сигарету в кулаке при ярком солнце, как в глухую полночь. Ночная война инстинктивно приучила его к осмотрительности. Сигарета в момент затяжки дает такой накал, что ее видно ночью в оптику прицела до одного километра даже при яркой луне. А хороший снайпер стреляет по сигарете, находящейся во рту. Саша ласково потирал в течение всего пиршества правую ногу, которую он переломал в нескольких местах при грубом аварийном прыжке с парашютом.

...Вертолет, на котором он летел, был сбит первым в Афганистане американским «Стингером» летом 1986-го (тогда эта реактивная «стрела» только появилась). Его разрушительные характеристики толком никто не знал. «Вертушки» остерегались лишь зенитных горных установок и, в зависимости от мощности двигателя, без опаски выполняли дневные пассажирские перелеты на максимальной для них высоте — 3500-5000 метров, где снаряды зениток не могли их достать.

Шел обычный перелет из Кабула в Джелалабад. Старший лейтенант Александр Проходов возвращался из отпуска в свою танковую часть, обчмоканный, обласканный женой, обмурлыканный, десятки раз обмоченный начавшим ходить малышом. На вокзале мать напутственно многократно перекрестила сына в спину, едва держась на ногах от острой боли сердечного предчувствия:

— Господи, спаси и сохрани! Матерь Божия, сбереги сыночка! — беззвучно шептали ее губы, на которые потоком текли горько-соленые слезы. Недаром болело материнское сердце...

Две «вертушки», набрав привычными кругами свои безопасные четыре с половиной тысячи метров, заняли двухсотый эшелон и запросили отход от точки. Получив «добро», задребезжали курсом 280 градусов на Восток. В салоне ведомого борта развалились для верного часового сна шесть мужиков, положив под голову парашюты. Четыре женщины, летевшие с ними, были аккумуляторами легкой бравады. Две из них летели впервые.

Зойка из штаба танкистов занимала на жестком сиде-

ньи сразу три места, благодаря своей блистательной пышнотелости, внешне напоминая колобок при росте 160 и весе 120... Она курила, выдыхая в открытый блистер, одновременно вязала и читала какой-то затурканный, с замусоленными уголками роман без обложек. При крейсерской скорости в 160 километров в час казалось, что вертолеты просто зависли на месте — под ногами пассажиров в жаркой дымке медленно проплывали обширные зеленые лесные массивы, протяжные гирлянды скал и редкая блескучая вода. Сквозь светло-бусое небо добросовестно наяривала жаром солнечная кочегарка. Бортовой сквозняк не нес почти никакой прохлады. Минут через сорок пять полетного времени всех так напекло и растрясло, что народ уравнялся в должностях и боевых сроках. Раскисшая с влажным лбом Зойка упорно сражалась с петлями на шерстяном носке. Высунувшийся из кабины борттехник обдал всех легким всплеском воодушевления. Снижаемся. Народ заерзал, зашевелился.

Сорвавшуюся с предгорий реактивную иглу не видел никто. Бородатый стрелок в чалме, пустивший «Стингер», глянул на бегущую секундную стрелку: расчетное полетное время ракеты до данной цели — 4 секунды, на пятой вертолет неестественно качнуло.

Машина, сипя, просела в воздухе. Раздался оглушительный выхлоп. Резко запахло едкой гарью. Двигатель начал ощутимо сбрасывать обороты...

— Ха-а-а-и-и-и, — разом завизжали рты, округлились глаза, с жуткой силой начали драть друг друга людские руки, хватаясь, чтобы удержаться, за что попало. Аварийный сигнал бодрым молодым девичьим голосом сообщил:

— Борт 1634, пожар!

— Борт 1634, пожар!

Первый пилот:

— За борт! Надеть купола! За борт!

— Бортач! Сорвать блистера!..

Второй пилот, пытавшийся вывалиться через свой блистер, зацепился ремнем автомата за кресло. У него, не очень физически крепкого, сейчас хватило силы разорвать автоматный ремень, который по ТТД выдерживает около тонны нагрузки. Он первым провалился вниз к земле.

Командир хрипло рычал, пытаясь удержать машину для сохранения тех нескольких жизненных секунд, которые необходимы были для эвакуации. Сашка, шустро на-

пяливший на себя парашют, нашел в себе хладнокровие, чтобы надеть «купола» на потерявших самообладание женщин. Он вышибал их пинками через люк, успевая защелкнуть замок автоматического раскрытия парашюта за страховочный трос рядом с люком. Из пассажирского салона двое лейтенантов выбросились первыми, надев парашюты сами и плюнув от страха на друзей. Зойка визжала, брызгая пенной слюной. Парашютные ранцевые лямки никак не налазили на ее огромное тело.

— Не на-да-а!.. а-а-а... мамочка-а-а-а... не на-да-а-а-а!..

Она прокусила Сашкину руку насквозь.

— Не трогай-й, су-у-ка-а, меня-а-а!..

— Мама-а-а-а!.. Оставьте меня-а-а-а!..

Вертолет горел, резко проваливаясь вниз. Командир орал Сашке:

— Прыгай, говно, прыгай!

Пылающая «вертушка» гулко пошла к земле. В небе зависли десять «куполов». Один пассажир разбился сразу. От страха при падении в воздухе он не смог нащупать кольцо парашюта. Другой выпрыгнул с неправильно надетым ранцем. Зойка в конвульсирующей истерии так и не дала нацепить на себя аварийный парашют, разодрав ногтями и искусав обоих оставшихся в машине мужиков. Зойка, лязгающая зубами громче двигателей, вцепилась обеими руками в сиденье, фыркала губами, как загнанная кобыла, плюясь кровью из перекушенного языка.

Вертолет стал заваливаться вверх шасси и несущим винтом вниз (отстрела лопастей на этой модели не было), поэтому Сашке, борттехнику и командиру на возможность спасти свою грешную жизнь осталось не больше трех секунд. Поняв, что одуревшую бабу никакими силами не спасти, командир сзади обхватил оставшихся мужиков и выпихнул их за борт, следом вываливаясь сам — на долю секунды позже, а значит, последним. Только чудом их не рубануло несущим винтом. Сбитая машина по крутой спирали пошла к земле. Мгновение спустя парашютисты увидели сначала яркую засветку, а потом до них, болтающихся в небе, докатился раскатистый взрыв.

Ведущий борт с первых секунд пожара на ведомом вызвал спасателей с ближайшего аэродрома. Командир сбитого вертолета с борттехником начали палить по «духам» еще в воздухе, стреляя и кидая гранаты куда попало. Сашка не имел оружия, как прибывший из отпуска. Он только

раскачивался на стропах под куполом, как на качелях, чтобы максимально уклоняться от прицельного огня, и орал на всю округу, словесно помогая командиру крепкой руганью, как пулеметом. В этом диком азарте он не приземлился, а грохнулся, сломав в двух местах ногу и капитально отбив копчик. Все это время первый — ведущий борт, как клушка, носился вокруг расстреливаемых «духами» парашютистов, чтобы дать возможность хоть кому-то приземлиться живым. «Духам» не удалось добить только четырех русских, но ни в одного они не промахнулись — ранили каждого.

Горячая материнская молитва ко Господу, ко Пресвятой Богородице за тысячи километров от знойного Афгана в России чудесным образом оберегла русского воина Александра от неминуемой гибели. В ту страшную минуту сердце матери в пронзительной боли дрогнуло, она истово перекрестилась сама, перекрестила и фото сына, волна облегчения омыла ее страдающую душу.

Сашка ничего этого не чувствовал, понял только одно — жив, и, постанывая, попытался приподняться, чтобы уяснить обстановку, но, резко вскрикнув от боли, вновь ничком опрокинулся на землю.

— Старлей, ты живой?! — откуда-то по соседству прокричал командир сбитой «вертушки».

— Слава Богу... — едва слышно ответил танкист.

Четверка вертолетов поисково-десантной группы (ПДГ) примчалась через 11 минут после получения сигнала о помощи. Прибывшие спасатели собрали всех минут за двадцать, отбив «духов» от точки аварийного приземления метров на триста.

По дороге на базу в вертолетах на окровавленных «куполах» штабелем лежали восемь погибших. В углу стояла парашютная сумка с немногочисленными останками Зойки — прокопченной грудью и раздробленной правой стопой. Сбоку вповалку уселись живые, кто где мог, Сашка полулежал на боку, опершись на локоть. Раненые, не морщась, булькали 96-процентным спиртом прямо из горлышка фляги.

Уже на следующие сутки пассажиров на вертолетах по всему Афгану стали перевозить ночью. А днем полеты приказано было выполнять только на предельно малой высоте, недоступной для «Стингеров».

УРОКИ ВЫЖИВАНИЯ

Рассказ Сашки подошел к концу, он поднес стакан с водкой ко рту:

— Ну, ладно, помянули наших... А ты-то сам кто будешь? Откуда? Куда путь держишь?

Виктор коротко рассказал о себе и спросил:

— Ребята, а кто этот увесистый прапорщик с кучей орденов?

Офицеры разом сплюнули и так же разом наперебой стали пояснять:

— Он в Афгане уже семь лет и хрен его отсюда выгонишь.

— Здесь у него золотая жила.

— Знаешь, сколько его Красная Звезда стоит?

— Ну? — на последний вопрос недоуменно откликнулся Виктор.

— Шестьсот чеков, — ответил Юра из офицерской компании. — Только знай, кому их сунуть. Я за свою Звезду полживота отдал, а он — главный евнух пересылки... Ладно, еще наслушаешься о нем.

И, как бы устыдившись собственной досады, Юра резюмировал:

— Давай лучше выпьем, ибо красные глаза не желтеют, то бишь желтухи не будет.

— А кто этот Чека? — спросил Виктор.

— Солдатик один, — ответил Саша. — Отслужил на пересылке срочную, теперь водкой торгует при евнухе с орденами. У Чеки, кстати, тоже есть Красная Звезда и «За отвагу». Он сам из Самарканда. Да ты их, приграничных жителей Союза, только в таких местах и встретишь: на продскладах, на складах горючего, на пересылках. На боевые-то только Ваньки да Петьки из Вологды ходят. Еще, правда, хорошо ребята-грузины воюют.

— С ними надежно, не сдадут, — подтвердил сказанное товарищем третий сменщик по имени Николай и спросил у честной компании:

— По четвертой, что ли?

Виктор потянулся было за бутылкой, чтобы разлить водку по стаканам, но был ненавязчиво остановлен:

— Ты, Витек, пока посиди с нами, присмотрись, порасспроси, чего не понимаешь. Ответим на все вопросы. Тебе в гарнизон желательно прибыть максимально подготовленным. Когда у тебя вылет?

— Ночью, — ответил Виктор.

— Ну, и чудненько, — улыбнулся жемчугом ровных зубов Николай и наставительно продолжил:

— Это я тебя к тому попридержал, что разлив водки здесь особого мастерства требует. За каплю, пролитую на землю, можно и схлопотать. Уж слишком часто она, к сожалению, скоро будет тебе нужна, а провезти ее через ленточку, сам, небось, видел, как постыдно трудно. Брать ее здесь в дуканах опасно. Часто местные отраву подсовывают, или колпачок—«сюрприз» бывает. Его в Пакистане делают. Отвернешь чуть-чуть, он так хлопнет, что в лучшем случае без пальцев останешься, а в худшем — еще и без глаз. Много нашего брата по неопытности пострадало. У меня-то это вторая ходка за ленточку. Первая была в восемьдесят первом—восемьдесят третьем годах, — продолжал Николай.

Мимо, покачивая переполненными бедрами, вальяжно прошествовала в трико и на шпильках невысокая дама с выражением самоуверенности на лице. По ходу она оценивающе брызнула глазами по новым знакомым Виктора. Прилипшие к ее формам четыре пары боевых глаз с вожделением проводили мисс-пересылку.

— И много здесь, ну ... женщин? — продолжал допытываться Виктор о местном житье-бытье.

— Три процента, — последовал незамедлительный ответ, — как и положено на войне. Без них нельзя. С ума сойдем или как в зоне бывает. Но, если честно, в Афгане, по-моему, три процента, умноженные на сто. Почему? Видишь ли, это смертельно деликатная тема. Мы коротко просветим тебя, а по ходу сам деталей доберешь.

— Здесь ведь как, — взял на себя обязанности фронтового «моралиста» Юра, — как в известном законе: сколько убыло, столько прибыло. В этом вопросе кадровый отдел работает идеально. Что греха таить, многие едут в Афган, чтобы, если живы будут, более-менее подзаработать, детей потом на ноги поставить, удостоверение участника войны получить, льготы и тому подобное. А для женщин тем более. Ведь наши девчонки едут сюда не от хорошей жизни, оставив дома детей, мужа, если он есть. Ведь, если

есть муж, то надо сделать документ, что разведена. Если есть дети, то опять же нужен документ, что они живут самостоятельно, то есть взрослые. Иначе, по закону, женщине на войне не место. К тому же существует возрастной ценз — до тридцати пяти лет. А этой, что мы видели, даже с натягом меньше сорока пяти не дать. Значит, понесла соответствующие расходы — паспортный стол в Союзе тем и кормится. Но самое сложное для них наступает здесь, вернее — еще на ташкентской пересылке. Там работает целый синдикат по «достойному» для них финансовому размещению, исходя из внешнего вида и протекции. Хочешь добиться того, за чем приехала, — плати, и жизнь-малина обеспечена.

— Будет числиться на должности машинистки при штабе, а служить два года на должности пэпэже.

— Не понял, — переспросил Виктор.

— Ты что, совсем непросвещенный? — подосадовал Юра.

— Просвещенный, — ответил Виктор, — но некоторые тонкости не довели.

— Доведут, — засмеялись новые друзья. — Пэпэже означает походно-полевая жена, и при начальнике она будет днем и ночью, понял?

— Понял, — кивнул новичок.

— Чем удачнее она договорится, тем ближе к Кабулу. Которая слишком гордая, вон у Коли в Ложкаревке окажется. Это самая нижняя точка на карте. Если не уживется, то через три-четыре месяца уезжает обратно.

— А вот тебе и наглядное пособие к нашему теоретическому занятию, — кивнул головой в сторону контрольно-пропускного пункта Николай.

Из приехавшего УАЗика начальственно, словно барин, вылез прапорщик — близнец утреннего чапаевского Петьки. К нему мгновенно по одной стали подходить все «девчонки» рождения конца пятидесятых годов в поразительно одинаковом «прикиде». Сытый покупатель, вяло обмахивая себя носовым платком величиной с детскую пеленку, безучастно внимал женскому красноречию. Выслушав всех, он надменно прошествовал мимо вытянувшегося дневального в штаб пересылки.

— Выбрал кого-то, — сказал Юра, сплюнув в сердцах. — Вот так, Витек!

Внезапно всеобщее внимание от женского невольничьего рынка отвлекли раздавшиеся будто рядом калашниковские очереди и несколько взрывов.

— Это из местного карьера, он в пяти километрах отсюда, — сказал кто-то.

Коля, слегка потемнев лицом и поминально держа стакан, подробно рассказал о некогда произошедшем в каменном карьере эпизоде афганской войны. Находящийся невдалеке от пересылки карьер был здесь единственным источником высококачественного строительного материала. Беда случилась с группой из восьми молодых солдат, прибывших в Кабул за три месяца до случившегося. Таких молодых ребят здесь называют «бача», то есть по-афгански — «ребенок», «малыш». Их под командованием необстрелянного сержанта отправили на добычу камня для строительства бани одному остро нуждающемуся в ней начальнику.

— Для постройки местных сандунов, — глухо добавил Юрий.

— «Бачата» прибыли на ГАЗ-66 сами. Из оружия взяли только автоматы и по одному магазину...

Вырвавшись на волю подальше от начальственных глаз, они, понятное дело, расслабились и разомлели под кинжальными лучами чужого солнца. Посовещавшись, решили единогласно:

— Задачу выполняем за полтора часа вместо отведенных четырех, а остальное время отдохнем в тенечке и выспимся.

Наскоро надолбив необходимую кучу и закидав ее в кузов, бросили на пальцах, кому быть часовым. Часовой, смешливо посокрушавшись, залез в кабину с открытыми дверями. Друзья расположились на травке. Через двадцать минут, раскиснув от непривычной жары, все спали по-детски крепко, с причмокиванием.

...Первым легким пинком в живот был разбужен сержант. Приветливо улыбающийся «дух», ровесник нашего вояки, приложил палец к губам и поманил:

— Вылезай!

Осоловевший и разомлевший, ничего не соображающий от перегрева парень с овечьей покорностью выполз из-под машины. Ему тут же залепили рот кляпом и связали. Остальных из тенечка выволакивали точно так же. Их оружие держали в руках сидевшие на корточках молчаливые,

смотревшие исподлобья бородачи. Смешливый мальчишка-«душок» вкапывал в землю кол, старательно заточенный, как игла, солдатской лопаткой. Солдаты, парализованные до окаменелости, следили за его добросовестной работой. Как только она была закончена, толстый черный «дух» что-то глухо гаркнул. Первым подхватили сержанта, поставили на голову и мгновенно раздели. Боец беззвучно истекал обильной слюной. Пощечинами его привели в чувство, и, наперебой бормоча какие-то заклинания, стали опускать на кол. Кол бесшумно и быстро вошел до живота. Но сержант молчал. После этого «духи» отпустили русского и, впившись в него глазами, стали смотреть на тело, медленно-медленно оседающее на кол под тяжестью собственного веса. Минут через пятнадцать это мучительное движение к земле прекратилось, и конвульсии угасли. Кровавое острие кола торчало из левого глаза мученика. Его руки, связанные за спиной, непроизвольно, от боли переломали все пальцы. Сержант молчал даже в момент агонии.

Оставшимся «бачатам» поочередно отрезали головы и сложили пирамидкой на кабине, обернув их прищуренные взгляды на Восток. Но одного солдата оставили живым. Его, сошедшего с ума, привязали собачкой к сержантскому колу, и неспешно исчезли, забрав отрезанные уши для отчетности. «Аллах акбар!»

Не шелохнувшегося во время рассказа Виктора поразил не столько сам факт изуверства и жестокости, сколько смиренномудрый тон повествования о живьем посаженном на кол сержанте. Пройдет совсем немного времени, и сам Виктор будет вынужден говорить о погибших товарищах таким же безразличным, на первый взгляд, тоном, а на самом деле единственно правильным, впитанном нами с молоком матери, без истерик и кликушества, каким говорили о погибших однополчанах вернувшиеся и с Куликова, и с Бородинского, и с Прохоровского полей наши пращуры. Вечная им память! Упокой, Господи, их души в селениях праведных.

Ночью на одной из пришедших в Кабул газнийских «вертушек» Виктор отправился к месту своей афганской службы. Через сорок пять минут полетного времени он оказался на базе «Скоба», которая на долгое время стала для Виктора родным «домом».

ЗДРАВСТВУЙ, «СКОБА»!

База примостилась на высоте двух тысяч шестисот метров над уровнем моря, или лучше сказать — над уровнем бескрайнего песка громадной пустыни, среди лысых кривобоких холмов, переходящих в высоченные отвесные скалы. Вдалеке виднелись еле различимые при вылупившейся луне скудные чахлые деревца.

Недельный срок дотошной подготовки к войне быстро привел вновь прибывших офицеров в подобающее чувство. Тщательное изучение оперативно-боевой обстановки вперемежку с ценными рассказами бывалых, отвоевавших свой срок, дорисовали во всех подробностях обстановку, в которой предстояло жить и воевать.

Инструктировали по очереди офицеры-вертолетчики «Скобы» и десантники Батиной «Чайки». Отвоевавшие пытливо вслушивались в наставления своих однополчан, при нужде без суеты веско добавляли ценнейшие детали живого боевого опыта. Так они слагали щит воинского мастерства, который должен был стать надежной защитой новичка в каждом бою. Эти беседы длились часами, но порой Виктору казалось, что захватывающий урок науки побеждать пролетал за несколько минут. Ни из одного казенного учебника вычитать подобное было невозможно. Стреляные и битые мужики каждое свое слово подтверждали живыми примерами, наглядно демонстрировали те или иные приемы бранного искусства: если надо, залегали тут же, у курилки, имитируя реальную боевую ситуацию. Они кувыркались, крутились, падали из любой позиции — плашмя, на бок, калачиком, на спину с перекатом через голову и тут же оказывались на ногах. Громоздкие дядьки преображались в ловких гимнастов, циркачей, балетных танцоров. Гибкости и ловкости их тел могли бы позавидовать какие-нибудь супермодели или звезды кордебалета.

Затем они требовали от новичков-сменщиков повторения всех этих упражнений и постоянно разжевывали каждую деталь, пока самый тупой не поймет, чего же от него добиваются. Но тупых не было, свое уже послужившие в Союзе офицеры все схватывали налету. Они, как

большие дети, увлеклись этой страшной, но столь необходимой для выживания игрой взрослых мужчин.

Надо было знать, как и для чего именно накачать кисть, мышцы запястья, локтевые жилы. Ведь нужно было довести руки до стальной твердости, чтобы автомат держать, как пистолет, при немыслимых кульбитах с оружием между спасительных валунов.

— Когда прокрадываешься к позиции противника, патрон надо держать уже в стволе, но предохранитель при этом замкнут, ибо в момент подползания нечаянным жестом можно нажать на курок. Почуяв близость «духа», рычаг предохранителя нужно осторожно оттянуть за ушко в сторону от корпуса и только тогда опустить его на автоматический режим, чтобы, не дай Бог, предательски не прозвучал характерный металлический щелчок фиксатора.

Грубые пальцы воина цепко ухватывают ушко предохранителя, и все видят, как это делается.

— Отступающие «духи» группой в три-пять человек обязательно выставляют прикрывающего. Сначала надо уничтожить его, иначе «дух» из своего прикрытия перебьет наступающих. Затем надо убрать или хотя бы серьезно ранить самого дальнего из убегающих. Ведь у него больше шансов уйти в прикрытие и оттуда начать огонь по нашим для поддержки своих. Потом только добивайте остальных.

Понятное дело, всю эту науку побеждать новички слушают, не дыша. Даже прикуренные папиросы, оставленные без внимания, от обиды гаснут. Их, потухших, с досадой швыряют прочь. Молодые офицеры впиваются слухом и зрением в своего сверстника-наставника.

— Рядом упала граната. Залегай головой к ней. Если нет каски, голову крестообразно закрой руками. Даже в полуметре от разрыва есть «мертвые» зоны для разлета осколков. Они уйдут чуть выше над тобой. Только рот разевай как можно шире. Иначе при разрыве надолго оглохнешь, может быть, навсегда. Тот, кто увидел брошенную гранату первым, кричи: «граната справа!..» — или: «граната слева!» Собственный маневр при этом не сдерживай. Кричать можно и в полете к матушке-земле, и уже лежа на ней. Но предупредить товарищей ты обязан.

Слушатели согласно кивают: сами-то форму не первый год носят, знают, что такое воинская взаимовыручка,

начиная с курсантских самоволок и глухих «несознанок» — кто виноват? — в случае начальственных выволочек.

— При внезапной стрельбе по тебе тут же падай с перекатом и с одновременной изготовкой к бою в момент перекатывания. Почему надо сразу упасть и перекатиться? Потому что при внезапном нападении противника страх парализует, отказываются работать пальцы, ты теряешь жизненные доли секунды для подготовки автомата к стрельбе и погибаешь. А если ты упал, при падении у тебя от болевого импульса происходит всплеск адреналина, кровь бежит по всем жилочкам, и мышцы послушны. Перекатился, то есть сменил позицию, на мгновение ушел из прицельного поля вражеского ствола, при этом снял автомат с предохранителя, передернул затвор и, уже владея ситуацией, мгновенно включился в бой.

— А будете залегать, — вклинивается новый советчик, — надо в течение нескольких минут два-три раза поменять место таким же перекатом, чтобы сбить с толку прицел противника.

Виктор с ребятами укатывают весь песок вокруг штаба, а ходившие кругами «руки в брюки» преподаватели, войдя в раж и перебивая советами друг друга, порой даже пинка дадут новичку за неуклюжесть. Тяжело в учении, зато в бою легче. И вот сами учителя в экстазе, упоенные военной игровой ролью, с криком синхронно кувыркаются рядом. Экзаменаторы дают все новые и новые задания. И вновь катаются сами, падают, прыгают, приседают, шипят, орут...

— Внезапный крик в нужный момент атаки помогает не меньше верного ножа или пули-дуры. Крик тебе поднимает настроение и вызывает ностальгическую грусть прощания с жизнью у «душка», которого ты сейчас прикончишь.

И вот ребята с криком бросаются друг на друга, стараясь переорать «супостата». Весело!

— Если «духам» удалось подползти незаметно, ты не слышал щелчки взводимых затворов, да к тому же временно обезоружен сам, при стрельбе противника надо немедленно закрываться первыми попавшими под руку вещами, даже тряпками, желательно скомканными. Особенно береги голову. Пуля, попавшая в комок одежды, в шинель, теряет силу удара. Так можно избежать смерти и даже тяжелого ранения. Просто отделаешься контузией или срезанной кожей, а попав под углом в лобовую кость,

пуля калибра 5,6 просто уйдет рикошетом. Верно Александр Васильевич Суворов говаривал, что пуля — дура!

После такого наставления мысль одна: «Господи, спаси Ты головушку мою горькую!». Рука каждого вновь прибывшего бойца невольно теребит беззащитное темечко.

— Десять минут перекур.

Отдохнули, мысленно побывали дома и вернулись обратно, все посуровели, обратили взоры в центр учебного «класса» рядом с курилкой.

— Теперь некоторые рекомендации гранатометчикам. Если ведешь огонь из РПГ, то стрелять надо чуть выше укрытия, но это зависит от удаленности цели. Коли «дух» залег в окопчик, а за спиной его стена или скала, то прямо попасть в него невозможно, но осколками от разрыва над ним его можно хорошенько посечь. За гранатометчиком надо постоянно наблюдать одному человеку, иначе стрелок может войти в такой азарт, что забудет о самозащите, подставит голову под пули «духовского» снайпера.

Ну и ну! Это точно. У народа даже без боя появился азарт. Еще не постреляли, а уже рассекретились. Начальник штаба заставляет всех повторить учебный эпизод.

После обеда, полнота и сытость которого по-суворовски приравнивается к порции новорожденного младенца, приступают к основе основ боя — к личному стрелковому оружию.

Калашников Михаил Тимофеевич! Поклон, Вам, русский гений-самородок! В XX веке нет равных Вашему боевому детищу и уже не будет!

Автомат Калашникова — сам «калашников». О нем мужики, стоя в кружок, говорят, как о верном друге, как об одушевленном надежном спутнике. Его бьют, он не бьется, его топят, он не тонет. Бросают с пятнадцати метров на скалы с вертолета — даже не треснет.

Только самые зажиточные «духи» имели этот автомат. Остальное оружие других стран ценилось по принципу: на безрыбье и рак — рыба...

Газнийцы долго хохочут, вспоминая рассказ джелалабадских ребят, когда те разом отбили попытку командиров царандоя* поспорить, чье оружие лучше: наш «ка-

* *Местное название Нарадной армии Афганистана.*

лашников» или штатовская М-16. Сюда же в спор привлекли и «псевдо-калашниковых» болгарского и китайского производства.

Конкурс был открыт в 16:00 при жаре +60°С. Проверка шла очень просто: победит тот, кто расстреляет больше патронов при непрерывной смене магазинов. Итог был так же прост, как и замысел...

Китайский «калаш», бездарно своролванный по технологии, на седьмом рожке уныло провис стволом от перегрева.

Болгарский собрат заклинил на девятом магазине.

М-16 едва дотянула до третьей сотни пуль и раздула ствол грушей.

Русский автомат, окутанный дрожащим маревом накала, стало просто сердечно жалко на пятнадцатом рожке. 450 патронов! Это что-то.

У него, перегретого, но не сдавшегося, наши мужики сердечно попросили прощения за проявленное недоверие со стороны местных вояк. Честно говоря, соревновательное напряжение было. Наши ребята поздравили героя и себя с первенством от души, с удовольствием чокаясь фронтовыми ста граммами о казенник «призера». Пили за очередную победу русского оружия. И офицеров царандоя великодушно пригласили на жареного барана, которого афганцы проиграли Калашникову Михаилу Тимофеевичу. Все время соревнований жалобно блеявший бедняга был призом в этом конкурсе.

После рассказа о конкурсе справедливости ради один из старожилов отмечает:

— Чем же хороша М-16, так это одним — штык-ножом. Многие наши берут его в трофей для рукопашки. Надежная штука, острая, прочная, метать его легко...

Преподаватели-«скобари» рекомендуют каждому бойцу иметь по одному-двум запасным автоматным магазинам, в которых последние пять-десять патронов должны быть трассирующими.

— Зачем? — спросил кто-то.

— Чтобы по ним други-соратники могли определить, где ты есть. Да и самому ясно, что у тебя заканчивается боезапас.

— Толково, — удовлетворенно мотнул головой спросивший.

«Чайкинцы» свидетельствуют о своем житейском опы-

те: в магазин можно через каждые 9 патронов ставить один трассер и два-три в конце, чтобы знать о расходе боезапаса. Если в бою образовалась случайная пауза, а трассеры показали остаток снаряжения в рожке, допустим, десять, надо срочно заменить магазин на полный, а опустевший при удобном случае дозарядить. Или магазин опустел, а поменять нет времени ни секунды — лучше пустой бросить в «духов» под видом гранаты с криком: «Получай, гад!» Срабатывает безукоризненно — «духи» валятся, как подкошенные, минимум на минуту, а у вас есть время вставить новый рожок или вообще сдернуть в другое место.

— Вот это по-нашему, — улыбается народ. — Простенько и со вкусом.

— Идем дальше, — консультант затягивается папиросой, в паузе обдумывая дальнейший ход мыслей. — Да, вот... Если потренироваться, то в рукопашном бою пустой рожок можно бросать так, чтобы он попадал зубцами в переносицу или в висок противнику. А то просто держать его в руке для самообороны, как секиру. Пробовали уже не раз. Не мы, правда, а пехота. Результатом довольны. У «духов», оказывается, не головы — астраханские арбузы. Правда, неспелые внутри...

После мрачной шутки наставник продолжает урок:

— В бою или на разведвыходе, да где бы то ни было, любой приказ командира должен подтверждаться тем, что ты его слышал и усвоил. Допустим, услышал:

— Держи!

Не ленись и не стесняйся, ори:

— Держу!

И так далее: слышишь: «прикрой!» — кричи: «прикрываю!», приказывают: «отход!» — подтверждай: «отхожу!». Помни это, как «Отче наш». Халатность при исполнении приказов — гарантия смерти и твоей, и друзей.

Тут следует описание двух-трех случаев, когда так и было на самом деле. Тяжелая штука — война! На ней действительно, как на войне.

— Если у кого-то будет работа с биноклем ночного видения, помните, что он нагревается за одну-две минуты и сам становится мишенью для инфракрасного прицела. Кроме того: зеленое свечение объективов выдает месторасположение твоей головы опытному стрелку. Поэтому осмотр окрестностей должен быть предельно коротким,

потом закрой стекло рукой и выключи этот хитроумный аппарат. Иначе тебя тут же отследят снайперы.

— А подствольник*? — спрашивает кто-то. — Ведь у нас теперь они есть почти у каждого.

— Ага, — продолжает бывалый вояка, — нужная вещь. Основные детали его работы вы все знаете, а тонкости с ним таковы — при стрельбе из подствольника упирать в плечо надо не приклад, а пистолетную рукоятку автомата. Это особенно удобно при стрельбе лежа, тогда легко регулировать угол полета гранаты.

— А в перебежках как? — новички неугомонны в вопросах.

— При перебежках лучше передвигаться с упором приклада в плечо и небольшим наклоном ствола вверх. Не делай упор на уровне живота. Но по крайности можно упереть и в живот, если «духи» от вас не дальше пяти метров.

Все ненадолго замолкают. Каждому жить хочется все больше и больше.

Подходят еще несколько человек из тех, кто готовился к отъезду. Образуется нештатный перекур. В непринужденной болтовне, как завершение, обозначилось — «ну, и на сегодня последнее»...

— Когда будете стрелять из автомата через реку, надо целиться выше. Нужен больший угол возвышения над точкой прицеливания, оттого что поток холодного воздуха у воды и влажность снижают траекторию полета. Кстати, о горах. Там прозрачный воздух, поэтому, когда будете вести огонь через ущелье, можно легко ошибиться в расстоянии. Воздушная «линза» в ущелье ошибочно «приближает» цель.

Подошедшие и похохатывающие о чем-то своем мужики разряжают контрольно-экзаменационную обстановку:

— Ты уже перекалил им головы своими байками, — перебивает ход напряженной беседы пилот Андрюха. — Не перестарайся с учебно-воспитательным процессом. А то с непривычки знаешь, что бывает? Можно и обоср...

Народ залпом хохочет.

---

* *Миниатюрный подствольный гранатомет, устанавливаемый на новых модификациях «калашникова».*

— Лучше расскажи про новосибирских артистов, которые вместо четырех суток проторчали у нас полторы недели. А их девчонки вообще улетать не хотели.

Дежурный «педагог» с «Чайки» в ответ помалкивает.

— Ну, что замолчал?! — подошедшие подначивают главного героя наклевывающегося сюжета. — А стыдливто как! Кто не знает, пай-мальчиком назовет.

Народ в курилке с нетерпением ждет новых откровений.

— Так и будешь молчать? Сами расскажем... С полгода назад к нам приехала группа, по-моему, самых что ни на есть народных артистов песен и плясок, — рассказчик явно наслаждался воспоминаниями. — На следующий день должны были выступать у нас и через три дня на «Чайке». Но выступлений не было. Вечером по приезде после третьей заздравной началось братание. Пели и плясали во всех комнатах и коридорах, а одна солистка с криком «Сибирь воды не мутит» пыталась сигануть через пожарный бассейн. До берега не долетела. Сушилась с истерическим смехом в бушлате, бронежилете и сапогах на голую ногу. Ага... Ей, конечно, дали для согрева...

Лицо рассказчика демонстрирует крайнюю степень увлеченности собственной историей.

— Что может быть хуже пьяного мужика?

Слушатели терпеливо ждут ответа на явно риторический вопрос.

— Только пьяная баба! В четыре утра она уговорила одного такого же «физически устойчивого» здешнего аса слетать на вертолете в «разведку». Счастье, что возмущенная таким разгильдяйством и хамством труженица-«восьмерка» (в нашем просторечии «пчелка») гордо отказалась запускаться. Недолго покопавшись в пилотских тумблерах и рычагах, «одна возлюбленная пара» уснула с крепко зажатыми штурвалами в руках. Они, когда их выдернули из кабины, пытались убедить ревнителей порядка и нравственности, что надо срочно слетать на озеро и наглушить рыбы к утреннему пиву...

«Педагог» мрачно краснел, слушая в дико хохочущем кругу мужиков рассказ про собственные «приключения». Но «конферансье» не унимался:

— В итоге все планы и сроки пребывания труппы в части были совершенно сорваны. Ту самую даму вообще

потеряли. Потом оказалось, что она тайком осталась у одного из присутствующих здесь командиров и пять раз насмерть влюбленная выходила за него замуж. Он отделался от нее только тогда, когда к нам с «Чайки» привез ее на бэтээре связанной. Из Кабула названивали и приказывали: если немедленно не вернете артистов в центр, всех виновников уволим и отправим в Союз. Оба гарнизона — и «Скоба», и «Чайка» — только радостно орали: виноваты все как один, но Кабулу не верим! Если «угроза» правдива, то немедленно вылетаем домой!

— Да ладно закатываться, — смущенный виновник общего веселья качал головой, урезонивая слушателей и рассказчика.

Мужики ладонями стирают со щек обильную слезу.

— Глупо, но есть что вспомнить. А уж новосибирцам и тем паче.

— А как с рукопашкой?.. — немного унявшись, спрашивают новенькие.

— Рукопашка?.. — местные замолкают в поисках наиболее убедительного ответа, даже темнеют лицами от напряжения. Дело — серьезнее некуда.

— Это самое тяжелое, мужики. Самое-самое. У всех, абсолютно у всех это бывает по-разному, по-своему. Есть только одна общая рекомендация. «Духи» сильны, когда среди них смертники или их много. Один на один они, как правило, трусы. Но в любом случае, как бы ни сложился рукопашный бой, убивать или добивать их надо ударом ножа только в голову. Тогда есть полная гарантия уничтожения противника. Причем нож надо всадить именно в затылок или в висок, ибо лобная кость настолько крепка, что в пылу боя нож только соскользнет и раздерет кожу. Рукоятку ножа надо тщательно обмотать парашютной стропой, чтобы во время схватки рука, потеющая от напряжения, не соскользнула с нее в самый ответственный момент. Если закувыркаетесь с «духом» в обнимку, то постарайтесь засунуть пальцы в глазницы или что есть силы сжать и рвануть мужские причиндалы. Без них, раздавленных или оторванных, от внезапной дикой боли «дух» выключается мгновенно. Проверено. Не наносите удар ножом единожды, бейте три-четыре раза с проворотом, особенно в животе. И последнее. Не сдавайтесь в плен. Все равно убьют, может быть, на сутки позже. Только

смерть будет злее, а ее наступление «духи» затянут себе в усладу. Предателей никто не ценит. Предавший однажды, продажен навсегда. Ну, вот и все, — затянулся вновь папиросой бывший начальник штаба. — Теоретически все.

Народ поугрюмел, каждый разбежался мысленно по родным уголкам России. О Всевышний Блаже, спаси души наша!

С уезжавшими домой бойцами простились по-русски канистрой авиационного спирта. Тогда этого добра в легендарной, уже давшей родине Героя Советского Союза вертолетной эскадрилье, к счастью, еще хватало.

К первому боевому вылету Виктор готовился тщательнее, чем к решающей встрече с любимой женщиной. Основательно подогнанное боевое снаряжение весило прилично — всего около тридцати килограммов. Оно включало толково размещенные на себе автомат, тысячу патронов к нему, десять гранат, питание, рацию, теплый и легкий спальный мешок-«пакистанку», нож. В такой полной выкладке, если что, Виктор был готов к самостоятельной «работе» на несколько суток.

Перед его группой поставили задачу: ежедневно по три вылета на поиск и уничтожение банд в режиме свободной охоты. Каждый вылет по два — два с половиной часа с интервалами между ними полтора-два часа. За время отдыха надо было успеть перекусить, покурить, сбегать за угол, дозаправить борт и «освежить» боекомплект. Первый вылет завтра в шесть тридцать утра. А сегодня — последний день отдыха. Написаны письма, а также специальные открытки, где каждый собственноручно указал, куда доставить тело в случае его гибели.

Теперь в баню. Две радости в Афгане: письмо из дома и баня. Баня — это своеобразный ритуал.

— Тем более такой баньки, как у нас, нет ни на одной точке, — рассказывали по дороге в нее новые Викторовы сослуживцы Андрей и Гена, все из одной поисковой группы.

Гордость за свой очаг — тоже хорошее чувство. И представитель каждого отряда или гарнизона лучше своей бани, естественно, не видел нигде.

На «Скобе» баня была построена еще в девятнадцатом веке английскими военными, которые имели здесь базу. Ходил слушок, что где-то в районе базы именно под баней британская королевская гвардия соорудила тайник-погребок,

из которого «забыли» забрать около тысячи бутылок виски.

— Знаешь, Витя, и мы, и до нас восемь лет — все искали этот клад. Но ни одной бутылки пока не нашли. Додумались даже одну собаку натаскать на запах виски. Закончилось тем, что собака спилась, а бутылок нет. Но! Представители ХАДа — афганской контрразведки — утверждают, что тайник все-таки существует. Эту информацию они добыли из английского посольства в Кабуле. В итоге — надежда жива.

Как бы там ни было — с виски или без него — естественно переделанная внутри на русский манер баня воистину была замечательной. Выползли ребята из нее часа через четыре, лица у всех — полная луна. Проходящая мимо воинственная группа решительно топала в сторону отдельной роты аэродромно-технического обеспечения.

— Куда путь держишь, народ? — велеречиво спросил Гена ведущего.

— Ген, ты, видно, крепко перепарился, сегодня же четверг — «день начпрода», — в тон ему ответил старший.

Начпрод, или начальник продовольственной службы, на любой войне есть самая критикуемая и оправдывающаяся фигура. Редкий из них мог избежать каждодневного вопроса на вечную желудочно-кишечную тему о продуктовой недостаточности. Не избежал его и здешний начпрод. Им в звании старшего лейтенанта был, как ни странно, плюгавенький, но удивительно вороватый и бесталанный мальчишечка. «Питающиеся» не знали, с какими оценками этот поваренок окончил военное продовольственное училище, но то, что он попал на войну за растрату в одиннадцать тысяч рублей (и это в ценах 1987 года!) и прочие подобные шалости, знали все. Удачно подвернувшаяся война дала ему шанс избежать суда военного трибунала. Видимо, кто-то помог «сверху».

Учтя ситуацию, личный состав летной эскадрильи решил каждый четверг сделать «днем начальника продовольственной службы». Это значило, что каждую неделю в этот день с 16:00 до 16:30 без лишних объяснений по очереди била морду начпроду назначаемая специально созданным «полковым советом» группа из числа командиров вертолетов. Иных способов воспитания начпрода и поддержания должного порядка в столовой, как ни старались, просто не нашли.

— Что, так плохо кормят на самом деле? — спросил Виктор Гену, и ... лучше бы не спрашивал.

— А ты знаешь, что такое рисовый суп по-газнийски? Это — горсть риса на ведро воды, — Геннадий стал распаляться. — Поживешь месяц, больше узнаешь, — рявкнул он. — Мало того, что не работает ни один холодильник и разворовывается тушенка, от которой местные выглядят жирнее, чем мы. Вчера наш парень, молодой летчик, после полета потерял сознание. Бросились к нему, думали, в полете шальная пуля зацепила, но все оказалось страшней и проще — осмотревший его врач определил физическое истощение от недоедания.

— А командиры? — удивился в свою очередь Виктор.

— Витек, вот сегодня, в эту минуту, данную тему лучше не трогать. А то подвернешься под мою сильную горячую руку... Прости, шучу. Отвечаю: хорошо едят командиры, как и положено столуются. Им походные жены все устраивают.

— Ген, а мой дед, герой Советского Союза, говорил... Только ты не ори, дослушай: «Если подчиненные голодные в окопах по пояс в воде сутками кормят вшей, то и командир должен жить с ними в одних условиях. Вот тогда он их поймет полностью. И котелок для пищи должен подставлять последним...»

— Во! Умный ты парень, оказывается.

— Да это не я, это мой дед, — ответил Виктор.

А шестеро членов «военно-полевого суда», все более и более взвинчиваясь и крича: «Бей начпрода, чтоб голодных боялся!» — покатила в сторону его апартаментов.

— Так, полтора суток сносного питания обеспечено, — без тени иронии произнес кто-то.

У любой войны одно лицо — во все времена, во всех странах, у всех народов. И у каждого народа во время войны появляются свои герои и свои предатели. А между ними есть и не герои, и не предатели, а некие людишки, юркнувшие щукой в ее мутные воды, как в благодатный край. В данной ситуации щукой был начпрод, вот только на сей раз рыбаки оказались большими профессионалами.

В контраст дневной жаре с гор потянуло вечерней сыростью.

— Ну, пора спать, — сказал Гена, — уже поздно.

До первой встречи с войной оставалось шесть часов.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Леденящее дыхание раннего высокогорного летнего утра. Раздетые по пояс подрагивающие на холодке экипажи привычно быстро проходят предполетный медицинский осмотр. Вдруг громкий, усиленный микрофоном голос сообщил:

— Поисково-десантной группе срочный взлет, задачу получите в воздухе!

Уже при отрыве от взлетной полосы были уточнены координаты боевой работы. Оказалось, что в районе населенного пункта Гардез был сбит самолет Су-25. Связь с летчиком потеряна сразу же, при попадании в самолет ракеты «Стингер». На место поиска группа идет на высоте пять — пятнадцать метров. Это самая оптимальная высота для ухода от тепловых ракет зенитного комплекса. Все дело в том, что при определенных углах атаки эффективность самонаведения ракеты на цель минимальна. А от нулевой высоты до высоты приблизительно пятнадцати метров летательные аппараты находятся в «мертвой», то есть безопасной для них зоне.

Первый борт «ноль-пятидесятый» ведет матерый пилот Серега с уважительным прозвищем Дед. К пресловутой «дедовщине» у срочников оно никакого отношения не имеет. Он в Афгане третий раз, причем третий раз в Газни. Летает, уже не глядя на полетную карту, так как все окрестные тропы и пути знает почти наизусть. Отличительная черта Деда — огромная голова, на которую не налезает до конца летный шлем самого большого размера. Его застежек хватает только до верхней Серегиной губы. Еще одна отличительная черта Деда — вечно торчащая изо рта потухшая папироса «Беломорканал». Без нее Сергея никто никогда не видел. Даже в бане. Плюс живот величиной с бочку, который каждый раз тщательно и чуть ли не ритуально утрамбовывался в летное кресло. Это был летчик от Бога и замечательный человек — открытая душа, добродушный и отзывчивый. Но самое потрясающее было то, что он никогда не летал трезвым!

Приняв свою боевую предполетную дозу в двести граммов лично им любовно приготовленной лечебной самогонки, Дед так филигранно «облизывал» своей вертушкой рельеф, что порой у Виктора дух захватывало до зажмуривания.

Вот и сейчас, сидя на своем рабочем месте у носового пулемета, Виктор с замиранием сердца следил за летными чудесами, которые проделывал со скучающей физиономией Дед на высоте пяти метров над землей. Статисты авиационного «шоу» — десять спецназовцев и поисково-десантная группа из трех человек — неслись в дико мотающейся машине со скоростью двести километров в час.

На место падения Су-25 вышли на тридцать восьмой минуте. «Восьмерки» (вертолеты Ми-8) сели в стороне носом к месту поиска, чтобы видеть ребят. Высадившиеся десантники веером рухнули на землю и, моментально, как суслики, зарывшись в песок, образовали классическую оборону при максимальном слежении за группой Виктора — они были виртуозами прикрытия. Рация у всех включена на передачу и прием. Началось беглое обследование места падения.

Обломки самолета увидели сразу. Пилота среди них нет. Внизу в ложбине, под скалой — небольшое кукурузное поле. Виктор дает команду пробить его короткими очередями трассирующих пуль. После очередного прострела винтом закувыркались два «духа» — одному попало в шею, другому — в грудь. Еще трое бросились бежать, так как от трассеров на сухом поле возник пожар.

В пылу боя Виктор, чуть приотстав, решил досмотреть подозрительную гроздь валунов. Всего на несколько секунд задержался, но этого было достаточно, чтобы к нему кинулся незамеченный под валуном «дух». Расстояние между ними было около пяти метров. Не чувствуя ни малейшего страха, чисто подсознательно, почти не целясь, Виктор нажимает на спусковой крючок и... не слышит выстрела — магазин пуст! Лихорадочно пытается поменять его. Но — такое бывает только раз — магазин не защелкивается замком автомата... Потом, кстати, так и не удалось установить причину. Однако Виктор был уверен, что всему виной — нервы. Как никак, а это был его первый бой.

Он отшвырнул магазин в сторону, схватил автомат за ствол и быстро развернулся спиной к скалам. В ясной голове звенело тысячевольтное напряжение, и при этом ни-

каких видений прожитой жизни не промелькнуло перед его внутренним взором. Видимо, еще не пришла его смертная минуточка, и Господь, по молитвам жены и доченьки-любимицы, милостиво хранил жизнь русского офицера.

Налетевший с кривым кинжалом душман падает, как подкошенный, от удара прикладом по голове, и Виктор, зверея, втыкает ему несколько раз нож сверху в голову. На лице, кроме гримасы остервенения, ничего не написано.

Хватает другой магазин, орет дикой руганью на всю округу — на него наседает еще один бандит. Расстреляв полмагазина, Виктор перешибает ему ноги и за волосы тащит волоком к вертолету. Орут оба: Виктор от истерики, «дух» — от боли.

От нашего летчика со сбитого самолета нашли только часть бедра и правую руку. Через 2 часа 45 минут были дома. Закончился первый вылет первого дня. Потом их были сотни.

В очередной раз взлетали в 14:10. День выдался суматошный. Досмотрели один караван — обошлось. На втором — закрутилось.

На эти тридцать верблюдов и человек двадцать погонщиков выскочили из-за скалы носом к солнцу. Ослепленные, ничего не видевшие пилоты начали бить со всех видов оружия куда попало. «Духи», хоть и слышали подход вертолетов, сами, видимо, не ожидали такого мощного огневого налета.

Выбросив группу досмотра, вертушки сели в стороне. Виктор со своими ребятами и спецназовцами подковой рассыпались за скалой. Крики людей, беспорядочная пальба, рев верблюдов слились в такую адскую какофонию звуков, что «духи», видимо, приняли досмотровую группу из двух десятков человек, как минимум, за три батальона. Вдобавок ко всему сорвавшиеся с уздечек верблюды стали затаптывать хозяев. И «духи», оценив ситуацию, добровольно по-страусиному попадали на землю: задом кверху, тюбетейкой вниз, как они обычно поступают в подобных безвыходных положениях.

Так называемый «навар» с каравана оказался густым. С кучей оружия взяли недобитыми одиннадцать человек. Стремясь из-за большой выработки топлива сэкономить время на загрузке «вертушек», брали с собой только са-

мое ценное, остальное — поджигали. И по случайности раскрыли очередную «духовскую» уловку-тайник.

Гена увидел, как из распоротого осколками гранаты брюха верблюда на землю выползают ослепительно белые пластиковые мешочки с героином. Вот это да! Видимо, караван с наркотиками шел в Иран. Чтобы благополучно проскочить иранскую таможню, животным дали проглотить пакеты с героином, а по прибытии на место верблюды напьются специального зелья и «вернут» груз его подлинным владельцам-контрабандистам.

Из-за стремительно тающих запасов горючего пришлось быстро перебить всех оставшихся к тому моменту верблюдов и выпотрошить желудки. Урожай наркотиков составил килограммов сто. «Духов» же пинками рассортировали по бортам, предварительно каждому завязав лицо одним концом чалмы, а руки и ноги связав другим. После доклада ведущему пилоту, что свои все в сборе, набрали высоту и пошли домой.

Даже те «духи», которые не бывали в русском плену, четко знали, что вести себя надо предельно смирно, то есть лежать лицом вниз, плотненько и без резких движений. Досмотровая группа, приходя в себя после боя, все в кислом поту, изорванные, некоторые раненные, бережно передавала по кругу фляжки со спиртом и водой и бинтовалась, поставив из-за тесноты в вертолете грязные кроссовки на спины лежавших и боящихся шелохнуться пленных.

Минут через двадцать полетного времени, чуть расслабившись после нервного напряжения боя, все прикрыли глаза, обмякли.

Встрепенулись от зуммера. Командир «вертушки» просигналил Виктору:

— Подойди.

Продравшись сквозь гущу мужиков, он подставил ухо летчику:

— «Скоба» запрашивает, сколько «карандашей» везем.

Тут надо пояснить, что на условном языке вертолетчиков в радиопереговорах одно время «карандашами» звали пленных «духов».

— Одиннадцать, — ответил Виктор.

Через минуту командир растопырил пятерню и прокричал:

— Приказывают доставить пятерых!..

— Пять, так пять, — досадливо бурчал Виктор:

— Теперь разматывай эти морды и выбирай, какая важней.

Но усталость и близость к аэродрому не давали возможности подробно изучить, кто из закутанных с лицом в чалмы бандитов представлял наибольшую ценность. Поступили исключительно просто: троих крайних с ведомого борта и троих с ведущего подняли под черны рученьки, бережно подвели к распахнутому люку и отпустили на все четыре стороны с высоты пятьдесят метров на скорости двести километров в час. За хвостовыми балками с минуту искрила и брызгала так же стремительно исчезнувшая кровавая радуга. С замыкающей пары Ми-24 по переговорнику бесстрастно доложили:

— Есть касание!

Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский во время главных своих битв — на Неве и Чудском озере старался в плен супостата не брать. Врагов Святой Руси он без пощады уничтожал во время боя. Так, на Неве он повелел своим лазутчикам заранее подсечь днища шведских ладей, чтобы у противника не было возможности ретироваться. И только после этого Князь напал своей дружиной на троекратно превосходящего по силе противника.

Именно поэтому же он выбрал местом битвы с ливонцами весенний лед Чудского озера, чтобы ни один пес-рыцарь, поругавший общерусскую святыню — Дом Пресвятой Троицы — Псков-Батюшку, не избежал Божьего возмездия. Святой Князь так и рассуждал: если Господь дал тебе в руки Своего врага для возмездия и наказания, ты своей скорбной волей не должен его жалеть и щадить, но обязан предать неминуемой смерти.

Время смягчило древнерусские нравы, но на любой войне, при любом конфликте бывали и хладнокровные самосуды. Конечно, убить пленного, если он уже взят в плен и силой обезоружен, среди русских христолюбивых воинов почиталось за грех, ибо из поколения в поколение наши воины воспитывались в духе беспощадности к вооруженному противнику и милости к побежденному врагу. И тем не менее всплески безудержной ненависти, чего греха

таить, все-таки случались и на афганской войне. Они подспудно зрели ото дня ко дню в безысходности ожидания собственной смерти, от жажды мести при виде пустой койки друга, над изголовьем которой продолжали улыбаться с фотографии любимые лица его жены и только начавшей ходить дочурки, которых теперь уже геройски павшему офицеру никогда не суждено увидеть воочию.

Предшествующая этому злополучному полету неделя была как никогда скорбной: погибло много вертолетчиков и спецназовцев с соседней «Чайки». На самой «Скобе» во время жуткого многочасового артобстрела от прямого тройного попадания снарядов в блиндаж пехоты заживо было погребено семь человек с лейтенантом-командиром во главе. Сидевший на куполе недалекой мечети снайпер наповал убил двух вертолетных техников.

Но больше всего ожесточила сердца русских воинов позавчерашняя казнь-джихад трех офицеров и двух солдат с базы «Чайка» в местном перевозном дукане. Дерзкая, по-восточному изощренная «священная» казнь, от которой «воины Аллаха», видимо, получили полное наслаждение и утоление жажды смерти.

Пятеро русских зашли в местную харчевню-магазинчик, предварительно договорившись с его хозяином о предстоящем визите. Они хотели сделать перед долгожданным отпуском необходимые покупки. Толкаясь в магазинчике и выбирая товар, офицеры не заметили надвигающуюся опасность.

Слуга, по указанию хозяина, всем своим видом изображая несказанную радость, как это могут изобразить только на Востоке, предложил гостям чай. После того, как растроганные добродушным приемом ребята глотнули его, их сморил быстрый сон. Им, пришедшим в Афганистан «исполнять свой интернациональный долг», а вернее — защитить этого хозяина от бандитов и междоусобной войны, хладнокровно и методично вырезали сердца и на их место вложили вырванные глаза. Во вспоротые животы вставили отрезанные мужские достоинства, а руки и ноги сплели сзади веревкой. Получившиеся таким образом из человеческих тел круги разложили ночью у блокпоста «Чайки» на циновках, а сверху воткнули флаги из лент, на навершия которых водрузили головы мучеников. Сами

душегубы бесследно исчезли вместе с дуканщиком, его слугой и магазинчиком.

Мерзки их деяния в очах Божиих. Так поступают только трусы, повязывая собственный народ жертвенной кровью и устрашая противника ужасами возможной расправы. Но вызывающий горный ветер ненависти пожнет бурю возмездия, приходящую с русских равнин.

Грозовой нервный комок, копившийся у наших ребят всю прошедшую неделю, когда последней каплей стало вероломное убийство пятерых человек с «Чайки», разрядился вспышкой-молнией самосуда в тот проклятый день. Говорится это не в оправдание, поскольку русский воин не ровня бандиту-душману, а в рассуждение о том, насколько разнится понимание воинского ремесла и воинской доблести у нас и на мусульманском Востоке: казнить пленных без суда в Российской Армии считается тяжким преступлением, а в «национально-освободительной армии Афганистана», как уважительно величали на Западе Европы и в Америке своих выкормышей-бандитов, подобное убийство почиталось за героизм. В этом-то и вся разница: когда мы отходим от своих военно-исторических традиций и принципов христолюбивого воинства, мы уподобляемся безбожным западным армиям, которых готовят умирать только во славу золотого тельца, мы звереем и оскотиниваемся до самосуда над пленными и предавшими друзей и страну, когда появляются новоявленные обрезанные «мусульмане» из вологодских, новгородских, рязанских деревень.

Но когда мы вспоминаем о нашем русском православном Боге, возвращаемся к заветам предков, к традиционным нормам морали и нравственности, отходит от сердца злоба и ненависть, сребролюбие и трусость, и в нем водворяется смиренный христианский непобедимый покой воина, против которого никогда не выкуют, сколько бы ни старались, равноценного меча ни безбожный Запад, ни мусульманский Восток.

Из наградной реляции капитана Виктора Николаевича Николаева:

«...В республике Афганистан с мая 1987 года. Летает на вертолетах Ми-8 в должности начальника поисково-десантной

группы (ПДГ), выполняющей задачу: поиск и спосение терпящих бедствие и поповших в плен, поиск и уничтожение караванов оппозиционеров. Имеет общий нолет 312 часов, выполнил 249 боевых вылетов, 19 разведвыходов в провинциях Пактия, Пактика, Логар, Газни.

16 июня 1987 годо выполнил боевую задочу по спосению экипажа самолета Су-25, сбитого оппозиционерами в районе населенного пункта Гардез. В момент боя с оппозиционероми, оцепившими район падения самолета, огнем автомата уничтожил двух оппозиционеров и ножом в рукопошном бою одного, который пытался воспользоваться поузой при смене Николоевым магазинов в овтомоте. Здесь же во время повторного вылета лично зохватил в плен и доставил на вертолет еще двух оппозиционеров...».

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ, ВИТЮХА!

Взлетая в очередной раз по наводке разведагента, то есть афганца-душмана, завербованного нашей агентурой, Виктор смог воочию увидеть, как ведет себя восточная женщина, попавшая в мясорубку войны. Но сначала следует пояснить, что же собой представляли эти агенты в стане врага, которых имеет любая разведка мира. Эти наемники, принося немалую пользу, естественно, получали за свои услуги и соответствующее вознаграждение.

Добытую информацию, в данном случае от ХАДа (что-то типа КГБ в афганском варианте), насколько было возможно, проверяли. Если полученные сведения оказывались достоверными процентов на девяносто, то агент получал часть оговоренной по контракту суммы. Если же донесение подтверждалось стопроцентно, то вне зависимости от того, как оно было использовано, наводчику выплачивали оставшуюся часть «честно заработанных денег».

Утренний полет в режиме свободной охоты прошел удивительно спокойно. Полуденное испепеляющее солнце продолжало методично расплавлять боевую собранность экипажей. Сейчас вертушки стелились над «кандагаркой». Через полчаса после взлета слева стали вырисовываться две «Тойоты» грузового типа, одна из которых горела.

Высадившаяся группа, не добежав нескольких метров до чадящей машины, почувствовала страшную вонь, а из-под второй, увидев людей, выползли восемь грязных воющих женщин. За ними, цепляясь за длинные паранджи обеими ручонками, волоклись насмерть перепуганные ребятишки.

Пока переводчик, успокаивая женщин, пытался их допросить, чтобы получить хоть какое-то объяснение случившемуся, спецназовцы оторвали борт машины и отпрянули.

По всему кузову навалом были разбросаны около двадцати обезглавленных мужских трупов. Позже выяснилось, что таким образом свела счеты одна банда с другой. Отрезанные головы своих врагов бандиты бросили в кузов машины и подожгли ее. Женщин, на удивление, не тронули. Видимо, решили – не слишком ценный груз.

Идти самостоятельно пешком женщины побоялись. И на это были причины...

После начала войны в Афганистане даже некоторые вечные традиции дали трещину. Многочисленные минные поля, повсеместно разбросанные по стране так, что никто уже не мог точно определить их координаты, стали настоящим бедствием для жителей. На них гибли и калечились люди, животные. Это обстоятельство заставило мужчин-афганцев, правоверных воинов, искать способ, чтобы обезопасить себя. И они его нашли.

Если обычно по восточной традиции мужчина, как глава семейства, шествовал впереди своих многочисленных домочадцев, семенящих сзади него, то когда все чаще стали происходить непроизвольные подрывы на необозначенных минных полях, вековой способ передвижения пришлось изменить. Теперь вперед пустили женщин, причем старшая и любимая жены замыкали бабий строй. А возглавляла шествие, идя, как миноискатель, самая нелюбимая из жен, то есть та, за которую был уплачен наименьший калым.

— Виктор, что делать будем? — после «размаяченной», наконец, ситуации нетерпеливо спросил Саша-переводчик. А пилоты уже повесили в небе ракету, что означало критический запас топлива. — Думайте, мужики, оперативней, через пять минут надо взлетать.

Виктор кричит Саше:

— Быстро посмотри по карте ближайший кишлак. Ткни дамам пальцем в его направлении — и на борт.

Но женщины с ревущими детьми вцепились в Сашку и волокутся за ним следом, не отпуская. Он безуспешно пытается вырваться из их объятий. Внезапно развеселившийся Виктор кричит отбивающемуся от женщин переводчику:

— Эй, «Сухов», разбирайся быстрее, топливо на нуле.

Даже в такой ситуации не терял русский солдат чувства юмора. А поскольку этот радиообмен командира группы с новоиспеченным «любимым мужем» слышали все, то в один голос посыпались восторженные советы:

— Шурик, грузи гарем, только не тяни время! Смотри, Александр, Абдулла не простит.

Но Сашка не внемлет братской подначке, закрывает гастролирующий полевой ЗАГС очередью в воздух и запрыгивает в вертолет.

Всё. Идем домой. В салоне только одна повестка дня: Сашкина «свадьба» и «развод». Он огрызается на шутки, как может. А Виктор, перебирая в памяти только что увиденное, думает о том, сколь многообразна и во многом непонятна нам жизнь других народов...

Вдруг от страшного удара разлетается лобовое стекло вертолета. Через минуту, когда опомнились, все зашлись нервным дурацким смехом. Оказалось, в лоб «восьмерке» врезался огромный орел, который шел встречнопересекающимся курсом. Пробив стекло кабины вертолета, птица разбилась вдребезги, забрызгав кровью пилотов и салон. Все сидят в перьях и орлиных ошметках. А первый опомнившийся остряк уже кричит:

— О, многодостопочтенный Шурик-ага! Это Аллах тебя покарал за то, что бросил свой гарем на съедение шакалам...

Всё! Добили Шурика окончательно.

Лето — время знойное и тем самым не очень приятное во многих южных странах. Афганистан же — место особое. Здесь, как на Памире. За один день можно очутиться и в июльской жаре, и в леденящем зимнем холоде.

Июль. Четыре тридцать утра. Рассвело. Поисково-десантную группу, поднятую по сигналу готовности «номер один», колотит крупная дрожь от ледяного дыхания высокогорья. Винты запущены. Виктор с пилотами ведущей пары вертолетов слушает последние наставления командира эскадрильи и начальника штаба разведки. Задачу предстоит решить очень сложную. Уточняется место поиска двух экипажей вертолетов Ми-24 из соседнего отряда, не вернувшихся вчера вечером после перелета с базы на базу при странных обстоятельствах. Окончательно определив точку поиска, экипажи взлетают.

Почему их не удалось найти и спасти вчера? В горах темнеет рано и очень быстро. Если предположить, что вертолеты сбиты, то летчики, по всей вероятности, заползли в расселину скалы, и «Комар», их аварийная поисковая радиостанция наведения, замолчал. Искать летчиков в такой ситуации, в сумерках все равно, что иголку в стоге сена.

Следует сказать, что к чести советского солдата за всю историю боевых действий в Афганистане не известно ни одного случая, когда бы товарищей не вызволили из беды. Старый русский воинский принцип: сам погибай, а

товарища выручай, был свят. Горько было потом ребятам читать перестроечную ложь в русскоязычной прессе, где рассказывались «страшные» басни о том, как наши расстреливали своих же окруженцев с воздуха, чтобы те не попали в плен к «духам».

Выполняя боевую задачу, любая группа была твердо уверена: живыми или мертвыми их вызволят из любой непредвиденной ситуации. Чего не скажешь о Народной армии Афганистана, а тем более — о бандитах. У последних существовал вообще звериный порядок: если раненого не могли унести, его просто добивали.

Надежда на то, что потерявшиеся экипажи целы, еще оставалась. Так считали на «Скобе»...

Все стало ясно при входе в искомое ущелье. Оно оказалось тупиковым и не имело сквозного прохода! Этого не могли знать погибшие летчики, как не знали за секунду до входа в ущелье и пилоты «Скобы», ибо на полетных картах эта особенность рельефа не была обозначена. Ребят-поисковиков, специально тренированных к нештатным ситуациям и налетавших не один час в труднейших условиях, крутанула тупая дрожь. Теперь им стала ясна картина случившегося вчерашним вечером.

Быстро наплывающая темнота заставила пилотов изменить намеченный маршрут полета, что и привело их к гибели. Кого в том винить, топографов? Стандартной полетной карте было более тридцати лет. В боевых условиях в этом районе ею никто не пользовался. А в Афганистане сотни ущелий, о рельефе которых не знают даже местные жители. Ибо племена, кочующие по стране, оседают в знакомых местах на срок в зависимости от времени года. И снимаются по-цыгански стремительно, без предупреждения. Каждое кочевье живет само по себе, по своему вековому укладу, подчиняясь своим законам. Во главе каждого рода — старейшины, решающие все вопросы: от того, где ставить шакр, и до судебного приговора.

В то время, когда в глухом ущелье разбились русские вертолетчики, по восточному афганскому календарю шел 1366 год. Кочевники-афганцы, с которыми приходилось встречаться на разведвыходах, чаще и не знали, какая страна находится рядом и есть ли она вообще. Расстояние и направление до ближайшего кочевья, до стоянки чужо-

го племени определялось перелетом стрелы правее-левее какой-нибудь снежной вершины и солнца. Где уж тут рассчитывать на подробную полетную карту, хотя от этого, конечно, нам не легче.

От многих встреч с афганцами, жившими порой ниже дна нищеты, оставалась тягость на душе. Предельно трудолюбивые, отзывчивые дехкане вызывали такую жалость в сердце, что летающие иногда по знакомым маршрутам экипажи и спецназ сбрасывали им оставшиеся поношенные, но крепкие вещи, а по возможности лекарства и продукты. Живущие недалеко от военных городков крестьяне, бывало, подводили к контрольно-пропускным пунктам своих детей (чаще девочек) и униженно молили взять их хотя бы на короткое время в рабство в обмен на продукты. Но, к чести русского солдата, можно уверенно сказать — не известно ни одного случая, чтобы подобные предложения принимались.

...Сделав печальное открытие о тупике в ущелье, летчики ведущей группы загустили эфир крепким русским словом. Их состояние можно понять. Ибо даже коридор пролета в этом ущелье был настолько узок, что идти по нему можно было только в одну сторону, предельно осторожно, без резкого крутого крена. Извилистое ущелье растянулось всего на три километра. И тупик, внезапно выплывающий с солнечной стороны, не оставлял тяжелым Ми-24 ни малейшего шанса на скорый спасительный набор высоты.

Удар о скалу шедших парой машин был мгновенным и страшным. Они обрушились, посыпались, как говорят пилоты, с высоты около пятидесяти метров. Летчики даже не успели сделать попытки покинуть борт с парашютом.

Сегодня идущих впереди поисковых Ми-8 со «Скобы» спасла только легкость машин и мгновенная реакция летчиков. Борта круто рванули вверх и ушли от лобового удара. Шедшие следом в кильватере тяжелые Ми-24 вовремя сориентировались и также удачно перемахнули через вершину скалы. Затем, встав в круг, они начали прикрывать высадку поисковой группы.

Десантироваться с ходу не получилось — не позволяла величина посадочной площадки. Решили поступить по-другому: «восьмерка», зацепившись левой стойкой шасси

за скалу, дала возможность спасателям рвануть вниз по тросам, с воем и замиранием сердца, туда, где едва различимыми в бездонной сумеречной глубине крестообразно лежали потерянные Ми-24.

Война есть война. И хотя на ней привыкаешь к смерти и виду крови, к гибели знакомых и друзей привыкнуть невозможно.

Вертолеты, вернее то, что от них осталось, лежали друг на друге хаотической грудой металла. Чтобы достать летчиков, поисковики стали разволакивать обломки. Один экипаж извлекли без труда. Вид у мертвых летчиков был такой, будто они спят. Второй же экипаж вытаскивали, по частям разрезая трупы. Голова командира висела на ниточке-жилке. И, Господи прости, чтобы доставить тело на борт, голову пришлось отделить.

При подходе к дому перепились, как свиньи. Плакали на борту все, размазывая слезы и сопли кулаком. Ночью ребят в цинках отправили домой — хоть могилка будет, где поплачут родные. На четыре кровати в модуле стало меньше и на двадцать литров похоронного спирта тоже.

Прав был тот сменщик на кабульской пересылке: самое страшное — везти домой друзей. Страшно смотреть в глаза отцу, матери, жене, детям. Что им ответить на немой вопрос: «Что же ты, сынок, не помог уберечься нашей кровиночке? Что же ты, сынок?..» А повисшая без сознания на чужих руках жена? А маленький сынок, с любопытством рассматривающий мертвого папу и с интересом играющий его наградами?

Страшно, не дай Бог!

Караваны, караваны... Досмотры, контроли, проверки, стрельба. И так изо дня в день. Отупели, огрубели ребята, и только сердце осталось таким же, и взгляд устремлен по-прежнему в одну сторону — на Север, туда, где ждал русского солдата родимый дом.

О подходе очередной бандгруппы стало известно заранее и «Скобе», и «Чайке». Ребята из «Чайки» группой в десять человек во главе с крепким командиром Гелой из Рустави ушли на захват банды, состоящей из сорока пяти душманов. Лихие ребята! Через два дня после выполнения задания спасатели «Скобы» должны были забрать их со скалы в пятидесяти минутах полета.

Спланировали операцию спецназовцы толково, грамотно, но в бою всего не учтешь.

О ночном выходе спецгруппы банде донес кто-то из местных. Видимо, одновременный выход ложной группы был подозрительно громче обычного, что и насторожило душманского информатора. Обычно такой отвлекающий внимание ложный шумный выход использовали десантные батальоны, когда проводили особо сложные операции. Нередко к такой незамысловатой, но эффективной военной хитрости прибегали и вертолетчики.

Под шумок опытный Гела с навьюченным, как верблюды, отрядом тихо исчез в черноте дождливой ночи. Автоматы и гранатометы обмотали фланелью, ею же переложили патроны и гранаты. Надели фланелевые «намордники» и на каждого из орлов руставского Гелы.

Эти девятнадцатилетние ребята умели ходить на загляденье профессионально, будто их мама в каске родила — шаг в шаг, след в след, вздох во вздох. И так порой они проходили до двадцати километров за ночь по горам и пустыням. С закрытым ртом на всем пути — все просьбы о помощи и команды показывались на пальцах. Один еле слышный щелчок впередиидущего, и каждый, садясь, клал ноги на плечи впередисидящего: за пять минут кровь отливала от стоп, и усталости как не бывало. Два щелчка — сближались с впередиидущим и делали по три-четыре бережных глотка воды из шланга четырехлитрового резинового пакистанского баллона, уютно расположенного по всей спине. Кстати, у этого баллона имелись еще и небольшие оригинальные пупырышки, массирующие спину при движении. Из продуктов, кроме воды, они брали с собой выдаваемую только на время боевых операций сгущенку, спирт и галеты. Остальное считалось излишеством. Курить строго запрещалось, точно так же, как недопустимо было даже вскрикивать во время шального ранения.

Итак, Гела должен был перехватить банду к вечеру, навязать ей бой и захлопнуть капкан, вызвав на подмогу группу захвата на вертушках.

Выйдя с наступающим рассветом в планируемую точку, группа «заполянилась» для многочасовой и, возможно, многодневной «лежки». То есть быстро, как кроты, зарывалась в землю, песок, закрывалась валунами. Теперь их не видел никто, они же контролировали все.

Но, к сожалению, слишком шумная «ложь», выполненная «шайтан-арбой» — четырехствольным танком «Шилкой» при выходе, насторожила «духов», поднаторевших за годы войны в слежке за нашими войсками и имевших повсюду своих доносчиков.

Гелу крепко зажали в горах. Он передал по рации: трое убитых, все ранены, в их числе двое — «двухсотых», то есть тяжело раненных. Боезапаса осталось на сутки экономного боя, плюс по четыре гранаты у каждого и две на всех для самоподрыва. Оборону заняли в пещере.

К Геле на выручку взлетели в восемь утра. Через двадцать две минуты были в районе поиска. Еще несколько минут понадобилось, чтобы разобраться в ситуации. Далее действовали по отработанной старой схеме. «Двадцатьчетверки» ракетами прикрыли высадку, и группа Виктора со всем необходимым, обдираясь о скалы и лаясь, проползла к десантникам.

А «духи», сообразительные матерые «духи», не сделали ни одного выстрела. Затаились, превратились в камни, дали прибывшим захлопнуться в каменном мешке. Когда, высадив группу, «восьмерки» взлетели, чтобы встать в зону ожидания, они быстро стали похожими на решето — «духи» заявили о своем присутствии из всех видов оружия. Раненные левый летчик и борттехник одного из вертолетов все же успели отвести машину на безопасное расстояние.

Когда глаза «гостей» привыкли к темноте, их взорам предстала удручающая картина. Двое прокопченных от боев и грязи десантников дежурят на входе с пулеметом. Остальные лежат вповалку на камнях. Уже четверо убитых бережно уложены в углу. Двое пленных «духов», захваченных во время короткого дерзкого выхода, туго скрученные ремнями спина к спине, с чмоканьем сосут камни.

Ребята быстро просчитывают ситуацию. Всего их, живых, девять. В том числе трое тяжело раненных, остальные — легко. Они трое суток без воды: пьют собственную мочу и пленных поят тем же. Из питания только смоченные в моче камешки да роса, выпадающая на камни по утрам. Оставшиеся две банки сгущенки и три литра воды — для «двухсотых», которым постоянно протирают губы смоченным в воде грязным бинтом. Для дезинфекции ран прямо на пораженные участки каплями льют спирт.

К тому же есть в запасе, как лечебно-питательная подмога, граммов двести «плана» — анаши, вперемешку с опием и еще какой-то местной удивительно целебной и питательной травкой. Эту порошковую массу носят у себя на груди в кожаных мешочках все «духи». И пользуются ею в случае голода, царапин, ран, ушибов. Подобными препаратами народной медицины пользовались и спецназовцы. Сейчас эту смесь также разделили на всех, большую часть отдав раненым.

Первое, что услышал Виктор, был чей-то голос, доносившийся, как из колодца:

— Господи, мужики! Как же долго вас не было!..

Прибывшие молча и быстро, но без суеты приступили к оказанию первой помощи. Гена сразу ложится за пулемет на входе, Виктор начинает перевязывать раненых, Саша — допрашивать пленных.

Детально уяснив обстановку, поделили патроны, укрепили оборону, успокоили и усыпили тяжелых «двухсотых» уколами промедола и двумя-тремя таблетками фенобарбитала.

Ночь стремительно, как вертолет на взлете, набирает обороты, и становится ясно, что вернувшиеся с дозаправки «вертушки» вновь уйдут домой пустыми, ибо «духи», обложившие пещеру плотным кольцом, не дадут ни сесть бортам, ни выйти пленникам.

Включив рацию, договорились со «Скобой», что ночуют на «даче», своих ждут утром. Но их не было ни утром, ни вечером, ни в течение следующих суток. Пыльная буря, поднявшаяся на высоте трех тысяч метров, внесла свои коррективы. До сих пор в плену скалы было шесть человек, стало — девять.

После того, как помогли раненым, обратили внимание на «духов». Хоть это враг, противник, но все же люди — наши пленники. А значит, попали под нашу ответственность и имеют право на человеческое отношение, конечно, какое возможно в данных условиях. Оттащили их еще глубже в пещеру и коротко, по-русски, предупредили, что ждет их в случае неповиновения.

Стрелки летных часов показывают ноль-ноль часов — время выхода на связь. Но на сей раз связаться с базой не удалось: то ли рация очень глубоко в скале, то ли ее где-то сильно грохнули, поэтому радиосигнал не проходит.

Увлекшись помощью раненым, десантники дали «духам» возможность ближе подтянуться к пещере. Теперь их от спецназа отделяло метров двадцать—двадцать пять. Противники не сводят друг с друга глаз. «Духи» прекрасно поняли, что положение наших ребят аховое, и стали вести себя чересчур свободно. В пещеру постоянно летят камни и отчетливо слышен разговор.

— Обсуждают, как лучше нас отсюда выкурить, — шепчет переводчик из отряда Гелы. Вдруг он прикрыл рот ладонью. Глаза заблестели, как от хорошего известия.

— Что? — шепотом спросил Виктор. В подставленное ухо переводчик прошептал:

— Витек, нам, кажется, крупно повезло.

К оживленной паре подполз Гела.

— Мужики, — продолжал переводчик, — мы держим в плену важную птицу. Один из этих двоих — сын главаря банды. За его спасение и наши головы «духам» обещают кучу денег.

— Т-а-а-к! Вот тебе и повороты судьбы. Получается, теперь эти два пленных «душка» охраняют нас?!.. Давай быстро менять ребят, — уже не особенно приглушая голос, оживился Виктор. — Гела, ты со своими усиль охрану внутри, а я залягу с Геной и Андреем у входа.

Все немного засуетились, так как из-за узости прохода более двух человек в горловине поместиться не могут. Часовые стали меняться через каждые полчаса. Вдруг один из «духов», говоривший по-русски, подал голос:

— Эй, вонючие свиньи! Проклятые дети Ленина, сдавайтесь! — хихикая и не особенно прячась, стал кричать явно обкурившийся анашой душман, подползший на опасное для себя расстояние к пещере. Вскоре, забыв от избытка «кайфа» об опасности, рядом со знатоком русского языка показалось еще несколько душманов. Стало слышно дурацкое хихиканье, переросшее в нервное неестественное веселие, симптом наркотического действия индийской конопли.

— Все ясно, — прошептал Гела, — обкурились под самую завязку.

Три чалмы, мелькнувшие совсем близко, вынудили спецназовцев быстро и единственно правильно ответить: весельчаков срезали тремя одиночными автоматными выс-

трелами, затратив три патрона, ибо боевая экономика, в отличие от гражданской, тогда действительно была экономной. В ситуациях, подобных этой, спецгруппы обычно стреляли одиночными, чтобы точно поразить цель и сберечь патроны.

Заткнувшиеся на миг оставшиеся в живых «духи» жутким воем разорвали ночь. Визжали минут двадцать. Но!.. Ответной пальбы по русским не последовало. Видимо, боялись беспорядочным огнем задеть своих.

Уже почти двое суток длилась осада горной спецназовской «крепости». Умер один «двухсотый». Был ранен в плечо Геннадий. Виктора основательно контузило осколком камня, отсеченного «духовской» пулей.

Только на рассвете третьих суток погодные условия позволили группам «Скобы» и «Чайки» подойти к пещере. Да и то с определенным риском: при видимости не более трехсот метров. Ребят отбивали зло и трудно. Прямым попаданием из гранатомета в голову был убит еще один спецназовец. Близко разорвавшейся гранатой так сильно контузило Сашу, что в течение месяца после боя он заикался и говорил только нараспев.

Забросав на первые подвернувшиеся борта своих и чужих, понеслись домой на «Скобу». Приземлившись, вывалились из вертолета на ставший вдруг таким родным песок. Долго, по-чумному, совершенно осоловело пялились на сбежавшихся гарнизонных мужиков, которые, в свою очередь, окружили и рассматривали их, измученных и истрепанных до лохмотьев.

Потом молча стали растаскивать привезенных. Раненых в санчасть, «ноль-двадцать первых» бережно перенесли в специальное помещение для подготовки в последний путь на Родину. Пленных «духов» отволокли в афганскую контрразведку.

Отправив навсегда отвоевавшихся ребят на «тюльпане» в Кабул, пили всю ночь. Помянули погибших. Пили за родной дом, за победу... Потом парились в бане и снова пили, уже молча и остервенело, а под утро следующего дня рухнули от усталости и изнеможения, как подкошенные...

БАТЯ БЛАЖЕНКО И ЕГО «БАЧАТА»

К вечеру после пропарки Виктору стало трудно глотать. Температура поднялась до тридцати девяти и шести.

— Д-д-о-о-п-парился, В-витек, — тускло светя хмельными глазами, пропел Сашка-заика. Он сидел на кровати напротив и рискованно болтал дефицитным градусником. Вкусно, до хруста в челюстях, зевнув, он подытожил:

— Надо слетать на «Чайку» к Бате Блаженко, к его Аркаше, пока не поздно. Они враз тебя на ноги поставят. Есть у них заветное снадобье и специальные навыки лечения таких, как ты, которые после шестого стакана спорят, кто кого в колодце пересидит.

На первом попавшемся бронетранспортере Виктор рванул на «Чайку». Э-эх, Батя Блаженко! Батяня-комбат. Ты — мужик-легенда. Дважды несостоявшийся Герой Советского Союза. Потому что, как сказали в Москве, читая твое наградное представление: «Такого не бывает, во-первых; а во-вторых, на Героя по срокам не подходит...» Умный, толковый, все понимающий окопный «отец». Да, ты один из немногих старших офицеров в Афгане, кто подавал котелок поварам последним, а минное поле щупал своими истоптанными кроссовками первым.

За тобой шли твои подчиненные, построенные в узаконенный тобою ранжир по боевому мастерству и количеству разведвыходов, замыкали же смертельный строй новички. И в этом была своя, отличная от душманской, логика.

Молодые бойцы не имели сурового опыта войны, чтобы мгновенно распознать, скажем, «итальянку» — минуловушку итальянского производства, наступив на которую жизнь приходилось считать на доли секунды. Если наступивший успевал сообразить, в какую ловушку он попал, и намертво припечатывал ногу к поверхности мины, то оставался жив. Убрал — и даже «цинк» родителям вскрывать не разрешали, так как смотреть там было не на что.

Ты, Батя, поставил достойный памятник своим ста восьмидесяти девяти «бачатам», сложившим за два года твоего командования батальоном свои молодые головы на афганской земле от Кабула до Кандагара. Хоть и велик этот скорбный список потерь, но они уменьшились в три

раза по сравнению с твоими предшественниками. При том, что воевал батальон и чаще, и лучше. А памятник погибшим, не мудрствуя лукаво, изваяли из невесть откуда завезенного мрамора. Каменную фигуру солдата обрядили в настоящее боевое снаряжение, на пояс повесили шесть боевых гранат с чекой и через плечо перекинули ручной пулемет Калашникова.

Посмертный список славы открывали два героя, спасшие ценой собственной жизни почти целую роту в одном смертельно тяжелом разведвыходе. Тогда бандит Хоттаб родом из Таджикистана взял в заложники целый кишлак. Ночью к Бате приползли два истощенных до последней степени дехканина с мольбой о помощи. В их еле слышном шепоте переводчик только и смог разобрать: «Во имя детей и Аллаха!..»

Бойцы «Чайки» жестоко наказали наркомана Хоттаба, вырвав кишлак из лап уголовника.

Зажатая в тиски четырьмя штурмовыми отделениями «Чайки» в маленькой глинобитной деревеньке бандгруппа яростно огрызалась в течение трех часов. Бой за каждый дувал, окно, крышу, превратившийся в поножовщину, постепенно сжимался к центру кишлака, дав возможность добраться до Хоттаба. Главарь, прикрываясь щитом из женщин с детьми, скалясь и воя «элля-я-бисмалля-я», стал каждые пять минут выбрасывать в сторону спецназа по одному ребенку с отрезанной головой.

Протаранив задом БТРа самую близкую к бандитам стену, из люка машины выскочили два командира штурмовиков. Хоттаба искромсали ножами, как в мясорубке. Тех бандитов, кто успел упасть на землю, сдаваясь в плен, оставили в живых, остальных — вынесли на штыках.

Одного пытавшегося сбежать хоттабовца долго и молчаливо гнали бэтээром. А когда вконец обессилевший «дух» рухнул на землю, его «заасфальтировали» колесами машины.

Под одиноким деревом выли женщины, рвали на себе волосы в скорби по своим малолетним детям. В этом бою смертники из охраны Хоттаба сожгли себя напалмом вместе с местными ребятишками и двумя русскими офицерами. Позже на обелиске у штаба «Чайки» засветились имена этих старших лейтенантов из Сибири и Псковщины, получивших за тот бой звание Героя. Посмертно.

УНИКАЛЬНАЯ ВРАЧЕБНАЯ МЕТОДИКА

Добравшись до «Чайки» уже глубокой ночью, Виктор почти на ощупь пробирался по длиннющему коридору жилого модуля. Единственная светившаяся лампочка-сиротка у входа в сортир подсказывала путь к Аркашиной комнате. Аркадий, заместитель командира батальона по всем мыслимым и немыслимым вопросам, в момент визита больного «ремесленничал». Стоя одной ногой на табуретке, он что-то пилил, водя рывками вверх-вниз тупую ножовку и поминутно ее кляня.

— Что творишь, Аркаша? — просипел Виктор.

— Не видишь разве? — будто минуту назад расстались, откликнулся он.

Аркаша из черепахи делал пепельницу.

— Витек, присядь, где сможешь, сейчас доделаю посудину для «бычков» и займусь тобой. Мне уже сообщили по спецсвязи ваши мужики, что ты скоро говорить перестанешь.

— Всё! — довольно произнес «мастер». — Ох, и крепкая у этой твари кора. Минут двадцать пилить надо, пока распилишь.

Местные черепахи пользовались особым спросом у бойцов ограниченного контингента. Из них делали плошки, экзотические пепельницы и другую симпатичную лакированную посуду. Этим и занимался сейчас Аркаша, выковыривая штык-ножом остатки нутра из отпиленной половины несчастного пресмыкающегося.

— Ситуация ясна, — произнес, наконец, Аркадий, покончивший с черепахой и с помощью фонарика изучивший ротовую полость пациента. — Надо поднимать Игорька, одному не обойтись.

Анестезиолог батальона Игорь, двадцатичетырехлетний старший лейтенант, был известен своей безотказностью, врачебным мастерством и платонической любовью к сорокавосьмилетней жене представителя Советского посольства в областном центре. В связи с тем, что сегодня Игорек был в стельку пьян, «скальпель» — прокаленный зажигалкой и протертый спиртом, чтобы не занести ин-

фекцию, ритуальный кинжал взял в руки Аркаша. Еле ворочающий языком безотказный Игорек ассистировал ему, неловко подсвечивая фонариком.

— Рот-то разинь пошире и не дергайся! — вошел в раж Аркаша. — Игорек, держи ему голову! И-я-я-х!

Виктор почувствовал, как что-то в горле хрустнуло, лопнуло, и моментально стало легче. Слегка протрезвевший Игорек произнес мудреную медицинскую фразу, обозначавшую, видимо, диагноз пациента.

— А теперь все сплюнь и выпей вот это.

От «вот этого», выпитого залпом, стали видны необъятные российские просторы и салют победы над ненавистным врагом.

— Ху-у-у... — минуту спустя, вытирая густую слезу, уже внятно выдохнул Виктор.

— Предупреждать надо, хирурги!

— Тебя предупреди — эффекта не будет, и цена лечения приблизится к нулю, — тоном ректора мединститута изрек Аркадий. — Ладно, не скули. Девяностошестипроцентный спирт еще никого на тот свет не отправил, а пользу получили от него ощутимую, — продолжал лекцию эскулап.

— Через полчаса идет почтовый борт на «Скобу», — сказал Игорь. — Мы сейчас тебя проводим и посадим, а то сам не дойдешь.

Виктора быстро и жарко развезло. Появилось желание до «почтовика» дотанцевать вприсядку. Выйдя на улицу, едва не наступили на огромного флегматичного лейтенанта, дежурного по части, который левой рукой помешивал прекрепкий чай, а правой, почти не целясь, отстреливал черепах из снайперской винтовки с глушителем. Их неторопливо с интервалом в один метр выставлял новичок-бача, вытаскивая из коробки, в которой предусмотрительно заготовленные еще днем «мишени» лежали горкой.

— А что ты думал? — спросил Аркаша. — Две пользы одновременно: и гарнизон очищается, и в навыках стрельбы совершенствуешься.

Через два дня вся «Скоба» с восторгом палила по черепахам из всех видов стрелкового оружия. Причем за девять попаданий из десяти победителю причиталась банка пива из городского дукана, купленная на деньги из

общей казны спорщиков. И то дело. Особенно, если горло не болит и пиво можно пить холодненьким.

И снова полеты. И днем и ночью. И снова развед-выходы. Для кого они выходы и возвращения, а для кого — уходы в вечность.

Пятнадцать часов тридцать минут. Две «восьмерки» и две «двадцатьчетверки», болтаясь в кильватерном строю, стелются над землей. Идут в сторону дома. Жуткий зной, от которого нет спасения даже на скорости двести километров в час при всех открытых блистерах. Горячий плотный ветер топчется по разморенному телу, как хочет.

Вдруг борттехник показывает пальцем чуть правее. Точка обнаружения, стремительно надвигаясь, превращается в странный холмик с несколькими шестами и лентами на них. Четверка вертушек в тридцатиградусном крене проносится над ними и заходит левым разворотом на второй круг для посадки. На душе какое-то смутное нехорошее предчувствие. Высадившаяся группа «Чайки» из десяти человек кольцом прикрыла тройку Виктора, которая, петляя, бежит к привлекшему внимание месту.

В жизни есть эпизоды, остающиеся в памяти навсегда. То, что увидели десантники, было из разряда так называемых «ужасов войны». На песке, под воткнутыми шестами-флагами лежал полузасыпанный песком человек. То, что осталось от него, на языке «духов» называлось «красным тюльпаном». Это «адское блюдо» готовилось только из пленных советских солдат.

Отрезанная голова, с вырезанной звездочкой на лбу, была привязана между ног. Кожа, нарезанная полосками по всему телу, завязана венчиком там, где была голова. Этот дурно пахнущий, перемешанный с песком мясной ком десантники, плохо понимая, что делается, отнесли на борт.

Все полетное время, тридцать восемь минут, он лежал между спецназовскими ногами на полу рядом со своей головой. И в памяти Виктора он до сих пор лежит там, в вертолете, как и лежал в тот проклятый Богом день. Все смотрели только на него, боясь взглянуть друг другу в глаза.

Как выяснилось позже, погибшего звали Михаилом и родом он был с Вологодчины. В плен попал в бессозна-

тельном состоянии около месяца назад, когда шел замыкающим одной из маленьких колонн. Его долго искали, используя все разведывательные каналы. Он был старшим лейтенантом, командиром взвода, и свою маленькую колонну сохранил. Хоть и потрепанная, до цели она дошла. Себя — не уберег.

Ночью пришел «почтовик». Если одну из маленьких радостей войны — баню можно хоть приблизительно ожидать, то письмо из дому — это вечно ожидаемая и всегда непредсказуемая, нечаянная радость. Сначала письмо, проделавшее путь в тысячи километров, но все же сохранившее запах семьи и отчего дома, благоговейно обнюхивается, потом внимательно рассматривается, и, наконец, — медленно, со сладостным сердечным замиранием вскрывается. Перечитывается эта весточка по многу раз, и каждый раз — как первый.

Письмо заговорит с солдатом то голосом жены, бережно хранящей ранимую душу своего далекого мужа, то мурлыканьем только что самостоятельно пошедшей дочурки, то наставлениями отца и матери. И все эти родные голоса сливаются в один:

«Береги себя, любимый. Береги!»

ЖЕНИХ И НЕВЕСТА

За стеной полчаса назад удалось усыпить снотворным молодого штурмана — лейтенанта Леху. У него на кабульской вертушке-почтовике не вернулась на «Скобу» будущая жена — миловидная, скромная, всегда улыбчивая и краснеющая медсестра Таня. Узнавшего об этом Леху, внешне всегда спокойного, спортивного сложения мужика, забила многочасовая эпилепсия.

«Почтовик» исчез при заходе на посадку на базу «Пучок» в районе пика Мучкель с высотной отметкой 3.558. Связь с бортом прекратилась в два часа, за пятнадцать минут до посадочного времени. Ведомый экипаж ничего вразумительного доложить не смог. В поисках «почтовика» барражировали восемь бортов: четыре со «Скобы» и четыре с «Пучка». Общее мнение поисковиков пока было уклончивым: сбился с курса. А что произошло на самом деле — покажут «черные ящики», если их найдут, конечно.

Несмотря на относительно теплую осень, величественный, вечно снежный Мучкель цепко хранил зловещую тайну не одного уже канувшего в вечность борта. Его блистающие надменные отвесные склоны насмешливо встречали любого желающего покопаться в пещерных сундуках. Седые, клочкастые, стремительно идущие тучные облака не спускали насурьмленных подозрительных взоров ни с одного из непрошеных гостей.

Сектор поиска разделили по квадратам. «Скоба» просматривала свой район по спирали снизу вверх. Шел пятый час безрезультатного поиска. Чем выше поднимались газнийцы, тем меньше становилась видимость. Виктор, прилипнув лбом к носовому блистеру, старался не пропустить ни один подозрительный холм.

Потерянную «вертушку» первыми нашли ребята из «Пучка». Они дали координаты: шесть, квадрат по улитке двойка, и ушли на дозаправку. Взлетев третий раз, четверка вертолетов «Скобы» через десять минут вышла в точку гибели «восьмерки». Да, ребята действительно сбились с курса, причем сбились грубо и странно. Но в тот момент строить догадки времени не было.

Вертолет выглядывал из обледенелого сугроба обломанным хвостом. Лопастей не видно. До места остановки по снегу тянулся ровнейший черный след длиною метров двести. Поисковики посадкой решили не рисковать. Четверо из поисково-десантной группы высадились на тросах. «Калашниковы» остались на борту, из оружия взяли только пистолеты, так как «духов» не ожидали. С собой прихватили ломики и лопаты.

Зависшая «вертушка» терпеливо дребезжала на высоте пятнадцати метров, чуть в стороне. Остальные встали в круг. Виктор с ребятами попеременно размашисто долбили лобовое стекло упавшего вертолета. После того, как раскопали глубоко влезшую в снег носовую часть, удалось втиснуться в кабину.

Экипаж задохнулся, находясь, видимо, в бессознательном состоянии, так как лица не были разодраны ногтями, что обычно происходит в таких случаях. Положение тел подтверждало догадку. У всех вертолетчиков были характерные кровавые заливы лица, как при разовом ударе. Выкатившиеся глаза и вывалившиеся синие языки сделали экипаж близнецами. Пилотов выволакивали минут десять, затем еще минут пять по-шахтерски прорубались в салон.

Таня сидела, припечатавшись спиной к пилотской кабине, со сплющенной головой, размозженной ящиками с боеприпасами. Из груди, разодрав офицерский бушлат, торчала расщепленная доска от одного из ящиков. У ее ног скрючился задавленный тем же грузом еще один пассажир. Остальные, всего их было шестеро, также задохнулись.

Но двое, какое-то время остававшиеся в живых, пытались выбраться через боковой люк. Драка между ними за то, кому быть первым, шла насмерть. Они задушили друг друга: один, схватив конкурента обеими руками за горло, другой, — засунув руку сопернику по локоть в рот.

Через сорок минут, собрав «ноль-двадцать первых» — погибших, спасатели сожгли разбившийся борт нурсами (неуправляемыми реактивными снарядами), сделали прощальный круг и, качнув крылом, ушли.

Таню Леха увез в Союз сам. По дороге, во время доставки, он ревниво и нехотя подпускал к гробу других людей, пытавшихся оказать ему помощь. Дома на похоронах Леха позволил попрощаться с Таней только матери. Сам с любовью украсил скромную могилу. Обратно на «Скобу» Леха больше не вернулся.

«ЧЕРНЫЕ АИСТЫ»

Осень. Высокогорную Газнийскую вертолетную площадку вторые сутки облизывали ленивые рваные тучи. Время от времени они недолго, но густо поливали ледяным дождем людей и строения. Песчаная земля, быстро впитывающая влагу, ощутимо студила ноги в постоянно сырой обуви. Было хмуро, неуютно, постыло и на небе, и на душе.

Только жарко натопленная по-русски баня, только раскаленная парная, набитая под потолок служивыми, приносила облегчение израненным душам и телам воинов. Сквозь глухой из-за пара, не умолкающий ни на секунду банный гам раздался зычный голос посыльного из штаба. С непривычки, едва выдерживая тяжелый мокрый жар парилки, он согнулся к полу в три погибели и отчетливо прокричал:

— Командирам отрядов и поисково-десантной группе срочно прибыть к командиру эскадрильи.

— Ну, ни раньше, ни позже!..

Ворча под нос и переругиваясь между собой, недопарившиеся мужики на ощупь выползали в предбанник.

В штабе сидели трое представителей афганской контрразведки ХАД. Двое из них были афганцами, а третий — русский советник и заодно переводчик, молодой, неуклюжий, с непропорционально длинными руками и ногами. Пожилой афганец, с трудом подбирая выражения, рассказывал о чем-то важном и при том для наглядности показывал оперативные фотографии. Русский переводчик еле успевал за ним из-за невнятного произношения старого вояки. По мере возрастания профессионального любопытства офицеры все ближе подвигались к карте, полушепотом обмениваясь мнениями. Сведения, ради которых вертолетчиков вырвали из парилки, стоили бани, как Париж — мессы. Разговор шел об известной группе афганских бандформирований под названием «Черные аисты».

Эти самые «аисты» в середине лета оказались в зоне ответственности «Скобы» и «Чайки». К осени они уже креп-

ко осели в шестидесяти километрах южнее «Скобы» в почти неприступных горах Хайркота. Костяк группы составляли смертники, физически великолепно подготовленные и обладавшие профессиональной разведвыучкой. Девизом отряда были слова: «Смерть неверным во славу Аллаха!»

В завершение рассказа ходовцы попросили вертолетчиков не позднее завтрашнего дня встретиться с представителями «Чайки» для разработки совместной молниеносной операции. Предстояло выбить противника с места постоянной дислокации, нанести ему возможно больший урон и, если удастся, захватить главарей.

— Надо отметить, — от себя добавил переводчик, — что командиры группы сами смертниками не являются. Они из богатых семей. Их родители постоянно проживают в США. Лагерь для подготовки «аистов» создан ими на свои деньги в Пакистане, в пяти километрах от афганской границы, недалеко от Джелалабада. Сейчас в группе находятся два американских специалиста по Вооруженным Силам СССР, с отличием закончивших в начале семидесятых МГУ и Плехановский институт. Смертников набирали из бедняков Газнийской и Туркменской провинций. Вот теперь и думайте, что нужно предпринять для уничтожения бандформирования. Операцию по ликвидации «аистов» желательно провести за одни сутки.

Сделав паузу, он обвел взглядом слушателей.

— Да... Вот еще...

Переводчик заглянул в свой блокнот.

— У противника имеется мощнейшая радиостанция слежения. Во время операции не используйте привычные каналы радиообмена.

Через два часа в штабе эскадрильи сидели практически все из представителей «Скобы» и «Чайки», кто был отобран для выполнения предстоящего задания. Два ряда столов занимали ребята Бати Блаженко, который придирчиво слушал каждую мелочь предполагаемого, наиболее удачного, как казалось рассказчику, варианта операции. Карту закончили двигать примерно к пяти утра, после чего еще часа два курили.

Под утро Батя с ребятами на бэтээрах ушел в туманной пыли на свою базу для подготовки операции. Разошлись и вертолетчики. Время «Ч» должно было наступить

через сорок восемь часов после приказа из Кабула. Днем получили «добро» на планируемую операцию лично от командарма, в просторечии — «первого».

Почти двое суток прошли в обычной подготовке — проверяли технику, снаряжение, писали домой. Каждый писал по два письма — одно посмертное, прощальное, на случай гибели, другое — обычное, потому что после операции на эпистолярное творчество сил не было. Перед самым вылетом, по старинному солдатскому обычаю, одевались во все чистое...

— Он сказал: «Поехали!» и махнул рукой, — промычал под нос Гена Хлебник из группы Виктора, щелкнув вычищенным затвором своего преданного «калашникова».

— Пять, четыре, три, два, один, ноль... Запуск!

Группа Радаева-Евдокимова, имеющая за плечами двухлетний опыт афганской бойни, подхватила двадцать мастеров-спецназовцев и унеслась в сторону Хайркота. Начался боевой отсчет времени.

Время «Ч» сказалось и на погоде. «Вертушки» унеслись в одну сторону, тучи — в другую. И только «белое солнце пустыни» беспристрастно следило за развивающимися событиями.

На базе весь задействованный в операции народ привычно и молча занял боевые позиции. Свободные от задания офицеры и солдаты душой и сердцем были с теми, кому предстояло несколько часов спустя узнать: живу быть или голову сложить.

В готовности номер один на «ноль-одиннадцатом» борту по радиообмену следил за ходом событий Коля Майданов, православный казах, каких немало я встречал на своей родине, в Казахстане. Николай не знал еще в тот момент, что вместе со своими ребятами спасет двадцать две жизни воинов «Скобы» и «Чайки». За проявленные мужество и отвагу ему присвоят звание Героя Советского Союза.

Два года назад он уже выдержал достойно смертельный экзамен войной: эвакуировал со скалы высотой три тысячи пятьсот метров бойцов правительственной армии, блокированных там со всех сторон мятежниками. Правда, для этого пришлось облегчить борт до такой степени, что

с вертолета сняли все навесное оборудование и даже двери. Другой раз в пустыне Регистан Коля спас от смерти около сотни кочевников-белуджей во время бушевавшего песчаного смерча.

Летное мастерство Майданова было столь высоко, что ему одному из немногих пилотов разрешали поиск бандформирований в режиме «свободной охоты», то есть без согласования с командованием авиационной части. Летать с ним пилоты почитали за честь. Да и «духи» почитали бы за счастье знать маршруты его полетов: за Колину голову назначили премию в миллион «афгани» наличными, о чем свидетельствовали красочные объявления, разбросанные по Газни.

...На пятьдесят шестой минуте после старта первой группы из командного пункта руководителя полетами выскочил командир эскадрильи и, забыв, что в руках у него микрофон и можно отдать приказ по связи, стал орать до хрипоты:

— Поисково-десантной группе взлет!

Но еще до этого мгновения Майданов и все, кто был на борту, знали, что сейчас будет команда, ибо сами слушали радиообмен. Они поняли, что «там» случилось самое неприятное: неожиданно с группой Радаева-Евдокимова была потеряна связь. Минимум, отчего так могло произойти, — их подбили. Чего больше всего боялись, то и случилось.

В момент подлета к зоне контроля оба борта, как говорят пилоты, «поймали» по «Стингеру» одновременно. Военной выучки «Черным аистам» было не занимать.

Ведущий группы — Алексей Радаев сумел хоть и грубо, но посадить вертолет, пропахав брюхом около тридцати метров. Следом за ним по свежевырытой траншее, завалившись на бок, чуть ли не хвостом вперед, бороздил землю Саша Евдокимов. Тормозной путь машин, густо дымящих и фонтанирующих кипящим маслом из пробитых двигателей, был впечатляющим. В итоге оба борта, побратски обнявшись, зарылись мордами в арык. Оставшиеся в живых человек двадцать пять из тридцати, оглушенные, с разбитыми лицами и в изорванной одежде, пытались вытащить тяжелораненых и останки погибших из горевших машин. Позиция была хуже некуда — с двух сторон

арык зажат скалами, на вершинах которых — огневые точки «аистов», да и в самой долинке горного ручья в сторону солнца противник рассредоточился за каждым удобным валуном. Позади, за тесниной меж скал была пропасть, арык уходил вправо от нее по широкому уступу скалы.

Две «двадцатьчетверки», шедшие за «восьмерками» в боевом строю, после попадания «Стингеров» во впереди идущие машины вздыбились носами, так как совершили одновременный мощный залп из всех видов имеющегося вооружения по базе «аистов».

Зависшая над местом падения «вертушек» трехглазая красная ракета «духов» стала сигналом для «аистов» на уничтожение наших ребят. И началась такая адская стрелково-пушечная какофония, что едва выползшие из вертолетов люди зарылись по самые глаза в разом забурлившую от пуль и снарядов арычную жижу.

Сбитым ребятам не было ни малейшей возможности сделать хотя бы один ответный выстрел. Да, собственно, в тот момент и неизвестно было, куда стрелять. Из-за пара, столбом поднявшегося от воды, противника не видели ни те, ни другие. Радаеву чудом удалось заметить за спиной узкую тропинку, по которой можно за две-три минуты очень быстро успеть переползти всем в мало-мальски удобное место и перетащить тех, кто не мог двигаться.

Грохот пальбы не позволял услышать даже ближнего, поэтому объяснялись на пальцах, как на разведвыходе. Как ни странно, но собственная деловитость и собранность почти всех успокоила. Народ стал методично и быстро окапываться, занимая крошечную круговую оборону. Кто мог, зарылся во влажный песок по самые плечи. Благо он был податливым, но жутко холодным.

Всех не способных стрелять штабелем сложили в центр круговой обороны. Леша Радаев хладнокровно пересчитал общее количество боезапаса, разделив его на каждого поровну. Не сговариваясь, все воткнули перед собой в песок штык-ножи. Все произошло за полторы-две минуты. Тем и сильна русская душа в тяжелых ситуациях: несмотря на плотный прицельный обстрел, всю подготовку к обороне бойцы провели, не обращая внимания на воющие пули.

Один из десантников, совсем молодой, именно таких и звали — «бача», впервые оказавшись в горячей ситуа-

ции, от страха потерял самообладание и с безумными глазами попытался вырваться из оборонительного кольца. Получив жесточайший, но спасительный удар по голове от кого-то из своих, солдатик обмяк и был уложен в середину общей кучи.

В вышине сиротливо, но грозно кружили две «двадцать-четверки», достреливая свой боезапас по противнику. Саша Евдокимов поднял к небу взор, тихо и внятно произнес:

— Если подкрепления наших через пятьдесят минут не будет здесь, то командиры группы дергают кольца гранат по моей команде для самоподрыва.

Возражений ни у кого не было.

А «духи» осатанели. На крошечное кольцо русских воинов был обрушен огонь плотностью не менее пяти пуль на квадратный метр. Примерно через пятнадцать минут боя ранены были все. А со стороны солнца со скоростью, превышающей предельно допустимую, на выручку уже неслась шестерка Ми-8 и десять Ми-24. До позиции им оставалось несколько минут полетного времени.

На первой «ноль-одиннадцатой» «восьмерке» командиром группы шел Батя Блаженко. Всполохи и молнии от боя были такими, что по этим засветкам летчики еще за пять километров определили, как правильно подойти и высадить боевые группы. Благо, этому помогало и солнце. Не уходя от его лучей, бьющих в спину, ни вправо, ни влево, Коля Майданов, поддержанный из всех видов стрелково-пушечного оружия, сделал первую посадку в самый центр пекла.

Огонь «духов» стал еще сильнее, так что за несколько секунд до приземления разлетевшимися осколками блистеров вертолета были посечены все находившиеся на борту. Высадить Батю с его группой удалось только на третьем приземлении.

Четырнадцать человек вывалились на землю за одну-две секунды, и, то петляя, то по-пластунски стали подтягиваться к группе Радаева. Майданов, творя чудеса пилотажа, умудрялся находить такие точки ожидания на земле, где на него успели бы загрузиться все. Несмотря на пулевые пробоины, превратившие вертолет в решето, он по-прежнему оставался боеспособным.

Будучи командиром авиагруппы и стремясь сохранить жизнь друзьям, Коля запретил всем бортам заходить в точку загрузки, взяв всю ответственность на себя. Остальные должны были вести только огневую поддержку, находясь на удалении не ближе пятисот метров.

— Ну, что, соседи, дождались? — просипел Батя. Он первым очутился в общей куче обороняющихся.

— Теперь все валимся на «ноль-одиннадцатый» борт! — проорал он по рации. — У нас времени тридцать секунд. Мужики, смотрите в оба! На второй подход возможности нет!

Борт Майданова, как мячик скача с точки на точку в клубах пыли, огня и дыма, уже стоял в новом месте загрузки. А живые уже тащили мертвых. Виктор, как кладовщик, считал всех по головам. Батя, меняя седьмой магазин на бусом от накала «калашникове», без конца хрипел:

— Все?! Все?!

Головы уже считал каждый, кто способен был считать.

— Ну, что?! — уже сидя на борту и свесив ноги, Блаженко палил очередями во все стороны и продолжал, как заевшая пластинка, непрерывно переспрашивать:

— Все?!

Как ни считай, а одного не было. Гена вывалился с борта и, грохнувшись животом об землю, показал на пальцах:

— Трое ко мне! Майданов, вывози кучу в сторону и сразу за нами!

Сильно перегруженный борт, задрав хвост и почти бороздя носом землю, едва оторвался от площадки и сменил место ожидания. И тут раздался спокойный голос Коли:

— Или забираем всех, или все остаемся.

А четверо вывалившихся на поиск в сплошном дыму и копоти, при видимости два-три метра, на ощупь искали забытого. Он нашелся почти сразу: мальчишка-«бача», которого в самом начале боя «усыпили» ударом по голове. С выпученными глазами, обняв валун в арыке, солдат дико хохотал. Его едва отцепили втроем. Дотащив до борта и забросив найденного в общую кучу, Блаженко почему-то уже без автомата, с одной гранатой и ножом, заполз в пилотскую кабину и показал Майданову руками: «Отход!»

«Аисты» были уже в пятидесяти метрах. Разом прекратив стрелять, они понимали, что взлететь и уйти из их рук этим людям поможет только чудо. И Майданов поразительно спокойно совершил то, что дано было совершить только Летчику с большой буквы.

На борту находилось тридцать пять человек, и поэтому из-за перегрузки взлететь он мог только по-самолетному, то есть с разбега. Тропа, назначенная Колей и судьбой «взлетной полосой», была настолько узка, что, сползи с нее вертолет хоть на метр влево или вправо, его несущий винт обломился бы от удара о скалу. Длина разбега была короче любого теоретического минимума, о котором пишут в летных учебниках. Взлету на тот свет не мешали даже «аисты». В эфире же пронеслось единственное слово: «Взлетаем!»

Машина, вибрируя, начала медленно и тяжело разгоняться. И в тот момент, когда шасси оторвались от земли буквально на сантиметр, «взлетная полоса» оборвалась. Под вертолетом разверзлась стометровая пропасть. Но милость Божия, сердце-двигатель и раскрученный до звенящего предела винт, превратившийся от перегруза в воронку, были на стороне русской отваги.

Вертолет, падая в пропасть, успел за несколько десятков метров набрать недостающее число оборотов винта, прекратил сваливание и, медленно набирая высоту, начал уходить в сторону базы. «Аисты» не верили собственным глазам: верная добыча ускользала от них! В бессильной ярости они стали палить вслед машине из всех видов стрелкового оружия.

И тут на них волнами обрушились «вертушки», ожидавшие своей очереди и следившие за спасением сбитых экипажей. На душманские позиции пошел авиационный пушечно-ракетный накат, который превратил их базу в жерло извергающегося вулкана, в сплошное черно-грязное облако из дыма, пыли, песка, копоти и огня. Когда стихли разрывы снарядов и ракет, был слышен только треск догорающего металла, нечастые крики раненых «духов» и свист пуль от разрывающихся в огне патронов.

Четыре боевые группы спецназа «Чайки», находившиеся в пятистах метрах, терпеливо ждали, когда можно будет что-либо рассмотреть на том месте, откуда еще сут-

ки назад исходила смертельная угроза. Но угарный чад, которым заволокло разбитую базу «аистов», висел плотной стеной в стоячем безветренном воздухе, мешая приступить к завершающей части операции.

Ни один бандит не выбрался из этого котла между скал, хотя наверняка кто-то уцелел в гротах. Бойцы «Чайки» не стали тратить времени попусту. Отойдя еще на один километр, устроили круговую ночную засаду и окопались кольцом. К часу ночи над «духовской» базой появились бомбардировщики Ту-22 из Союза. Ювелирно отбомбившись, они ушли к себе.

Начавшийся к рассвету ветер разогнал дым и гарь, и позволил Аркаше, руководившему операцией, скомандовать:

– К бою!

Но боя как такового не было – драться было не с кем. Среди разбитой, искореженной техники на выжженной земле удалось сосчитать около тридцати пяти трупов «аистов». Два Батиных сержанта пунктуально выполнили указание комбата об обнаружении живыми или мертвыми двух американских советников. Их, наспех заваленных валунами у входа в грот, обнаружила Аркашина немецкая поисковая овчарка по кличке Бача. Выполнив указание хозяина, пес прилег так, что слился с цветом земли и смиренно «доложил» о выполненной работе еле слышным повизгиванием, светофоря алым языком. Оба бывших отличника «плехановки» и МГУ с треском провалились на военной «олимпиаде», где медалистами стали простые русские школьники с Урала. Отживших свое американцев опознали по крепкой качественной обуви и чистому ухоженному телу. Их головы «духи» унесли как доказательство своим хозяевам, что в руки к русским те живыми не попали. По всей видимости, выжившие «аисты» ушли через многочисленные катакомбы и естественные пещеры, которые пронизывают собой горы Хайркота.

У нескольких трупов были разбиты головы. Вероятнее всего, их добивали свои, потому что таким образом смертники не сводят счеты с жизнью, у них есть другие способы. Собственно операция уже завершилась, и, чтобы не тратить время и спокойно дойти домой, Аркаша дал команду своим:

— Выполняем беглый контрольный досмотр пещер и через тридцать минут уходим.

Углубляться в гроты глубже естественной световой видимости он запретил. Прежде чем досматривать сомнительные темные углы, Аркаша потребовал забрасывать туда по трофейной гранате американского производства, в каждой из которых находилось около ста мелких стальных шариков, залитых воском. Ценность их была в том, что насмерть они никого не поражали, но без глаз оставались практически все, для кого они предназначались.

Восемь БТРов, оцепив вход в пещеры, навели стволы КПВТ — мощных пулеметов, установленных на них. По команде капитана-новосибирца четыре группы по пять человек бесшумно и стремительно растворились в пещерах. Три группы, покопавшись минут пятнадцать и покидав несколько гранат на всякий случай, вышли со скучным видом. Что бродили?

На двадцатой минуте, когда Аркаша, от долгого ожидания уже начавший было ерзать задом по броне, собрался заслать людей на выручку четвертой группы, из пещеры раздался хохот, а минуту спустя оттуда вышли военные... в форме английских королевских войск. Впереди шел на согнутых ногах один из них. С красным от натуги лицом он тащил обеими руками двухпудовую огромную амбарную книгу.

В ее описи одних только касок числилось сорок тысяч штук, не говоря уже о различных видах другого имущества. Эта часть пещеры была тщательно ухоженным и скрупулезно продуманным в инженерно-фортификационном отношении военным лагерем времен английской интервенции. Вдоль каменных стен шла толстая электропроводка и часто висели разбитые плафоны. Склад занимал достаточно большую пещеру, около 50 квадратных метров, с металлической решетчатой дверью. Ее-то шустро и вышибли. Дальше обнаруженного склада десантники углубляться не стали. Туда просто не спеша покидали штатовские гранаты и вяло постреляли. В глубине грота было сухо, свежо и тепло. Где-то звонко струился ручей.

Облачившись в форму английских колонизаторов и прихватив с собой груду всяких причиндалов, наиболее ценными из которых были металлические фляжки, похо-

жие на маленькие барабанчики (оказавшиеся, правда, к великому сожалению, пустыми), колонна «Чайки» запылила в сторону базы. На переднем бэтээре в каске конца девятнадцатого века и в зимнем френче нараспашку восседал довольный Аркаша.

Тщательно продуманная операция завершилась, в общем-то, благополучно. Летучим бандитам не только оборвали черные перья, но и уничтожили их гнездо. Яйца там они уже нести не будут. Но и «Чайка» вышла из этой схватки изрядно потрепанной. Двух ее птенцов «тюльпаны» унесли в Россию. Один навсегда перестал слышать и видеть, трое — ходить и преподносить любимым цветы, потому что их просто нечем стало преподносить, а у нескольких десятков бойцов на армейской форме, как знак доблести, появились нашитые желтые и красные полоски о ранении. Все, кто нюхал порох в эти сутки в горах Хайркота, стали орденоносцами. И первым в славной солдатской когорте стоял командир «ноль-одиннадцатого» борта Коля Майданов. Честь и слава тебе, российский солдат!

Невыразимо горько говорить об этом: 29 января 2000 года от Р.Х. при выполнении боевого задания в Чечне Герой Советского Союза полковник НИКОЛАЙ МАЙДАНОВ беспримерно храбро окончил свой жизненный путь.

Была поставлена задача высадить группу десанта в зону действия ваххабитских боевиков. Однако сразу после высадки стало понятно, что разведка подкачала в выборе квадрата десантирования. Отряд десантников попал в засаду — под мощный перекрестный огонь до поры затаившегося противника. Сразу же несколько наших бойцов были ранены.

Командир вертолетчиков принял единственно возможное в этой ситуации решение: забрать десантуру обратно к себе на борт. Суворовский закон: сам погибай, а товарища выручай, — был растворен в горячей крови Майданова. Никогда он не бросал боевых товарищей в беде. Перед Богом свидетельствую об этом всем своим опытом, когда мы вместе с Николаем сражались плечом к плечу в Афгане.

В момент эвакуации десантников пуля врага угодила в приборную доску и срикошетила в грудь мужественного пилота, попав в область сердечной сумки. Но даже такая тяжелая рана не была смертельной для него. Он не выпустил штурвала из своих рук.

Уже в момент набора высоты Майданов был тяжело ранен в шею. Поврежденными оказались важнейшие артерии. Однако и тогда Николай продолжал лично управлять винтокрылой машиной и почти довел ее до нашей базы. На то он и был — летчиком от Бога! Жизнь оставила Николая прямо в полете — от колоссальной потери крови за несколько мгновений до приземления. Посадку вертолета завершил его второй пилот.

В отряде вертолетчиков никто не хотел верить в смерть любимого командира. Матерые мужики, прошедшие пекло множества жесточайших баталий, плакали от такой утраты навзрыд, как малые дети. До сих пор и я не могу осознать смерть своего боевого друга. Несмотря на запоздалые усилия фронтовых врачей, душа героя отлетела от нас — земных в недостижимую пока небесную даль.

Российский воин Николай МАЙДАНОВ был похоронен на Аллее Героев кладбища во имя Преподобного Серафима Саровского в Санкт-Петербурге.

Вечная память Христолюбивому воеводе Николаю! Слава его жизни и подвигов в наших сердцах, в душах наших потомков не померкнет никогда! Имя его навеки вписано в скрижали мучеников за единую и неделимую Святую Русь! Аминь.

ПОЛИТРУЧЬЯ КОСТЬ

В час ночи на кровать Виктора и одновременно на его ноги уселся запыхавшийся гарнизонный радист Федя. Так как закрывать двери на базе было не принято, друг к другу в гости заходили все кому не лень. Особенно на запах жареной картошки, считавшейся деликатесом.

В настоящую минуту деликатеса для Феди не было, поэтому он довольствовался еще не остывшим чаем с сахаром и печеньем из недавней посылки соседа. Виктор, проснувшийся от боли в ногах, минут пять недовольно ворчал, уговаривая Федю слезть с теплого места. Наконец, доев печенье и выпив чай, Федя слез.

— Командир зовет, — вытирая рот, проговорил он.

— Случилось что-то? — спросил Виктор.

— Случится завтра, а сейчас пошли, — радист начал стягивать одеяло.

У комэска, как это было принято, уже грелся чайник. Подходившие командиры отрядов и групп старались занять место поближе к столу. Командир эскадрильи, будучи человеком не особенно дипломатичным, сразу стал пугать всех тем, что их ожидает завтра. После чего всем присутствовавшим за чаем требовалось высказать свое мнение по поводу того, чтобы это «плохое» завтра не стало еще хуже.

— В общем, так, — проговорил командир. — К нам едет «ревизор». Причем «ревизор» из-за «ленточки». Человека три ташкентских, остальные, по-моему, из Москвы. Сейчас по спецсвязи передали. Поэтому на завтра объявляю парко-хозяйственный день: моем, чистим, драим. Вопросы и дополнения есть?

Вопросы и дополнения были. Самый щекотливый, тяжелый и подхалимский, то есть об организации стола и бани, взял на себя начальник штаба. Самый патриотично-государственный (о политзанятиях и несуществующих конспектах трудов классиков марксизма-ленинизма) задал Виктор. Инженер эскадрильи, имевший всегда для подобных случаев двадцатилитровую канистру «живой воды», должен был обеспечить технический осмотр. На семнад-

цать часов дня назначили время «Ч» — к этому сроку база должна быть готова к приему «ревизоров». Самих гостей ждали к двадцати трем часам завтрашнего дня.

— Ну, я все сказал, — душевно просто произнес комэск. — Сейчас начало третьего, можете идти спать, а по дороге решите, как лучше все устроить. К семнадцати часам база должна быть готова к приему «ревизоров».

На «Скобу» гости прилетали крайне редко. Последний раз аналогичная проверка была четыре месяца назад. Цель таких посещений была одна — за орденами. Ибо уже за один перелет на «Скобу» писались наградные листы, как минимум, на орден Красной Звезды.

В двадцать два часа все, кому было необходимо, уже толпились у домика руководителя полетов, курили в кулак, шепотом лихословили, подтрунивали друг над другом, в общем — «отдыхали». Чувствовалась легкая нервозность, так как борт с гостями был уже на подлетном курсе.

Из зарулившего на стоянку вертолета высадились восемь человек. Ежась от ночного холода и спотыкаясь в кромешной темноте, в сопровождении командира эскадрильи они потянулись в сторону штаба. Командир, вторично попросивший гостей выключить фонарики, почувствовал их легкое недовольство. Тогда он пояснил:

— Видите ли, по яркому свету фонарика бьют снайперы. Хоть тяжелых последствий у нас не было, но пули посвистывают.

Аргумент прозвучал убедительно. Гости не только выключили фонарики, но и дышать стали реже. Вдруг за спиной у них, мощно тряхнув землю, прогремел оглушительный взрыв, и в небо взвился огненный смерч высотой метров пятнадцать, а в разные стороны от места взрыва стали разлетаться куски только что прибывшего вертолета.

— Вот так-так, — единственное, что смог произнести один из окаменевших гостей. И тут же раздался голос комэска:

— Ложись!

На песок рухнули все, кто находился в тот момент на аэродроме. Его приказ уже и не требовался — местные зарылись в песок одновременно со вспышкой, закрыв голову руками. «Духовский» снаряд попал точно в топливный бак, так что вертолет сгорел дотла минут за десять. Один из ревизоров, придя в себя, тоскливо произнес:

— У меня же там осталась летная зимняя куртка, совсем новая...

Его горестный голос прозвучал настолько глупо в данной ситуации, что вызвал долгий нервный смех у всех, слышавших эту фразу.

Не смеялись только пилоты сгоревшего борта. А командир, перекрестившись, произнес:

— Еще пару минут церемоний, и все были бы на небесах!

После этого привычного для обитателей «Скобы» и неожиданного для проверяющих случая намеченное для ревизии время сократилось с трех суток до одних. Солидный план проверки урезали до трех пунктов: баня, стол и... политзанятия. «Не было бы счастья, да несчастье помогло», — сплюнув, пробормотал начальник штаба.

Утро началось в обычном рабочем ритме. Технические представители ушли к техникам, штабные — к штабистам, летчики — к летчикам. Так как Виктор являлся заместителем командира эскадрильи и по политической части, то с ним приступил к душевному разговору молодой подполковник-«политрук». Порассуждав министерским голосом с полчаса в курилке о ночном происшествии, он попросил Виктора собрать личный состав в классе для проведения политзанятий и напомнить при этом, чтобы не забыли прихватить с собой конспекты бессмертных трудов классиков марксизма-ленинизма.

После напоминания о конспектах, больше похожего на приказ, Виктор подскочил и, заметно нервничая, попытался дипломатично объяснить политруку, что лучше бы он не позорился и отменил глупое распоряжение:

— Товарищ подполковник, у нас сегодня первый день передышки после двухнедельных боев, да и то благодаря лишь вашему приезду. Мы понесли серьезные потери, люди нуждаются в отдыхе: постирать белье, написать письма домой, да и просто выспаться. Давайте, я вам откровенно расскажу, как и где протекает наша политучеба, а вечером, после того, как люди отдохнут, мы их соберем, и вы сами сможете обо всем с ними поговорить. Пожалуйста, не обижайтесь, но я вам как политработнику от чистого сердца скажу: так будет лучше.

Говоря все это, Виктор ходил взад-вперед по курилке, не видя лица подполковника. А когда закончил и по-

смотрел ему в глаза, увидел в них полное непонимание и родовую политручью спесь. Лучше бы и не смотрел...

Еле сдерживая раздражение, подполковник с металлом в голосе произнес:

— Товарищ капитан! Сейчас ровно девять часов. В девять тридцать вы соберете весь личный состав офицеров и прапорщиков эскадрильи. Солдат мы соберем позже. Я поговорю с людьми, проверю навскидку конспекты, пусть все придут со своими партийными билетами, хотя они и без напоминания должны быть у каждого с собой.

— Товарищ подполковник, я вас предупредил, а вы не согласились. Теперь пеняйте на себя. — Виктор повернулся и вышел, провожаемый вдогонку криком уже почти не владеющего собой подполковника:

— Вот это расхристанность!

Личный состав начал собираться в классе не в девять тридцать, а на час позже. Сорок пять минут Виктора, стучавшего во все комнаты, спрашивали, в своем ли он уме, не ранен ли в голову, а если нет, то ему надо эту голову тотчас оторвать, и тут же всем, что попадалось под руку, стремились выполнить угрозу. В четырех комнатах из шестнадцати сразу пообещали лишить жизни, если зайдет еще раз, а в двух — резонно заметили, что если подполковнику надо, то пусть сам приходит.

Войдя в единственный на всю «Скобу» класс, Виктор доложил хмурому, раздувшемуся от гнева проверяющему, что сделано все возможное. К двенадцати часам из восьмидесяти шести человек по штату в классе сидело девятнадцать. Почти все были неумытые, нечесаные, спросонья, в тапочках, курили в кулак и, не обращая внимания на подполковника, без конца переспрашивали:

— Витек, надолго эта тягомотина?

Вместо конспектов в руках виднелись только пачки с папиросами. Подполковник произнес одну-единственную фразу:

— Коммунисты среди вас есть?

— Кто? — переспросил, зычно икнувший и не пришедший в себя после сна, один из летчиков. А Гена из поисково-десантной группы, видимо, не поняв сути вопроса или думая о чем-то своем, с готовностью ответил, привстав:

— Сейчас позовут. Я уже дал команду.

Политзанятия были сорваны. Быстро удалявшемуся из класса ночному гостю в спину неслось:

— А жрать когда привезут? Колонны с харчами из Кабула нет больше месяца.

Час спустя Виктор отчитывался за сорванные политзанятия, за разболтанную партийную дисциплину, за хранение партийных билетов, благо он успел раздать их всем партийцам по карманам. До этого они хранились в железном чемоданчике. Ребята просто боялись их потерять в ежедневной боевой суматохе.

Три года назад в одном из гарнизонов произошло нечто подобное. На разведвыходе десантник при ранении потерял партбилет. Вернее, с него, раненого после подрыва на мине, была сорвана обгоревшая одежда, и уже полуголого ребята дотащили до гарнизона. Узнав о потере партбилета, насмерть перепуганный командир послал всю роту на его поиски. С утра до вечера прощупывали пальцами место боя, и все-таки нашли злосчастный документ. Но вместе с ним на базу принесли еще двоих раненых, подорвавшихся на других минах.

Осмотрев партийную документацию, подполковник нашел кучу недостатков. К ним же был отнесен и плакат над кроватью Виктора — «Меня все равно хрен победишь!».

— Так уж никто и не победит? — зло усмехнулся проверяющий, с удовольствием записывая Виктору строгое партийное взыскание. — Выходит победил, а?

— Об этом мы по дороге в Кабул поговорим, товарищ подполковник, дорога-то длинная.

— Поогрызайся еще, капитан, — блеснул злыми глазами представитель вышестоящего штаба.

Ночью группа проверяющих вылетела на Кабул. У командира вертолета после дневных политзанятий чесались кулаки, и он нестерпимо хотел почесать их о ручку управления вертолета. Он сам напросился довезти вышестоящее начальство до Кабула, но с одним условием: на борту будет именно этот политический работничек. На двадцатой минуте полета пилот, нетерпеливо ерзая, посмотрел на Виктора и спросил:

— Начали?

— Давай!

И началось то, что было тщательно спланировано еще на земле. Вертолет крутым креном грубо провалил-

ся вниз, потом начал разбалтываться вправо-влево. Он то круто набирал высоту, то с критическим углом сваливался вниз — и все эти штучки длились непрерывно в течение нескольких минут.

В салоне находилось восемь «ревизоров» и две женщины с «Чайки», предупрежденные заранее. У не имевших привычки высоких гостей произошло естественное возмущение нежных организмов. Но больше всех страдал «правильно накормленный» перед вылетом подполковник-политрук.

В дверь пилотской кабины забарабанили. Открыв ее, Виктор увидел, хотя свет в салоне был выключен, мерцающее смертельной бледностью лицо подполковника.

— Товарищи, — еле сдерживая рвущуюся из глубин организма бурю, пролепетал несчастный. — Туалет у вас есть?

— Есть, — сказал Виктор равнодушным тоном, — даже два. Первый — это ведро в хвостовой балке, если по-легкому, а если по-тяжелому, то открываешь крайний блистер, снимаешь штаны и вставляешь голый зад. Естественные надобности от натуги самопроизвольно «отстреливаются».

— Мы с тобой в Кабуле рассчитаемся, — просипел подполковник и, не владея собой, сквернословя и наступая всем на ноги, начал продираться к ведру.

Через несколько минут обе женщины сидели в пилотской кабине из-за нарастающей и становящейся нестерпимой вони. В момент очередного авиационного кульбита, когда вертолет провалился вниз, о дверь кабины раздался тупой костяной удар, и одновременно начался долгий гомерический хохот. Оказывается, усевшийся на ведро бедолага не смог удержаться при крене. С ведром, прижатым к голому заду, он дробной рысью примчался к пилотской кабине и приложился к ней головой.

— Так, есть касание, — проговорил командир. — Теперь в набор. Пусть бежит обратно — и для него достаточно.

Приземлившись в Кабуле, экипаж долго проветривал борт, а Виктору был обещан, как минимум, трибунал. В общем, отомстили. Но радости на душе почему-то не было.

КАБУЛЬСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

Ночевать пошли к знакомым в «полтинник» — пятидесятый отдельный авиационный полк, базирующийся в Кабуле. Несмотря на полночь, знакомые мужики, сидевшие за большим накрытым столом, сплошь заставленным яствами, явно не собирались расходиться.

— От «Скобы» никуда не уйдешь, — радостно завопили хозяева.

— Еще не было случая, чтобы «скобари» пропустили хотя бы одну пьянку, — отметил кто-то за столом.

Все дружно стали тесниться, уступая место ночным гостям.

— Мы тут вторые сутки кукуем, — проговорил уже раскрасневшийся Игорек, знакомый из джелалабадской поисково-десантной группы. — Ждем из Союза лопасти для своих «вертушек». Должны были доставить сегодня на «горбатом». И что вы думаете? Борт заруливает на стоянку, открывается люк, мы на радостях кидаемся разгружать долгожданный груз, а оттуда выгоняют шесть обезумевших от страха коров. Они, бедные, пока летели, даже мычать разучились. Я — к командиру, чтобы выяснить, где лопасти, а он — сам такой же злой, как и я, ходит по загаженному самолету и считает, сколько суток придется борт мыть после таких пассажиров.

— Ну, — не понял Виктор, — а коровы-то зачем?

— Кому-то из начальства в «верхнем» штабе молоко оказалось нужнее, чем лопасти для наших «вертушек». Вот теперь сидим и ждем. Может быть, завтра привезут.

— А стол отчего такой богатый? Праздник у кого-то? — продолжали допытываться гости.

— Праздник. Колька из отпуска прилетел, а следом телеграмма: сын родился.

Счастливец Колька неделю любил своего сына, неделю только и побыл отцом. Ибо семь дней спустя, заходя рано утром на своем Ми-24 на посадку в «полтиннике», был сбит из крупнокалиберного пулемета, закрепленного в кузове «Тойоты», спрятавшейся почти у контрольно-пропускного пункта полка. Она исчезла мгновенно, а сбитый

вертолет, завалившись на левый борт, упал на стоянку других машин и сгорел вместе с экипажем. Через несколько часов Колькиному сыну и его маме отправили телеграмму: папы больше нет. Но в эту ночь, за праздничным столом все поздравляли счастливого отца и желали ему и сыну здравия и долгих-долгих лет жизни.

Рано утром Виктор был уже в штабе сороковой армии. Раздал штабистам, чтобы ускорить оформление отпусков своим ребятам, три вещмешка подарков — трофейных ножей, оружия и всяких диковинных вещичек. С еще одним вещмешком Виктор поехал в Кабульский госпиталь, заранее готовясь к тяжелому испытанию.

Побывать в госпитале попросил его Батя Блаженко. Надо было навестить двух десантников, подорвавшихся недавно на БТРе в одном из боев. Представшая перед глазами Виктора картина людской скорби была не для слабонервных. Но одно дело прийти сюда на краткие минуты свидания с ранеными боевыми товарищами, и совсем другое — быть здесь врачом и ежедневно находиться в лазарете, спасая молодые жизни. Подвиг воистину апостольский, освященный Божиим чудом воскресения Лазаря четверодневного. Руки этим подвижникам, ежечасно смотревшим в обезображенное и изуродованное лицо войны, надо целовать и низко кланяться до земли.

В госпитальной курилке сидело несколько человек в больничных халатах. Почти у каждого ампутированы либо рука, либо нога. Но пришельца поражало то, что из курилки постоянно доносился жизнерадостный мужской смех. Это, видимо, от того, что раненые понимали: хуже уже не будет. По крайней мере, для них война закончилась.

В центре курилки сидела однорукая забинтованная «мумия». В то место, где у нее должен быть рот, сидящий рядом бережно то вставлял, то вытаскивал из дырочки в бинтах сигарету.

— Привет, мужики! — Виктор присел с ними. — Сюда позавчера двух ребят доставили с «Чайки», где я их могу найти?

— У тебя покурить есть? — не отвечая прямо на вопрос, спросил рядом сидящий.

— Да, — спохватился Виктор и вытащил приготовленные загодя две пачки сигарет.

— А ты иди в приемный покой, — все ребята сразу потянулись к подарку, — там тебе медсестра все расскажет.

Угостив и медсестру по аналогичной просьбе, Виктор, еле успевая, поспешил за ней по коридору. Слава Богу, думал он, что госпиталь находится в Кабуле, а не в Союзе, и родители не могут сразу увидеть своего ребенка. В переполненных палатах и по заставленному кроватями коридору стелился устойчивый, вышибающий слезу запах хлорки.

— Здесь твои лежат, в этой палате, — сказала медсестра. — Там спросишь, а я не пойду, извини.

Своих он увидел сразу. Но смотрел не на них. В самом углу на двух сдвинутых кроватях лежал совершенно *безкожий* человек с руками и ногами на растяжках, весь в трубках. С каждым вздохом он издавал невыносимый для слуха утробный клекот. Возле, на прикроватной тумбочке, среди медицинских препаратов стояла маленькая иконка, а рядом лежал нательный крестик, который невозможно было надеть на лишенную кожи шею раненого. Но православный воин сам являл собою живое распятие, и его нательный крест был верным свидетельством тому.

— Господи Иисусе!.. — почти непроизвольно пробормотал Виктор.

— Пошли на лестницу, Витек, — тихо шепнули ему ребята.

Уже выйдя из страшной комнаты, они пояснили гостю:

— Здесь есть несколько палат, где лежат только такие.

Когда Виктор с ребятами вышел в курилку, привезенные приветы вылетели из головы. Разговор как-то не клеился, поэтому припасенную фляжку со спиртом опустошили молча.

— Как там наши?

— Все живы?

Перебивая друг друга, только теперь заговорили в голос ребята.

— Да, пока все живые, здоровые. Вот вам Батя подарок передал. Когда отправят в Союз, напишите, как устроились.

Мужики молча закивали. Вновь повисла тягостная пауза.

— Ну, простите, мужики, я пойду.

Боевые товарищи сердечно обнялись.

— Бывай, Витек, всем нашим передавай приветы, а Бате — особый. Спасибо за гостинцы.

Виктор не удержался и напоследок признался друзьям:

— У вас тут, пожалуй, страшнее, чем у нас...

По дороге на аэродром Виктор чувствовал себя так, будто его контузило. Образ распятого в невыносимых мучениях умирающего воина, икона и крест — это неизгладимое воспоминание будило в Викторе множество чувств и мыслей, с которыми невозможно было справиться привычным на фронте усилием воли: что поделаешь? война! И жизнь, и смерть, и Бог вдруг предстали в его сознании типичного советского офицера, по совместительству — политработника, чем-то неразделимым, чем-то единственно важным и значимым по сравнению с остальными проявлениями собственного бытия.

Виктор старался переключиться на еще одну предстоящую встречу, но увиденное в госпитале никак не поддавалось забвению. Последний пакет подарков, который был собран для того, чтобы быстрее решить кадровые проблемы нескольких ребят, он передал дородному адъютанту одного из руководителей Афганской войны.

— Теперь полный набор для Володьки, — облегченно вздохнул адъютант. — Есть с чем подойти.

— Какому Володьке? — спросил Виктор.

Адъютант, забивая невыносимый запах перегара жвачкой, развалился в кресле и, раздобренный подачкой «Скобы», великодушно поведал о ночной попойке с известным юмористом, заскочившим сюда из Союза.

— Он что — в Кабуле? — изумился гость адъютанта. — А у нас будет? — наивно добавил он.

— Чего ради?!

— Понял-понял... — осекся Виктор, осознав всю глупость вопроса.

— Будет, — гоготал непроспавшийся адъютант, — если таких же мешков на двух бэтээрах привезете.

После ухода Виктора он еще минут сорок отстирывал и полоскал свои похмельные внутренности кислым капустным рассолом из столовой начсостава, смачно костеря капризную зажигалку, не дающую огня уже для третьей пере-

ломанной папиросы. После появившейся с первой затяжкой способности мыслить адъютант со страстью Плюшкина стал копаться глазами и руками в добре, оставленном Виктором. Высоко оценив качество подарков и рассортировав их по принципу: кому че, кому ниче, — он, наконец, наткнулся взором на сиротливо лежавший рядом с добром конверт. Виктор просил адъютанта передать его лично в руки тому, кто в состоянии был «прооперировать» давнишний газнийский кадровый и продовольственный нарыв.

«Ближайшее к верхам лицо», развернув без интереса листок, прочло:

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА

В настоящее время в связи с полной неопределенностью о выводе войск и предстоящей замене у личного состава эскадрильи возникает много вопросов, ответы на которые получить практически негде.

Несмотря на то, что поставленная задача выполняется с высоким качеством, растет недовольство среди подчиненных из-за следующего:

1. Не были в отпуске за 1987 год 30% летного состава.

2. У 20% летного состава 20 марта сего года выходит 15-17 месяцев без отпуска. Следовательно, к концу апреля 1988 года не имеют права летать первый и четвертый отряды, частично второй и третий отряды.

3. К 12 марта выходит срок ВЛК (врачебно-летной комиссии) у 100% летного состава. Нужно немедленно искать выход из данного положения, так как вследствие усталости летчиков безопасность полетов трудно гарантировать. Достаточно обратить внимание, что за 10 прошедших месяцев средний налет составляет около 500 часов на одного пилота, что в десятки раз превышает годовую норму налетов для мирного времени. А если учесть специфику работы — налет за смену одной эскадрильи 60 часов на предельно малой высоте в горно-пустынной местности при активном огневом противодействии ПВО мятежников, это требует срочного решения вопроса.

4. Не решены жилищно-бытовые условия у 40% личного состава.

5. Повторно в Афганистане 40% личного состава, а двое из них в третий раз, причем — пилоты.

6. Имеют боевые ранения различной тяжести 179 человек, но продолжают выполнять свои задачи.

7. Не решен вопрос о досрочной замене капитана Карточева по семейным обстоятельствам. У него дочь и сын после очередной операции (четвертой) находятся без движения в постели.

То же у капитана Третисова. Жена с тяжелым заболеванием нервной системы длительное время находится на излечении в закрытом отделении НИИ. Оба эти летчика в Афганистане повторно.

8. При полном попустительстве начальника продовольственной службы ОРАТО (отдельной роты аэродромно-технического обеспечения) старшего лейтенанта Морозова не налажена нормальная организация питания у личного состава. По данному товарищу состоялся суд офицерской чести, где было принято решение ходатайствовать о снятии его с должности и выдворении из ДРА. Исполняющий обязанности командира роты старший лейтенант Рогачук А. (он же заместитель по политчасти) откровенно заявил, что было указание сверху из тыла ВВС о том, чтобы не давать хода этому материалу до особого указания. Чье оно, неизвестно. Мое мнение по данному вопросу такое — товарищ Морозов хочет спокойно замениться, так как у него срок службы в Афганистане истекает в марте. Это будет его очередной уход от ответственности, так он попал в ДРА за растрату в 9 тысяч рублей, являясь начальником продовольственной службы батальона в гарнизоне Вазиани Закавказского военного округа. Но с целью замести следы его отправили сюда.

В заключение хочу сказать, что поставленные задачи личный состав части выполняет и будет выполнять. Изложенные факты — не результат пораженческого настроения, а результат обвального нарушения летных законов, приказов министра обороны СССР, который может привести к подрыву боеготовности части...

— Им чё там — больше делать нечего?! — потянувшись до сладкого онемения в дородном теле, самому себе пробубнил адъютант. Швырнув скомканное послание в угол, злобно процедил:

— Мне бы их заботы!

А Виктор, выйдя от адъютанта в легкий вечерний сумрак, моментально выкинул из головы все неприятные и брезгливые эмоции, связанные с последним визитом. И даже мысль о том, будет ли дан ход составленной им бумаге, совсем не волновала его. Что-то неизмеримо более важное для боевых друзей и товарищей и для него самого, и для его родных, и для этой войны, и для Родины открывалось

теперь в его душе. Сострадание к умирающему в госпитале полностью обожженному бойцу, поначалу вызвавшее острую душевную боль, сейчас преобразилось в иное переживание, просветляющее и сердце, и ум, и совесть. Виктор неожиданно вспомнил глубокое детство, когда он по-младенчески лепетал, тая при этом от небывалой радости:

– Боженька, помоги всем. Боженька, спаси всех!

Беспричинная надежда на нечто лучшее и беспричинная любовь ко всем без различия непроизвольно наполнили его огрубевшую в боях душу. И он вновь переживал совершенно забытую детскую радость. Все вокруг становилось источником той радости: и ночь над Кабулом, и завтрашний день, и люди, живущие на этой грешной земле, убивающие, обманывающие, ненавидящие и любящие друг друга.

И СНОВА БОЙ, И СНОВА «АИСТЫ»

После трехдневной отвратительной нелетной погоды вышедшее из-за туч знойное солнце вновь дало «добро» на боевые операции. Днем решили «прогуляться по Кандагарке». Последние разведсводки сообщали о передвижениях «духов», маскирующихся под гражданское население, вдоль этой единственной магистрали Кабул—Кандагар.

Распознавать бандитов было трудно, потому что они постоянно прикрывались женщинами и детьми, а оружие прятали под днищами автомобилей. Досмотры, когда месторасположение тайника неизвестно, отнимали много времени и оборачивались холостыми пролетами.

Возвращаясь домой после второго пустого вылета, минут за пятнадцать до подлета к аэродрому, увидели стремительно приближающегося по курсу велосипедиста. «Дух» ехал в ту же сторону, и поэтому был спиной к экипажу. Ведущий борт, шедший на высоте около трех метров, снизился до полутора. На приказ остановиться велосипедист не отреагировал — верный признак того, что это не мирный поселянин, а ломающий «дурочку» бандит, привыкший играть со смертью.

— Надо восстановить летные навыки, — усмехнулся тогда командир.

Виктор не спускал глаз с приближающейся фигуры противника. Привычный к вертолетному шуму «дух» продолжал крутить педали по правой стороне дороги, не обращая внимания на усиливающийся звук. Оставшиеся сто метров молниеносно сократились. Исчезнувший под бортом велосипедист дал о себе знать легким стуком головы о переднюю стойку шасси. Вертолет круто завалился вправо, а затем — влево с легким набором высоты, чтобы увидеть результат.

— Ювелир, однако, — проговорил по связи летчик с заднего ведомого борта.

Удар передней стойкой шасси по голове велосипедиста был настолько беспощадно точен, что тот, всадником без головы, продолжал по инерции движение еще метров

пятнадцать и лишь после этого завалился. Борта, идущие в кильватере, болтая хвостами, поаплодировали летному мастерству командира.

Повезло, как всегда, в третьем вылете. Войдя в зону досмотра у подножия гор, увидели, как по правому борту ярко заискрила «сварка» — зенитная горная установка, стрельба которой подобна искрящей молнии и заметна в любое время суток на несколько километров.

— «Сварка» справа, — произнес командир ведущей пары. — «Двадцатьчетверки» — в круг! Высадку группы делаем по солнцу.

Высадивший десантников у подножия горы вертолет тут же сменил место приземления. Группа, рассыпавшись веером, начала продираться к вершине, откуда по ним только что «отработала» зенитная установка. Обложив кольцом вершину, спецназовцы прилипли к валунам. Но стояла звенящая тишина, и лишь вдалеке слышался шум вертолетных двигателей.

— Витек, а «духи»-то где? — спросил кто-то. — Или у нас галлюцинации?

— Сам не пойму, — тихо процедил Виктор. — А ну-ка, давайте прощупаем горизонт трассерами по моей команде.

В точку, где предположительно могли засесть бандиты, кучно ушли десятки пуль. И вдруг яростный голос проорал:

— Вылезай, сука, вылезай, тебе говорю! Мужики, все ко мне!

Все бросились на крик. Шурик, стоя на коленях и заглядывая в большую нору, тащил кого-то оттуда руками. Автомат лежал рядом.

— Ну, что встали, как вкопанные? — прохрипел он, — тащите эту скотину за ноги, помогайте мне. Видите, зарылся, как крот.

Несколько человек, засунув руки в широкое отверстие, выволокли оттуда ... десятилетнего мальчишку. Его смертельно обреченный вид волчонка с крепкими оскаленными клычками говорил, что сдаваться он не намерен. Пришлось треснуть его прикладом. От удара мальчишка обмяк, после чего удалось вытащить его из норы. И здесь все увидели, что его ноги скованы цепями, уходящими вглубь косого колодца.

— Двое остаются с ним, — скомандовал Виктор, — остальные россыпью за мной. Что-то здесь не то.

Когда группа поднялась к самой вершине горы, то обнаружила выходящие из двухметровой пещеры на поверхность рельсы. На них стояла вагонетка с прикрепленной зенитной горной установкой. На месте зенитчика сидел, завалившись на бок, огромный «дух», конвульсирующий в предсмертной судороге. Его прикованные цепями к пушке руки и ноги мелко дергались. В правой руке был крепко зажат ритуальный ятаган. Из перерезанного горла хлестала кровь.

Да-а-а... — произнес кто-то. — Это же «аист». Как он тут оказался? Мы же их расхлестали в другом месте.

— Что делать будем, Виктор?

— Что, что... Его с собой не возьмешь. И времени нет. Подрываем. А у мальчишки разбиваем цепи и берем с собой. Сдадим афганцам, в ХАД, пусть расскажет, где у них новое гнездо.

Мальчишка, визжащий тонко, как зверек, извиваясь, пытался перекусить себе вену. Пришлось опять успокоить его несколькими ударами и волоком дотащить до вертолета. На борту крепко связали его тросом, наглухо прикрепив к полу.

На следующее утро афганские контрразведчики-хадовцы подтвердили: остатки разгромленной банды «Черных аистов», сменив место дислокации, рассыпавшись на несколько малочисленных отрядов, решили до конца вести «священную войну» — джихад.

— Значит, надо расширять окопную сеть в городке, чтобы усилить личную защиту, — сделало вывод командование «Скобы» после получения информации.

По городку вихрилась песчаная поземка. Ее смерчевые столбики плясали везде, норовя заскочить в любую открытую форточку, запорошить глаза, уши, набиться во все складки одежды и карманы. При такой погоде личный состав обычно отсиживался в своих комнатах, наглухо запечатав окна и двери. Сейчас же все, злясь на разгул стихии, прикрыв руками уши и прищурив глаза, облепили домик руководителя полетов. Народ внимательно вслушивался в звучащий радиообмен.

Первый пилот: — *Вас понял. Остаток тысяча двести. Сейчас идем на точку.*

Второй пилот: — *Спокойно. Просмотри площадку для высадки.*

Первый пилот: — *Не пойму что-то... Обороты упали.*

Второй пилот: — *САРП?..*

Первый пилот: — *САРП включил, все равно обороты упали... Не знаю. Хвост посмотри.*

Второй пилот: — *Тебя вижу. Хвост нормально.*

Первый пилот: — *Отлично. Все тогда.*

Второй пилот: — *Четыре девяносто. Выполняйте разворот. Четыре девяносто, повнимательней, там идет высадка.*

Третий пилот: — *Бородатые кругом. По мне огонь открывают... Отсюда, отсюда, отсюда... А вот теперь справа, теперь справа... Где высаживались.*

Первый пилот: — *Санька, ты взлетел?*

Второй пилот: — *Взлетел.*

Первый пилот: — *Понял.*

Третий пилот: — *Большая группа, пятьсот метров, бородатые здесь бегают.*

Второй пилот: — *Прикройтесь огнем по кругу и полностью блокируйте площадочку... по заходу правая сторона.*

Третий пилот первому: — *Не мечись, в центре осторожно.*

Женский голос аварийного автомата: — *Борт 1287, пожар! Борт 1287, пожар!*

Первый пилот: — *Прыгай, прыгай, говорю! Прыга-а-а-й!!!*

Второй пилот: — *Прыгай...*

Третий пилот: — *Остаток сто.*

Второй пилот: — *Упал он. Упал, упал...*

Третий пилот: — *Парашюта не видно... Вадим, прыгай. Прыгай, Вадим.*

Второй пилот: — *Ну, где они могут быть?*

Третий пилот: — *Парашютов не видно нигде.*

Второй пилот: — *Просто прыгнули, просто прыгнули они. Парашют не раскрылся, до земли метров семьдесят, максимум... Парашют не раскрывается... Просто...*

К «двадцатьчетверке» яркой струей приклеилась искристая «сварка». Подбитая машина загорелась сразу. Пальба с обеих сторон прекратилась. «Духи», вылупив глаза, разинув рты и воткнув пальцы в небо, общим гвалтом торопили «вертушку» взорваться. Спецназ, облепив валуны, душой и мыслями погибал вместе с летчиками.

Они видели, как первым отделился от вертолета второй пилот, через полсекунды командир. Парашюты у обоих вытянулись в жгуты и, тряся кончиками, не собирались раскрываться. Ребятам не хватило высоты — метров двадцать. Их пронзительный крик оборвался одновременно.

Пустая «двадцатьчетверка», вихляясь в воздухе, как непристойная женщина, еще несколько секунд, перевернулась лопастями вниз и, рубанув ими землю, взорвалась.

Десантники, озверев и поливая пространство перед собой жесточайшей руганью и градом пуль, пошли по каменному откосу психической атакой: клином, «свиньей». На всякий случай «духи» отскочили от рассвирепевших русских. Те, идя, как на параде, не нагибаясь, искали сбитых вертолетчиков. Завернув найденных погибших пилотов в их нераскрывшиеся парашюты, десантники таким же порядком вернулись к вертолетам. Бережно подали погибших на борт, запрыгнули сами и ушли без единой царапины.

У КАЖДОГО СВОИ «ТЮЛЬПАНЫ»

Уже неизвестно, какой по счету по-осеннему холодной ночью пару «восьмерок» «Скобы» подняли работать «тюльпанами»-труповозами. От предстоящего болело сердце.

На «Чайке» у Бати Блаженко произошло несчастье — привычное, очередное. По плану группа разведчиков должна была вернуться через сутки, но связь с нею оказалась потеряна. Ушедших трое суток назад на разведвыход спецназовцев нашли только сегодня, и то благодаря оплаченному сообщению одного из местных доносчиков.

Судьба группы прояснилась в четыре утра, когда к блокпосту, часто и долго кланяясь, размахивая чалмой, приблизился старый, не в меру улыбчивый дехканин. Он вел за собой одетого в «духовскую» одежду совершенно седого и, на первый взгляд, сошедшего с ума десантника. В отличие от улыбчивого старика боец пугливо озирался, вздрагивал и съеживался при любом случайном движении руки.

Полчаса потребовалось, чтобы старик объяснил случившееся. Он нашел этого парня еще вчера засветло в одном из предполагаемых засадных мест, высоко в горах у ручья. У дехканина там было небольшое маковое поле, куда он приходил дважды в неделю для прополки. Мак убрали, и старик хотел подготовить поле к зиме. Когда он подошел к роднику, то увидел странно застывшую сидящую фигуру солдата, в полуметре от лица которого сидела кобра с раздутым капюшоном.

Старик прогнал змею и привел в чувство парня, который вспомнил, зачем пришел сюда. А вспомнив, бросился к месту, где находилась группа. Не поспевающий за ним старик нашел его минут пять спустя в густых каменистых зарослях. Представшая взору картина потрясала своей жестокостью.

Десантники, уложенные кругом, голова к голове, вернее сказать, тем местом, где должна быть голова, со связанными руками — ладонь одного в ладони другого, как в

мужском рукопожатии, представляли собой нечто вроде большой цветущей кровью ромашки. У ног каждого лежала его голова, разбитая всмятку со вставленными в рот мужскими достоинствами. «Духи» не отличались особой изобретательностью.

Как могло случиться, что так быстро убили девятерых человек, успев даже вывернуть им карманы, навсегда осталось загадкой. Но промыслом русского Бога мудрый афганский змий спас одному из десантников жизнь.

Через четыре часа Аркаша на двух бэтээрах вывез своих людей на «Чайку», предварительно каждого завернув в плащ-палатку. Вечером «Скобе» предстояло доставить их в Кабул, захватив в Бараки еще троих «двухсотых».

Взлетев с «Чайки» с грузом «двести», состоящим из этих девяти человек, одетых во все чистое, два борта ходко пошли на Бараки, прозванном на армейском просторечье «язвой на теле Востока». Там дислоцировалась часть, являвшаяся одним из ответвлений «Чайки». Бараки служили воротами, через которые шли из Пакистана все дьявольские грузы, на перехват которых выходили и эти девять сибиряков.

В Бараки приземлились в час ночи. Все свободные от дел десантники собрались на решетчатой небольшой взлетной полосе, чтобы проводить своих друзей. Так как ведущий борт был уже занят девятью «ноль-двадцать первыми», то тяжело раненных — «двухсотых» Виктор с ребятами принимали на второй вертолет.

Попрощались, выпили, поцеловались, и пара вырулила на взлет. Вдруг выключенные бортовые огни (взлетали в полной темноте) зажглись снова.

— Что? — спросил Виктор.

— Сам не понимаю, — ответил командир. — Кабул не дает «добро» на взлет. Введен литер «А» на воздушное пространство по нашему курсу. Теперь, пока какой-нибудь чинуша не пройдет над нами выше десяти тысяч, мы будем ждать.

— Долго? — спросил Виктор.

— Никто не знает, нам же не сообщают время взлета.

А в лобовое стекло вертолета уже стучали баракинцы:

— Что стоим, мужики?! — орали они. В голосах пока

сквозило удивление. Командир откатил блистер и выключил двигатель.

— Кабул не дает взлет, — прокричал он, — придется подождать.

— Как подождать?! — закипели местные. — С ума сошли?!! Раненых же надо немедленно доставить в кабульский госпиталь!

Подбежавший баракинский комбат потребовал откатить люк. Навалившись на командира вертолета, он, еле сдерживая себя, прокричал:

— Там их уже бэтээры ждут на полосе, чтобы доставить на операцию. У них счет идет на минуты.

— Ну, не могу я, — бессильно отбивался командир вертолета.

Попытавшегося вмешаться, чтобы объяснить происходящее, Виктора комбат грубо треснул кулаком в грудь:

— Заткнись!

А в открытый блистер уже орали взбешенные десантники:

— Вам что, этот борт с «козлом» на десяти тысячах мешать будет? Вы же выше четырех не идете.

— Не дает нам Кабул «добро», — попытался еще раз миролюбиво объяснить ситуацию вертолетчик, но получил такой удар по лицу, что голова дернулась и ударилась о бронеплиту за спиной, и по вертолету прошел гул.

Открывший было рот, чтобы вступиться, Виктор тут же получил короткую затрещину, после которой еще три дня объяснялся только на пальцах. Рассвирепевший комбат, стоя на коленях перед одним из раненых, у которого изо рта тонкой струйкой сочилась кровь, зловеще произнес:

— Будь спокоен! Или они немедленно взлетят на Кабул с вами, или без вас — на воздух!

Тут уже не выдержал правый пилот, тыча пальцем на командира вертолета:

— Вы же, идиоты, его нокаутировали! Как он сейчас поведет борт? Ты что ли за «ручку» сядешь, придурок?!

Комбат уже и сам понял, что перебрал, начал приходить в себя:

— Запросите Кабул, я сам поговорю.

Через двадцать минут из Кабула сообщили, что литер «А» снимается. Борт баракинскую зону прошел.

При подходе к Кабулу один «двухсотый» умер. Видимо, литер «А» отобрал у него время, необходимое, чтобы успеть на операционный стол. При резком снижении умер второй: из-за перепада давления у него изо рта струей хлынула кровь, которую не удалось остановить. Но по-другому сесть было нельзя. А по дороге в госпиталь скончался третий, на сорок минут переживший друзей. Но литер, шедший на Кандагар, такие мелочи не интересовали.

Утром все было плохо: жуткий холод, несмотря на солнце, пробирал до костей; заунывный и протяжный голос муллы с ближайшего минарета навевал смертельную тоску. У Виктора заплыл правый глаз и вдобавок невыносимо болела челюсть, так что нельзя было разговаривать, и приходилось учиться объясняться на пальцах.

Хмурый командир вертолета хоть и мог разговаривать, но, похоже, мало что понимал. Стремясь поправить положение, бортач предложил выпить и закусить. До третьего стакана дело не дошло. На стоянке с ненавистным названием «литерная» началась какая-то странная парадно-траурная возня. Командир пальцем попросил «правака» — правого летчика — выяснить, что происходит и не сдвинут ли нас в другое место, и, глупо кивая стукнутой головой, попросил сделать это поскорее.

— И так стоим тут, как «три тополя на Плющихе».

Вернувшийся минут через пятнадцать пилот сказал, что приказано сдернуть в любое другое место и замереть.

— Что, опять съемки? — съязвил кто-то.

— Ага. Телезвезда войны снимает очередной боевой сериал. Сейчас свезут человек сто бачат, они будут палить за кадром в воздух, жечь подбитую технику, а он с микрофоном и в новых джинсах станет вещать по Союзу в двадцать один ноль-ноль о том, что враг снова разбит и победа — за нами, — продолжили строить догадки сидевшие в вертолете.

— Нет, на этот раз съемки с почетной отправкой, — сказал летчик. — Нам дали десять минут, чтобы убраться с глаз долой.

На аэродроме снимали почетную отправку погибшего журналиста. Кучкой стояли верхи армии, провожавшие неизвестного «Скобе» человека. Для погибшего представителя второй древнейшей профессии был заказан отдель-

ный борт с салоном вместимостью на триста человек, где поставили один-единственный гроб. Этот «тюльпан» шел с конкретным адресом.

К сожалению, такой чести не удостаивались ежедневные «ноль-двадцать первые». Бывало, что их, развозя по Союзу, доставляли не по тем адресам. Потом парня из Новосибирска искали в Пскове, курянина на Урале... А обезумевшие от горя родители, найдя своих убитых детей через две-три недели, привозили домой и хоронили, не смея ничего сказать о месте их гибели. На кладбищенских плитах указывались только имя-фамилия, даты рождения и смерти... Всё.

ОТПУСКНИКИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Забрав из Кабула отпускников, на «Скобу» возвращались сытые и ленивые. Трезвым был только правый летчик, как самый здоровый и отлупленный меньше всех в ночной баракинской транспортировке «двухсотых».

Когда при тусклом салонном освещении за сооруженным наспех из ящиков с боеприпасами столом подняли третий тост, вертолет качнуло, будто лодку в сильнейший шторм. И одновременно над головой пронесся звук, похожий на сильный продолжительный выдох гиганта.

Все, находившиеся в салоне, повалились сначала вправо, а затем, вперемешку с вещами, — влево. Дверца, ведущая в салон, оглушительно хлопнула, как пистолетный выстрел. Бесконтрольно болтавшийся еще несколько секунд вертолет с трудом выровнял положение.

— О-о-го! — произнес кто-то.

Мгновенно протрезвев и выгребаясь из общего завала, отпускники с экипажем стали наперебой строить догадки.

— А «правак» — молодец, удержал борт, — к Виктору вдруг вернулся дар речи.

Отпускник Дед, наконец усевшийся на сиденье и продолжающий держать во рту неприкуренную папиросу, изрек:

— Уже второй раз со мной такая ерунда. Это «НЛО» из Пакистана гадят нам таким образом. Похоже, к нам заходят борта с выключенными огнями, без опознавательных знаков. Видимо, американские Ф-15, у них мощная радиолокация: они хорошо нас видят и стараются так сближаться с нами, что при проходе чиркают по нам воздушной волной, как лезвием. Мне кабульские ребята на командном пункте говорили, что в последние три месяца стали часто наблюдать на своих радарах эти неопознанные засветки. Они заходят из Пакистана или из Ирана и туда же уходят.

— Ага! Ребята из НАТО крылышки точут, сожрать нас хочут, — в Викторе проснулся поэт-юморист.

На вновь собранный стол водрузили начатую бутылку водки, из которой в этой суматохе не вытекло ни капли. Распорядитель пира хранил ее пуще зеницы ока, лежа вверх тормашками под ящиками.

— Так, — возбужденно заерзал командир, — «праваку» благодарность за наши спасенные шкуры, а тому, кто водку русскую сберег, ходатайствуем на орден.

За то и выпили.

В девять утра было объявлено построение всего личного состава. Обычно на такие построения выползали все, даже с посторонней помощью. Уж больно веский был аргумент, хотя погода стояла не просто не летная, а даже и не ходячая. Низкие рваные облака, сырые и тяжелые, цеплялись за головы собравшихся.

— «...А я в Россию домой хочу, — всхлипнул какой-то «артист», — я так давно не видел маму».

Пока ожидали командира, прилетевший ночью отпускник рассказал анекдот-быль. Собравшаяся вокруг него куча народа смеялась так, что вызвала беспокойство местного «энкавэдэшника» — постоянно пьяного, внешне отзывчивого, щупленького старшего лейтенанта.

Отпускник поведал реальный случай, который смело можно было назвать анекдотом войны номер один.

К его жене в дом постучались представители военкомата с документом на руках, подтверждающим, что муж, то есть он, награжден орденом Красной Звезды. Посмертно. И все бы ничего, и герой наш в данную минуту был, действительно, без признаков жизни. Но, если так можно выразиться, не до самого конца без признаков... Мертвецки пьяный, он валялся в своем гараже, поскольку имел на то полное право — находился в долгожданном боевом отпуске. Как говорится, награда нашла героя.

— Равняйсь! Смирно!

Начальник штаба огласил приказ командира части. Затем сам командир зачитал фамилии людей, имеющих заслуженное право за прошедший месяц быть представленными к высоким правительственным наградам. Такая практика награждения, берущая свое начало еще в славной Российской Императорской Армии, существовала во всех боевых отрядах в Афганистане, и получить незаслу-

женную награду было невозможно, ибо каждый знал о каждом всё.

Но в некоторых частях, близких к главному отделу кадров, как последней инстанции, выносящей окончательный вердикт о награждении, для особо «нуждающихся» существовала шкала для получения государственных знаков боевого отличия – от четырехсот до тысячи чеков Внешторга, в зависимости от достоинства награды. Порой можно было «сделать» себе орден, не выходя за КПП – контрольно-пропускной пункт. В гарнизонах, подобных «Скобе», за награды платили кровью и потом, ранениями, а зачастую – и жизнью. Таким орденоносцам – слава!

ТРИЗНА

Вы пали за Русь! Вы умерли за Отчизну!
Русский народ за вас отомстит
И справит кровавую тризну.

«На сопках Манчжурии»

Плывшие второй день со стороны Индийского океана набухшие от влаги клочковатые тучи сумрачно заглядывали в каждое окно. Сосед Виктора Шурик, тоскливо перебирающий струны гитары, лежащей у него на животе, бубнил уже в десятый раз:

— И летать уже обрыдло, а не летать еще хуже.

— Вот сейчас и полетим, — Виктор приподнялся. Из приоткрытой двери торчала голова посыльного.

— Товарищ капитан! Вылет.

— Накаркал, — быстро одеваясь, бурчал Виктор.

Четверка бортов с поисковой группой, облизывая скалы, неслась в сторону Бараки. Надо было забрать одного «двухсотого» с высокогорной заставы.

Шли очень осторожно, видимость была не более трехсот метров. По лобовому стеклу вертолета ползла плотная лужа, «дворники» не успевали справляться. На подходе к цели видимость заметно улучшилась.

Точка находилась на высоте три с половиной тысячи метров. Площадка была настолько мала, что посадить ювелирно можно было только один борт, что и сделал Колька-ас, прилипнув к скале сразу тремя стойками шасси. Остальные борта терпеливо ожидали, встав в круг. «Двадцатьчетверки» зорко простреливали местность, создавая надежную защиту.

Навстречу спрыгнувшему с вертолета Виктору бежало какое-то лохматое, грязное чудо в волочащейся по земле офицерской шинели без погон.

— Ты кто? — оторопел Виктор. — Кого забирать?

— Вы его в Кабул или на «Чайку»? — вопросом на вопрос ответило подбежавшее чудо.

— По такой погоде только на «Чайку», на Кабул — ночью.

— Тогда погоди еще минут десять, сейчас закончу операцию. Я здесь вроде как медсестра, — представилось, наконец, чудо.

Кто она такая и как сюда попала, было совершенно непонятно, но на войне удивляться не приходится. Потрясало не то, что она вообще оказалась на этой забытой всеми точке, а то, как медсестра делала операцию.

Парню с заставы, насчитывающей всего семь человек бойцов с лейтенантом и этой девчонкой, во время ночного боя пуля попала в живот, разорвав желудок. И эта самоотверженная медсестра зашила его, имея в руках ритуальный «духовский» кинжал, анашу, совершенно неизвестно откуда попавшие сюда две бутылки минеральной воды, иголку с нитками и фляжку со спиртом. Спирт с анашой заменяли наркоз.

Завершив операцию и перебинтовав раненого застиранными бинтами, медсестра дала команду, и солдата на грубо сколоченных досках аккуратно перенесли на «восьмерку».

Со всех бортов на площадку сбросили весь имевшийся запас продуктов, медикаментов и боеприпасов. Это все, что могли сделать в тот момент вертолетчики для бойцов заброшенной в горах маленькой заставы.

Ночью того парня переправить на Кабул не удалось. Из-за плохой погоды ни один борт, ни из Кабула, ни со «Скобы» взлететь не смог. Несмотря на то, что анестезиолог «Чайки» Игорь, насколько мог, очистил рану, состояние раненого ухудшалось.

На рассвете развиднелось, и четверка «Скобы» унеслась с ним в Кабул. Все тридцать пять минут полетного времени вертолеты качались, как маятники, на высоте пяти—десяти метров, чтобы не попасть под пулеметный обстрел «духов».

Но ворвавшись в Кабул с Юга, при выходе из ущелья левым разворотом, пилоты не успели ускользнуть от очередной «духовской» уловки-капкана, и ведущая «восьмерка» со всего маху треснулась мордой об огромного воздушного змея.

Невинная, на первый взгляд, ребячья забава на самом деле являлась новым тщательно спланированным бандитами приемом борьбы с нашими воздушными средства-

ми. Ребятишки, совмещая детское развлечение с ощутимой финансовой выгодой, конструировали этих летающих паразитов и терпеливо ждали на крышах своих дувалов зеркального солнечного луча от наблюдателя. Тот, находясь в таком месте, чтобы слышать издалека звук подходящих бортов, в нужный момент зеркалом давал детям команду на подъем змея.

Вертолеты, выскакивающие из ущелья в город, не сразу могли выбрать нужный курс полета, а так как путь до госпиталя над Кабулом около семи минут, то нужно было обладать незаурядным летным мастерством, чтобы своевременно уходить от внезапно взлетающих многометровых чудовищ. На руку «духам» была и устойчивая роза ветров.

И хотя воздушные змеи серьезной опасности не представляли, все-таки нервы выматывали изрядно. Приходилось постоянно менять курс и высоту полета. Сегодняшнее разбитое лобовое стекло советского вертолета дало возможность неизвестному мальчишке положить в карман тысячу афганий — существенные деньги при их нищете.

После выгрузки раненого на госпитальной аэродромной площадке днем отоспались, а вечером провернули удачную сделку с начальником продсклада — жуликоватым прапорщиком-азербайджанцем. Душой войдя в тяжелое положение далекого гарнизона, снабженец выдал все — яйца, сгущенку, колбасу — оптом, правда, с одним условием: десять процентов продуктов остались ему в знак благодарности:

— Дарагой, сам панимаишь, кушать все хатят, да?! — пожав на прощанье липкой ладонью руку Виктора, лебезил он.

В наушниках пилота прозвучала команда:

— Борт 1564, вылет разрешаю!

Вырулившая на взлетную площадку пара «Скобы» замерла в очереди. За спиной согревали душу полтонны продуктов. Сердца томило сладкое предвкушение благодарности однополчан. Наблюдая за разбегом АН-12, после которого предстояло взлетать экипажу «Скобы», бортовой народ позволил себе наспех перекусить забытыми на вкус деликатесами.

Вдруг в кабине стало светло, как днем, от яркой вспышки посредине летного поля, а через секунду пахну-

ло жаром и докатился звук оглушительного взрыва. Взлетающий АН-12, едва оторвавшись от земли, разорвался в воздухе и, перевернувшись на спину, пропахал около трехсот метров, полыхая, как факел, и разлетаясь на десятки кусков. Потом замер на последней своей стоянке, прихватив на тот свет экипаж с семьюдесятью шестью пассажирами.

Со всех концов полосы к самолету кинулись люди для спасения живых. Но живых не было. Самолет за несколько минут сгорел дотла, оставив воронку прожженной земли глубиной в пять метров.

— А ведь могла быть очередь нашего вылета, — угрюмо произнес борттехник.

Причину гибели того борта следствию установить так и не удалось. Как и во многих подобных случаях. Их списала война.

На «Скобе» сегодня намечался праздник, запланированный еще несколько дней назад. Получка — всегда маленькое торжество, хоть на войне, хоть в мирной жизни. В это время все становятся добрее, дружелюбнее. В голове зреют планы, в зависимости от ожидаемой суммы и личных запросов. Но столь долгожданный праздник сорвался, впрочем, не в первый раз. Самое уважаемое в этот день лицо части — начфин — валялся в своей комнате, не дотянув до кровати двух метров, нос к носу с преданной дворнягой. У пьяницы-финансиста в такие дни было единственное любимое место — угол комнаты у собачьей кормушки.

Этот парень был сослан на войну за беспробудное пьянство во время службы в Уральском военном округе. Надежда жены излечить его войной, как последней инстанцией, не оправдалась. Мужик умнее не стал. Это была нередкая горькая быль войны.

Во втором часу ночи Виктора из общей команды, где проходили «черные поминки», властно поманила природа. В кромешном мраке не виделось ни единой звездочки, кроме угрожающего серпа луны, мерцающего светом чужой веры. Спотыкаясь и бормоча, он через несколько неуклюжих шагов уткнулся лбом в плечо сотрапезника по мрачной тризне. Вова Третисов, «нелетающий» пилот, который, в свою очередь, уперся лбом в какой-то столб, об-

разуя собой живой контрфорс, что есть сил справлял естественную малую надобность и мучительно цедил сквозь зубы:

— С-с-стри... с-стриляйти! Вон они, гады! Всех и-их пир-р-ри-и-стри-ляйтиии!!!

Виктор только одобрительно мычал, чувствуя плечо однополчанина и слыша это:

— С-с-стриляйти-и-и!

С последними звуками малой «боевой операции», вероятно, иссякли последние Вовкины силы, и он вполне закономерно приземлился, соскочив с опоры и шмякнувшись носом в песок. Виктор чудом устоял на ногах, хотя здорово треснулся лбом о надежную конструкцию местной линии электропередачи. Это его слегка отрезвило.

— Ну, пошли, бедолага, пошли, — наивно предложил Третисову «трезвый» Виктор.

Однако из доброго совета, конечно, ничего не вышло. Тогда он взвалил товарища на плечо и бережно поволок к его обиталищу. Носки ботинок утомленного однополчанина волоклись по песку, прочерчивая две строго параллельные линии...

Вовкина жена, больная тяжелейшим нервным расстройством, вместе с ребенком уже несколько лет лежала в закрытом НИИ. Владимир был им единственной жизненной опорой, больше — ни родни, ни свойственников. И тут его по издевке судьбы отправили на войну одним росчерком пера. Начальник кадрового отдела дивизии прекрасно знал, что этого делать нельзя ни по каким человеческим законам. Но факт тяжелейшей семейной ситуации был не убедителен для «верхов».

На «Скобе» о ситуации Третисова отцы-командиры знали и в боевые вылеты не пускали ни под каким видом. С первого дня его прибытия на базу они, насколько могли, берегли Вовку ради больной семьи, беззащитной перед жестокой судьбой. Мужик страшно переживал свое исключительное положение. Для поддержания боевого духа и летных навыков ему иногда поручали дежурные облеты вокруг аэродрома в относительно безопасной зоне. Все на базе относились к нему, как к большому ребенку, который требует защиты и понимания. И сегодня он напился, заливая спиртом свою и общую для ребят кручину.

Вся эскадрилья перепилась от братского горя. Из солидарности с Батиной «Чайкой».

Тризна была в среду, а в минувшее воскресенье трое Батиных подчиненных на бэтээре должны были проскочить до вертолетчиков и обратно для решения штатных вопросов. Такое задание было обычным и частым, не грозило нештатными ситуациями в спокойной двадцатикилометровой зоне.

— Утром выскочим, пару-тройку часов побудем на «Скобе» и к пятнадцати ноль-ноль домой, — планировали мужики.

Батя назначил командиром группы двадцатипятилетнего капитана Сергея, с ним отправил сержанта и рядового водителя-пулеметчика. Троица русских спозаранку после Батиного «добро» густо запылила в сторону «Скобы» по заезженной грунтовке.

Сергей, сидя у носового пулемета машины, цепко следил за всей «зеленкой», крутя головой на триста шестьдесят градусов. Девятнадцатилетний пулеметчик в любую секунду был готов к команде капитана, чтобы наступить обеими ногами на гашетку. Выгоревшие холмы предгорья, звенящее солнце и рев движков были для них повседневной здорово поднадоевшей обстановкой.

На полпути после форсирования большого арыка на довольно крутом подъеме двигатель внезапно заглох. Машина по инерции дернулась было вперед, но с утратой поступательной мощи принялась медленно съезжать по склону и тут же была зажата тормозами. Выглянувший на свет чумазый Толька честно высказал двигателю все, что он о нем думал. Хитроумная железка думала, видимо, что-то о своем, металлическом и пренебрежительно молчала в ответ.

— Во вляпались! Ну, ни ближе, ни дальше...

Сергей приказал сержанту подняться на холм для прикрытия на время ремонта движка, а сам с водителем загремел капотом и ключами. Минут через двадцать стало ясно, что это надолго.

— Часа три проторчим, — натужно ругаясь, бурчал из-под машины, как из колодца, водитель. — Ведь не хотел же на этом рыдване ехать. Битый он весь перебитый. Одних подрывов на нем за полгода штук десять.

— Ладно, не кисни, есть еще время, — одернул водителя Сергей.

Он прикидывал по карте, стоя на башне машины, куда быстрее добраться своим ходом, если через два часа машина не будет восстановлена. На «Скобу» вроде бы чуть ближе, но опаснее: придется идти через густую «зеленку». К себе на «Чайку» спокойнее, но дальше: дорога холмами вверх-вниз...

При этом он пытался рассмотреть на вершине сержанта, которому через каждые десять минут было приказано давать знать о себе ударом запасного магазина по стволу, мол — все в порядке. Сержанта не было видно.

— Может, на время не посмотрел? А может, за грохотом нашего железа я не расслышал сигнала? — старался мысленно успокоить себя и заодно оправдать подчиненного Сергей. Но в сердце уже прокралась тревога...

— Слушай, я проверю, что с Петром. Ты вылезай и прикрой, — бросил капитан.

Водитель с лицом цвета внутренностей выхлопной трубы молча развернул пулемет по направлению к вершине холма.

Петра капитан увидел сразу. Сержант сидел в странной позе спиной к нему, низко наклонившись вперед и чуть раскачиваясь. Позвав вполголоса сержанта, капитан уловил характерный шорох камней и тут же понял:

— Засада!

В этот момент Петр вяло повалился на спину. Из обоих глаз торчали рукоятки специальных ритуальных кинжалов, горло было стянуто тонкой петлей, уши отрезаны, лицо неимоверно вздулось.

Сергей мгновенно рухнул на землю и зазмеился за ближайший валун. Но было поздно. Трое «духов» облепили его со спины и мгновенно растянули. Двое в разные стороны руки, а один обхватил обе ноги, насмерть прижав их к себе. Тут же выросший, как из-под земли, четвертый душман всем весом сиганул ему обеими пятками на позвоночник. От режущей боли молнией полыхнуло в глазах и нутре. С потерей сознания мгновенно наступила глухая ночь.

Всего же бородатых было около десяти человек. Полуголого капитана со скрученными намертво руками и но-

гами, на которых от напряжения вены вздулись до черноты, «духи», попарно и часто сменяя друг друга, волоком тащили по каменистой тропе к своему логову. Примерно через сорок минут его с разодранной кожей, черной от крови, перемешанной с землей, пылью, песком, доволокли до дувала, затащили во двор и пинками свалили в прохладный трехметровой глубины погреб под навесом.

От озноба капитан вскоре очнулся и мучительно застонал. Всем напряжением сил, претерпевая адскую боль, он попытался определить свое местонахождение. Извиваясь ящерицей, насколько позволяли путы, он прощупывал саднящим лицом окружающее пространство. Натолкнулся на что-то мягкое. Повозив лбом и щекой по найденному предмету, Сергей понял: чей-то труп. Изогнувшись кольцом, он перебросил тело в сторону. Таким образом нащупал еще один труп. Лизнув языком находку, он по свежей крови определил, что погибшие были прикончены недавно. До мучительной рези в глазах всматриваясь в сумрак погреба, он разглядел, что на убитых остались только трусы, животы вспороты и пусты, головы сильно сплющены.

— Это ведь мои бойцы!

Мучительная боль пронзила его сердце. Лишь оно в его еще сегодня утром молодом и здоровом теле, сейчас превращенном в сплошную кровоточащую язву, не было изранено. А теперь и оно нестерпимо болело от нравственной муки. Это ведь он — старший в группе, командир — и есть главный виновник их гибели. И только другая, странная для живого человека мысль утешила его:

— Я буду с ними. Я буду третий.

Батя четвертый час метался по классу боевой подготовки вокруг карты местности. Он понял, что произошла непоправимая ошибка. Никак нельзя было посылать латанный бэтээр в одиночку. И виноват в этом только он один. Бачата видели, что Батя вот-вот укусит собственный локоть от ярой злости на самого себя. Доверился недавним оперативным донесениям хадовцев: в районе все спокойно. А они сами же сегодня донесли, что есть подозрительное скопление людей как раз в нескольких километрах от трассы «Чайка»—«Скоба». Было от чего кусать

локти. Контрольная связь со «Скобой» выявила, что посланный экипаж не прибыл к месту назначения ни в срок, ни через час. Подобные ошибки на войне случаются даже с самыми лучшими, самыми дисциплинированными командирами, которые готовы сами умереть за любого своего бойца. Бдительность иногда тоже хочет спать. Такова правда жизни.

Усиленная группа разведки, высланная по маршруту следования, нашла на полпути брошенный бэтээр, по которому было ясно: произошла поломка и его пытались ремонтировать. Следы крови и борьбы: рядом с бэтээром и на вершине холма.

Батя вместе с подчиненными, анализируя скупые подробности случившегося, в единой душевной тревоге исползал по карте квадраты бумажной «зеленки» вдоль и поперек. Наконец, общий план действий определился. Направление поиска предполагаемой бандитской базы передал местный лазутчик из ХАДа. В два часа пополудни операция поиска пропавших бойцов началась.

Капитану в его подземельи слышались грегочащие голоса, гортанные звуки. Крышка погреба открылась, и в створ свесилась косматая голова, которая что-то гыркала на своем наречии и сочилась довольствием. В яму сунули лестницу и по ней спустились трое рослых бандитов в чалмах. Они, гогоча, с помощью веревок поднимали тела сержанта и солдата. Затем один из них разрезал путы на ногах Сергея. Пинками и криками со всех сторон они явно требовали от капитана, чтобы он поднялся с земляного пола самостоятельно. Но затекшие ноги от потоков хлынувшей в сосуды крови поначалу даже не шевелились, а только гудели жаром и наливались новой болью. «Духи» опять-таки пинками в течение нескольких минут разработали занемевшие мышцы пленника.

Все это время они ржали, явно предвкушая только им ведомое удовольствие, которым они рассчитывали удивить свою живую добычу. Это ржание поддерживали и постоянно заглядывающие в зев ямы другие улюлюкающие головы. Сергей по очереди подтянул под себя колени и потом, опираясь о лестницу то лбом, то подбородком, медленно начал подниматься с колен. Не желая показы-

вать излишнюю слабость врагу, он так же медленно и упорно стал перебираться со ступени на ступень. Но веселящимся зрителям, видимо, наскучило представление, так как теперь они видели не слабость побежденного, но несгибаемое мужество русского воина. Они по-деловому стали подталкивать капитана снизу, а кто-то ухватился обеими руками за его подбородок, затылок и так прямо за голову рывком вытянул Сергея из подземелья.

Его поставили на ноги и разрезали путы на руках. В глазах плыли огненные круги и нещадным пламенем горела спина. Видимо, треснул позвонок, когда в момент захвата ему на поясницу сиганул обеими ногами здоровенный лохматый «дух». Подталкиваемый в спину Сергей сделал несколько мучительных шагов из-под навеса и оказался посреди весьма просторного двора или даже площади бандитской базы. Очертания этого залитого солнцем пространства постепенно проникали в его сознание. Говорить и даже пошевелить языком он не мог: язык был перекушен, когда его выдернули за голову из подземелья. Горячая кровь наполнила рот и обильно текла по губам, подбородку, груди.

Прямо перед ним в нескольких шагах находилась большая яма, видимо, не такая глубокая, как недавнее подземелье. Об этом можно было судить по длинному, примерно трехметровому шесту, который иногда опускал туда один из «духов». Он шурудил там шестом и что-то пытался выловить наверх. Шест погружался в яму только на две трети своей длины. У самого ее края лежали изуродованные до неузнаваемости трупы Петра и Анатолия.

Ножами «духи» отрезали или отрубали у них части рук, брюшины, и эти куски на шесте опускали в яму. А там начиналась какая-то возня с диким писком и высоким гортанным рыком, чем-то напоминавшим визгливую речь веселившихся «духов». Стоявшие вокруг от души развлекались, но когда один из них попытался, играя, подтолкнуть в яму другого, то получил злобную оплеуху, раскровенившую ему морду. И все на мгновение стали серьезными и злобно закричали на «шутника».

— Кому же они кидают человечину? Людоеды там что ли? — без доли эмоций пытался понять Сергей. И тут по шесту метнулась из ямы черно-бурая мохнатая масса с го-

лым хвостом. Зверюгу величиной с толстенную кошку тут же стряхнули обратно в яму.

— Крысятник! — понял Сергей, помертвев от ужаса и отвращения. Он представлял в вялых, измученных всеобщей пронизывающей болью мыслях любые пытки, был готов к тому, что его будут полосовать ножами, жарить на солнце... Но такую смерть — быть сожранным заживо крысами, которую, видимо, уготовили для него озверевшие «весельчаки», он представить не мог, хотя когда-то слышал, что будто бы на Востоке существовал изощренный вид казни с помощью громадных арычных крыс, специально прикормленных на человечину.

Он не пошевелился, не сказал ни слова. Просто не мог. И на лице, точнее, на том месиве, которое осталось от него, никакая эмоция не могла быть выражена. Но его чувства выдали глаза, расширившиеся от омерзения и ужаса. Изуверы, чутко улавливающие подобные специфические нюансы человеческой психики, просто взвыли от радости и счастья. Банда «духов» наслаждалась этим мертвенным ужасом вместе с сонмом настоящих духов злобы, которые из своего потустороннего мира упивались эффектной картиной кровавого пиршества, сдобренного настоящим мертвенным ужасом живого мужественного человека.

Вот мистика их пропитания в вечной кровавой кухне войн, убийств, злодейств, предательств и почти бесконечной, бескрайней злобы!

— Где Ты, Бог, если Ты позволяешь нам вершить такое?!

Вот в чем был смысл этого гортанного радостного крика духов и «духов». Почти вся чалмоносная гуща тел, создавшая большое кольцо вокруг крысиной ямы и Сергея, в раскачку закружила в бесовском хороводе, превратившись на мгновение в единое целое, в единое извивающееся змеиное тело, жаждущее духовного уничтожения русского воина Сергия.

Вдруг пляска разом оборвалась. В гробовой тишине, которую нарушало только приглушенное попискивание из ямы, двигаясь по-восточному вкрадчиво, медленно, мерцая глазами сквозь напрочь заросшее густым черным волосом лицо, к Сергею подходил толстый «дух».

Стоявший уже не здесь, находившийся вне земного воин вечным взором смотрел прямо в глаза изувера, влипшие в его лик. Через минуту такой «дуэли» бандит что-то отрыгнул голосом. К Сергею юлой подскочил, можно сказать, интеллигентного типа «духовский» единоверец, но по роду-племени явно отличавшийся от остальной братии. Внятно и опять-таки по-восточному вкрадчиво, но совершенно без акцента по-русски тип произнес:

— Жи-ы-и-ить хочешь?.. Вижу... Очень хочешь! Дочь есть? Сын? Мама-папа есть? Есть. А жена-красавица ждет? Очень ждет!!! Да-а-а-а?

Некогда славянское лицо вопрошателя существовало какой-то двойной жизнью. Оно еще физиологически жило в прежнем бытии, произносило русские слова, а душевно уже полностью переродилось на чужеземный лад. Это невольное внимание капитана к игре его лица мусульманский неофит-соблазнитель истолковал, как пробудившийся интерес русского воина к спасительной зацепке выживания любой ценой. Столь же по-азиатски сладко он продолжил:

— Шанс тебе начальник дает. Домой отпустить хочет. Нужен пустяк... Столкни своих в яму...

Жирный «дух» в странном беспокойстве притянулся к лицу русского. Сергей вновь отсутствовал. Русский был вне беды. Вне здешних событий. Переводчик в ожидании на мгновение заерзал:

— Ну, толкни ногой! — его голос уже терял сладость и приобретал едкие нотки.

— Они ведь трупы, — доходчиво пояснял он, — они уже подохли. Толкнешь — и жену потом увидишь. А хочешь, с нами будешь... Уважаемым у нас будешь.

«Дух» нависал справа, а «душок»-интеллигент слева. Напрягая волю, Сергей сделал шаг к яме, к своим товарищам. Еще один. Спутники несколько воспряли, хотя по лицу Сергея ничего понять не могли. Он сделал еще шаг и закачался. Они его как-то даже услужливо поддержали, мягко подталкивая вперед, приглашая сделать еще один, последний шаг. Капитан не двигался. Этих двоих, да и всю толпу вновь начинала разбирать злость.

— Ну?! Русский?!..

От согласного кивка его головы «духовскую» кучу качнуло. Гортанное:

— Ха-а-и-и!.. — взорвало воздух. И вновь повисла звенящая тишина, чуть подмешанная крысиным писком.

Толпа в особой «духовской» жажде сузилась к русскому капитану и мученическим телам его подчиненных. Крысы клубились в яме в два-три слоя, деловито переползая друг по дружке или суча лапами по глиняным стенам их обиталища. В следующую секунду толпа онемела. С криком:

— Ма-а-ма! Мам-ка-а! — Сергей воздел на уровне плеч руки и... всё. Толпа отпрянула.

На краю громадного крысятника лежали два изуродованных тела русских солдат, но там не было ни капитана, ни интеллигента, ни заросшего черной щетиной «духа». Из ямы взвился хриплый рев нечеловеческой боли, хрыканье сотен челюстей и почти младенческий визг этих странных животных, и еще треск пожираемой плоти и мелких костей. Все еще не верящие в случившееся нелюди вперились в дымящееся живой кровью дно, в окно преисподней, где куча четырехлапых черных гадин жадно вгрызалась в человеческую плоть. Упоенные кровью животные стали бросаться друг на друга, и злейший мстил смертью слабейшему. Над ямой повисло тошнотворно-сладкое марево смерти.

Через несколько минут пиршество кончилось. Все увидели два дочиста обглоданных скелета, трупы десятков крыс и почти нетронутое тело русского капитана, который, видимо, умер от перелома позвоночника и болевого шока.

На «Чайке» в бой рвались все как один. Из госпиталя выползли даже лежачие. Но только восемь бэтээров с лучшими из лучших, со злейшими из презлых, взревев двигателями, колонной ушли с конкретной задачей каждому. Две с лишком сотни оставшихся на «Чайке» бойцов, рвавшихся идти с освободительной ратью, командиры приказами и руганью загнали за КПП на территорию гарнизона.

На выявленную базу душманов выходили с пяти сторон в зловещей тишине. Бэтээры заглушили в ложбине за несколько километров. Зависшее на закате солнце не торопилось избежать созерцания торжества справедливости. И даже обнаружившая десантников за сотню метров до базы «духовская» засада уже ничего не решала.

Банду рвали на куски голыми руками и вырезали ножами без единого выстрела. С сомкнутыми губами, со стиснутыми зубами, с гортанным сипом на выдохе:

— Хак!.. Хак!..

Шакалов-нелюдей рубили прикладами, рожками автоматов, саперными лопатками. Их втаптывали в землю, крушили им ребра и черепа. Вскоре к базе подошли и затаившиеся бэтээры. Через полчаса все группы сомкнулись на главной площадке «духовской» базы, в центре которой находился крысятник. У русских легко ранены были двое. Тушами дохлых «духов» была завалена вся площадь. Несколько избитых служителей восточного ритуала жались вплотную друг к другу подле сатанинской ямы. Их крупно лихорадило. На них вроде бы не обращали внимания. Видели только тела двух наших ребят на краю ямы и лежащее навзничь тело капитана, вокруг которого сонно клубились жирные комки черных арычных крыс, каждая величиной с персидского кота.

Автоматчики выпустили несколько магазинов по животным-людоедам. В яму опустили несколько досок и лестницу из погреба. Нашедшиеся сами собой добровольцы обмотали руки тряпьем, руки и ноги густо облили соляркой, чтобы отпугнуть оставшихся живых крыс, обвязались веревками и без опаски, без брезгливости спустились на дно ямы. Они бережно извлекли изуродованное тело русского воина Сергия.

Лестницу и доски убрали. И только после этого, как бы невзначай, «заметили» кучку испуганных бандитов.

— Кто организатор?! Зверье! Кто рвал на куски моих ребят?!

«Духи», впившись стеклянными от ужаса глазами в Батю, лязгали зубами. Десантника самого трясло, но он изо всех сил сдерживал предательскую дрожь: перед его взором были истерзанные тела рядового, сержанта и капитана.

— Кто выдаст зачинщика оргии, обещаю живым сдать в ХАД.

Слова звенели в вечернем воздухе дамасской сталью. «Духам» перевели.

— Времени у вас одна минута. При невыполнении приказа на шестьдесят первой секунде всех сожгу в крысятнике.

Опять заговорил переводчик. Батя взглянул на часы. Через десять секунд «духи» вытолкнули из своей среды двоих неистово забесновавшихся и орущих собратьев.

Оба повалились на землю и с истинно восточной церемонностью, извиваясь, поползли к ногам русского командира. Они визжали, тыкали друг в друга пальцами, указывая, кто же виновнее. Не доползли. Сгорели заживо, расстрелянные из ракетницы.

Оставшихся четырех «духов» обмотали тряпьем и обвязали дохлыми крысами. Четыре кулька привязали к машинам и медленно отволокли в ближайшее подразделение ХАДа. Доставили живыми. Батя слово сдержал.

Гарнизон был мертв от горя. Триста человек плакали, не шевелясь, не разжимая зубов. На трех плащ-палатках несли русских мучеников.

Три русские мамы управлялись с бедой каждая по силе своей душевной стойкости.

37-летняя мать, сросшаяся воедино с могильным крестом мученика Анатолия, не дала себя увести на поминки. Утром на кладбище у односельчан захолонули от ужаса сердца: они увидели восьмидесятилетнюю совершенно седую старуху с навсегда потухшим взором.

Сержантская мать на девятый поминальный Петров день, с вечера помыв своих младших деток, уложила их спать. Когда чада уснули, тихо прикрыла за собой дверь дома. В обед следующего дня соседи обнаружили ее повесившейся в хлеву и бережно извлекли из петли.

Мать офицера Сергия — Валентина Ивановна, русская учительница из зауральской деревеньки на сороковой день после похорон раздала свое небогатое добро, поклонилась кресту сына-страстотерпца, затем склонилась молча в ноги всем собравшимся за околицей скулящим бабам, детишкам и нервно курящим мужикам, попросила у всех прощения и ушла в монастырь. Видно, услышала она своим сердцем предсмертный и победный зов Сергия: «Мама! Мамка!» — и последовала этому зову...

Мать воина Сергия, бывшая в миру Валентиной, помолись Богу за нас, грешных, и прости, если сможешь...

НА КУРОРТЕ

Ночью бессовестно вылупившаяся на свет Божий луна нахально заглядывала под каждый кустик и камешек. Ежась от ночного осеннего воздуха, командир пары, бывалый «ночник» Колька мысленно прикидывал шансы перелета на Кабул на предельно малой высоте.

У него уже был опыт подобных авиатрюков. О них знал даже командир эскадрильи, но Кольке пока все сходило с рук. То ли этому способствовала пилотская кураж-отвага, то ли командир понимал, что ночью при полной луне идти с курсом 210 на высоте четыре тысячи метров не было все равно никакого смысла, поскольку на фоне ослепительно белых от лунного света облаков две точки-«восьмерки» все равно отчетливо видны, и сбить их не представляет «духам» никакого труда.

Уже на выруливании было принято невинное решение — идем на пределе... Мировая пилотская практика вряд ли имеет такой опыт в своих анналах. Каждый, находившийся в тот момент на борту, с надеждой думал: «Ну, может, и на сей раз пронесет!»

Идя строго над «кандагаркой» на десятиметровой высоте, чтобы не сбиться с курса, в Кабул вошли через тридцать пять минут. Зарулив на стоянку и выключив двигатели, все находившиеся на борту стали, как по команде, шумно водить носами по сторонам.

— Что-то тухлым пахнет...

Виктор осторожно откатил люк. Стоящий рядом аэродромный техник с замотанным полотенцем лицом без лишних вопросов разъяснил причину вони. Перемешивая нормальную речь крепким солдатским сквернословием, не глядя на спрыгивающих на бетонку пилотов, он бормотал себе под нос:

— «Духи» за весь год на «полтинник» сбросили один-единственный снаряд и тот, сучец, угодил точно в нужник. (Тра-та-та). Теперь весь гарнизон сутки ходит в (таких-то) противогазах, а тужиться бегаем к минному (такому-то) полю, потому как оно, (кто-то знает) где. Вот ветер и относит запах на ближние дувалы. Это им, гадам, за то, что решили пошутить — теперь пусть, суки, дышат нашим свежачком.

Долго стоять в Кабуле не дали. Через час открыли коридор на Джелалабад, куда шла пара «Скобы». У этих «восьмерок» вышел летно-технический ресурс по некоторым параметрам. А в Джелалабаде находилась ремонтная база «Скобы» с гастрономическим позывным — «Омар».

Ребята с удовольствием летали туда, хотя по опасности этот гарнизон в настоящих среднеазиатских джунглях был ненамного спокойнее Газни. Но возможность в течение недели отдохнуть в местных субтропиках притупляла брюшной холодок естественного человеческого страха.

«Омар» и в самом деле был деликатесом — предлагал массу удовольствий для неизбалованных санаторными удобствами мужиков со «Скобы». Там даже поздней осенью температура стояла 50 градусов выше нуля при полном безветрии в оазисе сочных джунглей. Попадавшим сюда впервые гарнизонные старожилы минут эдак через пятнадцать деликатно намекали, что открывшийся от удивления рот можно уже и закрывать.

После несколько чванливого Кабула гостеприимство местных ребят было непривычно радушным. Не отличаясь от «Скобы» ни жилыми зданиями, ни аэродромными постройками, «Омар» ласкал глаз небывалой мощью южной зелени. Даже в полночное время все говорило о близости субтропиков. Черное небо, усыпанное крупными звездами, как китайскими фонариками, и на горизонте — знаменитый Южный Крест... А воздух! Он был напоен густой теплотой и пряным ароматом экзотической растительности. От всего этого млели перемерзшие на высокогорье скобяные мужские косточки. Нет, даже на войне существуют свои маленькие радости!

Окончательно гости уверились, что они находятся именно на «Омаре», после нахального таможенного досмотра их карманов, который учинила местная знаменитость — обезьяна Кешка. Бойкий примат, не обращая внимания на умиление вновь прибывших, после осмотра нательного белья стал спокойно потрошить их сумки. Профессиональное чутье старого алкоголика помогло Кешке в течение одной минуты найти вожделенный тайник — фляжку со спиртом. После чего он, непрерывно роняя конфискованное добро и абсолютно игнорируя возмущение оторопевших гостей, затрусил к себе в домик.

— Фляжку отдай! — рявкнул Колька.

Но было поздно. Кешка, уже успев закрыться изнут-

ри, стал показывать через решетку язык, одновременно затягиваясь прикуренной у солдата-дневального сигаретой.

— С приездом! — хохотали местные.

Передав на следующий день технику полковым умельцам, все отправились на бучилу. Бучила или широкий арык с благоустроенным деревянным пирсом-пляжем был одним из основных видов отдыха и развлечений свободных от полетов омаровцев. При температуре свыше сорока градусов по Цельсию, чистейшей воде, сквозь которую виднелось глубокое дно, и вертикальном солнце можно было прекрасно загореть и щеголять этим загаром минимум в течение года.

— Лепота-а-а! — жмурясь и хрустя костями, в десятый раз промурлыкал Виктор.

Так как пляж был мужской и загорали только нагишом, то рядом нежились еще около пятнадцати «Адамов». Время от времени каждый вяло поливал себя из самодельной лейки и снова закатывал глаза. В общей тишине и неге через «Панасоник» задушевно предлагала алые розы Алла Борисовна. «Евы» располагались на пятьдесят метров дальше. По негласному джентльменскому соглашению никто никому не мешал.

— Коль, ну что, с неделю отдохнем? — не открывая глаз, спросил Виктор только что вернувшегося однополчанина.

Колька обрадовал поднятые головы подтверждением:

— Благодать!

Благодать продолжалась до четырнадцати ноль-ноль следующего дня. Примерно в час пополудни все, кто минуту назад валялся на пирсе, неслись к командному пункту, надевая на ходу подштанники. Там уже собрались те, кто мог отлучиться со службы, включая работников столовой — все равно кормить было некого.

Народ напряженно слушал радиообмен местных экипажей, поднятых по тревоге для оказания помощи ребятам-десантникам из Асадабада. Эта десантная бригада находилась так близко к северо-западной части Пакистана, что ту сторону границы можно было четко разглядеть через прицел снайперской винтовки.

В джунглях разгоралась привычная бойня. Немногочисленную асадабадовскую группу, ползущую домой, «духи» наглухо зажали на вершине скалы. Взлетевшей с «Омара» четверке из-за большой удаленности от попавших в беду и долгого их поиска не хватило топлива, и

они, возвращаясь на аэродром, запросили очередную группу на усиление. Она-то и пыталась снять десантников с кончика скалы.

В одну «восьмерку», чудом зацепившуюся стойкой шасси за каменный склон, кучей забрасывали при помощи местной поисковой спасательной группы асадабадовских ребят. Из шестнадцати бойцов четверо были убиты, остальные — почти все ранены.

Еще одна «восьмерка» и два Ми-24, взяв в круг скалу, разгоняли бандитов. Так как весь боевой ресурс машин был исчерпан, экипажи стреляли из личного оружия.

В «духов» перекидали даже все ручные гранаты. Но те, видимо, убедившись, что русские — «пустые», внаглую полезли к загружающемуся борту. А поняв, что добраться до него не успеют, начали палить по вертолету изо всего, что было под рукой.

«Восьмерка», снявшись со скалы, густо за́дымила, огонь охватил оба двигателя. Летчики решили пойти на вынужденную посадку. На «Омаре» в зловещей тишине слышался только радиообмен. Голос командира вертолета был предельно спокоен:

— Захожу на посадку с курсом 360.

Руководитель полетов: — *Понял. Три полсотни первый, нижнюю границу не подскажете мне?*

Пилот: — *А-а-а, где-то 800...*

Руководитель полетов: — *Понял. Три полсотни первый, как у вас дела?*

Второй пилот: — *Прыгайте! Прыгайте! Три полсотни первый, прыгайте!!!*

Пилот: — *Горим! Горим! Срывай блистер. Срывай блистер... Прыгай! Вались! Пошел!*

Руководитель полетов: — *Три полсотни первый, что произошло?!*

Пилот: — *Прощайте, мужики!*

Руководитель полетов: — *Три полсотни первый, что произошло?! Что такое, три полсотни один?!*

Второй пилот: — *Прыгайте! Прыгайте!*

Руководитель полетов: — *Три полсотни первый, покидайте вертолет!*

Второй пилот: — *Остаток 100.*

Руководитель полетов: — *Три полсотни первый! Покидайте вертолет! Три полсотни первый! Я — «Консул», покидайте вертолет!*

Второй пилот: — *Прыгайте! Прыгайте!..* (обрыв связи).

Теряющий управление, объятый пламенем «три-полсотни первый» вертолет стал заваливаться с углом за семьдесят градусов кормой вниз. Захлебываясь в реве, люди пытались дотянуться до открытого люка, оказавшегося высоко вверху и вывалиться за борт с парашютом. Все усилия были напрасны.

Борт, превратившийся от жара в печь, все стремительнее кренился на несущий винт.

Командир вертолета, сидя в летном кресле уже ногами вверх, понял, что спастись с парашютом не удастся, принял решение погибнуть вместе с беспомощными ранеными десантниками.

Экипаж по примеру командира в едином порыве отстегнул замки своих куполов.

В загоревшейся одежде, теряющий сознание, нажав обожженной рукой кнопку рации, командир по аварийному каналу связи попрощался с однополчанами. Через несколько секунд «три-полсотни первый», отвесно падая братским огненным шаром, взорвался.

Прощайте, мужики. Земля вам пухом. Душам — вечный покой.

Командир «Омара» сам поднимал хрустящие останки каждого на борт работяги-«тюльпана». В столовой остались чистые столы, полные котлы и зареванные официантки.

В комнате планирования боевых операций за накрытым прощальным столом перед каждой фотографией героев поставили фронтовые сто граммов. Со снимков глядели веселые лики на мрачные лица однополчан. В своей будке тоскливо выл пьяный «таможенник» Кешка.

Возможно, главной причиной ухода Кешки в полный запой стала гибель одного из пилотов «три-полсотни первого». Добрая обезьянья душа почувствовала, что его лучший друг Серега больше не будет угощать его дефицитным сахаром, поглаживая холку. У беспробудно пьяной обезьяны от тоски по другу, что называется, «поехала крыша». Кешка начал в темных углах приставать к женщинам. После очередного недвусмысленного Кешкиного приставания к официантке, пришлось принять решение: ему преподнесли стакан почти неразбавленного спирта, дали хорошую сигарету и пустили разрывную пулю в затылок.

ГРУСТНЫЙ КОНЦЕРТ

Через неделю на двух залатанных, но пригодных к дальнейшей работе «восьмерках» газнийцы вылетели с «Омара» домой, но оказались на двое суток заперты в Кабуле. Индийский океан наглухо перекрыл домашний 210-й курс низко ползущими плотными тучами. Лежа в Ми-8 на диванчике, сложенном из запасных парашютов, Виктор мешал Кольке спать, без конца повторяя:

– Что будем делать? Может, займемся чем, а?

Николай предложил подмести аэродром. Вопросы отпали. Было холодно. Разглядывая крупные капли дождя, стекающие по блистеру, весь экипаж мысленно уносился под жгучее солнце «Омара». Очередной, десятый, наверное, звонок на метеостанцию неожиданно обнадежил: завтра можно надеяться на «добро». А вернувшийся из продразведки борттехник принес заставившую всех заерзать новость: сегодня здесь, в «полтиннике», поет известный бард.

Народу в полковом клубе набилось столько, что экипаж «Скобы» потерялся почти сразу. Каждый искал себе место в одиночку. Первые ряды кресел были, как и подобает, заняты местной элитой. Пришли даже представители штаба сороковой армии, который находился во дворце Амина.

Разухабистый внешний вид Виктора, в штопанном-перештопанном летном комбинезоне, с небритой физиономией, дурацкими выгоревшими на солнце усами, наголо остриженной головой и, вдобавок, всего увешанного оружием, послужил причиной двадцатиминутного разбирательства с начальником местного патруля в находившейся неподалеку комендатуре. Никаких документов Виктор с собой не захватил, но ядреной русской ругани, как ни странно, оказалось достаточно. Начальник патруля отпустил его с единственным требованием – дальше порога клуба ни шагу. Виктор выдал «гарантию», треснув по-братски начальника кулаком в грудь. На сцене популярный бард пел

избитому войной народу. Плотно стоящие в душном, пропахшем потом зале, по крутой тропе и чужой земле снова и снова уходили на караван. И третий тост в оглушительно молчавшем зале мысленно пили за тех, кто пропал... и, как переполненная человеческим горем чаша, под нестесняющиеся слезы солдат, был последний полет к родителям в «черном тюльпане»...

На борт брели молча. Бард шел рядом. В грустных мыслях каждого.

ПАРТИЕЦ КОЛЬКА

Рассчитав, что до ближайшего разрешения на вылет остается часов восемь, Виктор договорился с командиром вертолета, что он мотнется при первой подвернувшейся оказии — на БТРе к своему однокашнику Кольке, Николаю Сизову, с которым был по-братски дружен еще с курсантских времен. Коля был сердечным парнем, с душой нараспашку. Знавшие его хотя бы мало-мальски не припоминают случая, чтобы он даже во сне сказал:

— Не могу...

Или:

— У меня нет времени.

Сейчас он занимал должность партийного работника и проживал в модуле у штаба своей части, раздислоцированной со множеством других недалеко от дворца Амина. В его небольшой комнатке стены были сплошь увешаны фотографиями его жены Гали и сына Женьки. Несмотря на свое относительно привилегированное положение, Колька из тридцати дней месяца двадцать находился в постоянных командировках на боевых операциях. Но в письмах жене клялся, что вокруг его здания такая тишина — кроме чирикания птичек ничего и не слышно, а его рабочее место — это кабинет с кучей бумаг, которые ему до смерти надоели. К тому же по вечерам он от тоски ходит в кино, а по субботам и воскресеньям рубится в футбол.

Виктор застал Николая валяющимся на кровати одетым и обутым с наушниками от плеера. На стуле были остатки закуски: хлеб, килька в банке, из которой торчал штык-нож, и почти допитая бутылка водки. Не то музыка в его «Панасонике» была очень громкой, не то Колька задремал во хмелю, но Виктора он будто не заметил, хотя тот ввалился с грохотом и гамом. Очнулся друг только от сильного раскачивания кровати и дзенькнутой о стакан бутылки.

— Поставь, — не открывая глаз, пробормотал хозяин. — Второй стакан в тумбочке. С закуской только напряженка...

Друзья встретились, будто не расставались.

— За что пьем? — спросил Виктор.

— Давай еще раз, третий...

— Давай...

Виктор понял, что Коля только что прибыл с боевого выхода.

— Где? — поинтересовался Виктор.

Колька, держа стакан обеими руками, смотрел в пол.

— Под пиком горы Агар...

— Что — сильно потрепали? — сочувственно допытывался Виктор у однокашника.

У Николая было лицо поднявшегося из забоя шахтера.

— Не потрепали, а разодрали!

Он рассказывал так медленно и с такими паузами, будто говорил сам с собой, мысленно бродя по дымящимся остаткам ушедшего боя.

Колонна, в которой должен был идти Николай, формировалась на Теплом Стане. Это место в нескольких километрах от Кабула, которое знали все транспортники. Это была перевалочная база для подготовки перед долгими и опасными переходами по всем тропам и путям в Афгане. Такие колонны формировали бывалые офицеры и прапорщики, за плечами которых были десятки ходок. Они так и значились в своих частях — не по званиям и должностям, а по ходкам. Эти продубленные на жаре и холоде, битые пулями и минами мужики натаскивали в профессионализме новичков-водителей до ювелирного уровня мастерства, создавая в учебных целях различные нештатные ситуации по принципу, как у пилотов, «пеший по-самолетному», максимально близко к предполагаемому. У военных летчиков существовала такая практика: перед полетами на земле пилот брал «игрушечный» самолет и показывал, как он будет вести себя в воздухе при определенных ситуациях. Из этого бывало видно, чего от него ожидать товарищам, и какие типичные для него ошибки он мог бы совершить... Совершенно такой же тренаж ввели в оборот и наши зубры-транспортники с ситуациями — горная дорога, туннель, переход рек, подбитый впереди бензовоз и т.д., и т.п.

Колонна в основном состояла из грузовых КамАЗов, ЗИЛов, «Уралов»-топливозаправщиков, бывших головной

болью для всех водителей, ибо в случае попадания даже одного трассера в бензовоз (не говоря о снарядах), свечой заживо сгорали вместе с машинами и водителями один-два впереди и позади идущие транспорты. Горящий бензин широко разливался по дороге огненной рекой, поджигая все, что может и не может гореть. Штатный срок эксплуатации тяжелых машин в Афгане был максимум восемь—десять месяцев из-за разбитых вдрызг дорог, но реальная боевая обстановка нередко сокращала и этот без того короткий машинный век.

КамАЗы с продовольствием «разжижали» собой грузовики с оружием и боеприпасами, поклажей также небезопасной в случае подрыва или пожара. Через определенное количество разномастной техники шли БТРы, танки — примерно один на шесть—десять машин. На них находились группы прикрытия. Прощупывающие до слез в глазах «зеленку», кюветы, дорогу, горы, скалы, реки и вообще все, что выглядело подозрительным и опасным. Рядом с каждым БТРом прикрытия шел КамАЗ с закрепленной в кузове ЗГУ, готовой в любую секунду по команде руководителя стрельбы искромсать непонравившийся холмик. За гашеткой зенитки сидели такие ребята, что они вмиг стирали в порошок подозрительное место из четырех стволов, а после выясняли, кто там был. Как правило, после минутного «прощупывания» местности там уже некого было о чем-либо спрашивать.

Колонна состояла примерно из ста сорока единиц техники. Впереди нее шел танк с катком для прощупывания дороги и принимающий первый взрыв на себя, в случае заминирования. Вся механическая «кишка» разом заскрежетала, закоптила, загремела, переваливаясь с боку на бок, двинулась в свой нелегкий путь от Кабула через Газни и далее до Кандагара, затем по изнурительно знойной степи Сипедакдашт, переходящей в красные безжизненные пески.

Командир колонны подполковник Заборский посадил капитана Николая Сизова в центр группы, на бензовоз «Урал». Колька, неробкий парень, согласился с легким холодком, но Заборский уж больно настаивал, зная обязательность, сообразительность и мгновенную реакцию капитана. Это была шестнадцатая Колина ходка. Себя в дорогу он особенно ничем не утяжелял — не разведвыход,

да и рядом постоянно те, кто прикроет спину. В наиболее опасных местах над транспортной «кишкой» стрекотала четверка «вертушек» с группой ПДГ.

Все привалы только по команде. Езда — строго по колее впередиидущего. Виляния или самовольства нередко были смертным приговором, ибо дорога была утыкана неопознанными минами с многолетним сроком закладки. Причем погибал не только сам разгильдяй, но тянул за собой на тот свет своих товарищей.

Шел четвертый час езды. Скорость от 10 до 30 километров в час. Не дорога, а — зигзаг удачи. Водители, кто в черных от пота гимнастерках, большинство с голым торсом, а то вовсе в одних трусах. Автомат с полным боекомплектом под ногами. Стекла обложены личными бронежилетами. Снаружи плюс сорок, а в кабине плюс шестьдесят. Глаза, как миноискатели, непрерывно щупают дорогу, изучают, нет ли чего странного в расположении каждого камня, цепляются за любую мелочь.

Идет ежесекундный поиск смерти на размочаленной дороге. Отпущенные на жизнь минуты долго и трудно складываются в часы.

— Товарищ капитан, воды! — в десятый раз просит молоденький водитель белорус Федька. Сизов протягивает ему вторую фляжку. Всего их семь. Водитель делает пару небольших глотков и старается подольше держать капли во рту. Вода — второе по важности дело после боезапаса.

Над колонной чуть левее повисли три красные ракеты. Привал. Глуши мотор, расслабляйся, солдатская душа. Но спускаться на землю с машины строго запрещено — мины. Для выполнения естественных надобностей место одно — с подножки машины. Напротив Николая в кювете кверху пузом лежит дотла сожженная БМП. Он таких машин разных марок и типов только до первого привала насчитал 22 штуки. Обугленное железо валяется на Востоке, а солдатские косточки по всей России.

Второй раз позволено расслабиться и бегло осмотреть двигатель (опять же не слезая с машины) перед населенным пунктом Хасанхейль. Гремящий капотом машины Федя вздрогнул от легкого звука. Сзади стоял старый афганец с пятилетним чумазым мальчишкой. Седой в белой чалме

дед держал в руках круглую хлебную лепешку, свежую, аппетитно пахнущую. Федька затарабанил по стеклу:

— Товарищ капитан, нам старый «дух» перекусить предлагает.

Коля мгновенно включился из дремоты, распихав вокруг себя навалившуюся жару. Уже на крыле он стал рассматривать старика:

— Что хочешь, отец?

Афганец, частя непонятными словами, протянул хлеб. Николай несколько секунд изучал добродушного дехканина, и не найдя в его глазах подлости, все же сказал:

— Откуси первым, старик.

Местный, как ни странно, понял, о чем речь. Отломил в том месте, где ему было указано, и съел. Мальчишка с круглыми от любопытства и страха глазенками вцепился в дедову ногу и смотрел на всех сразу. Русские взяли хлеб и отблагодарили старика парой не новых, но крепких сапог и солдатской шапкой. Мальчишке капитан дал полшоколадки. Через зеркало заднего вида Коля долго смотрел на кланяющегося старика. Ему показалось удивительно странным, что дед сам принес угощение и не клянчил что-то взамен. Добрая встреча — доброе прощание. Хорошее есть на всей земле.

И опять пекло, разбитая колея, мотающаяся машина, пульсирующее марево испаряющегося бензина...

И вдруг дыхнуло печным жаром. В небо взметнулся на несколько десятков метров ровный свечной факел, и до горизонта одновременно с накатившимся взрывом зависли, как салютные огни, разлетающиеся куски шедшего впереди топливозаправщика. В хаосе звуков сплелись бьющая десятками стволов ЗГУ, автоматный, пулеметный огонь и человеческий рев.

От чего стереглись, того и дождались. Из-за ближнего дувала «духи» стрельнули из гранатомета в один из бензовозов. «Наливник» вспыхнул, и огонь перекинулся на впереди и позади идущие КамАЗы. Пушечным звуком рвались бензобаки, разбрызгивая вокруг горящее топливо.

Черный от гари и грязи Николай с пистолетом в руке, скользя по жирной от разлитого горючего грязи, добежал до ближайшей БМП. Машина совсем не вовремя заглохла. Николай орал лейтенанту:

– Сталкивай всех с дороги! Сталкивай, говорят тебе, щенок!

Лейтенант, хая свой двигатель на чем свет стоит, запустил, наконец, машину, раскаленную, как кухонная плита. Бодая стоящие перед ним горящие КамАЗ и ЗИЛ, он попер их на своей бээмпэшной морде прямо на глинобитные дувалы. Не разворачиваясь после этого, резко сдав назад, вышиб с дороги своей бронированной задницей Колин топливозаправщик, обильно струящий бензином из многих пулевых пробоин, но непонятно почему до сих пор не взорвавшийся. Столкнув его задним ходом с обрыва в овраг, БМП сама наполовину сползла туда. Лейтенант, слившись голосом с предсмертным ревом мощнейших двигателей, заставлял свою машину отчаянно карабкаться наверх. Через несколько секунд челябинцу-танкисту удалось спасти агонизирующую «бээмпэшку», выбравшись из почти гиблого места.

Вылетев на дорогу, он зажал левую гусеницу, и, крутясь на месте, стал поливать из автоматической пушки всю округу, в остервенении по-прежнему пытаясь переорать мотор. Распластавшийся в липкой вонючей грязи Колька видел, как во сне: из-за разваленного дувала медленно, раздражающе медленно со ствола гранатомета в руках оскаленного «духа» сошел заряд и, прочертив короткий идеально прямой след, носиком, как лезвием, сбрил голову приподнявшемуся на долю секунды белорусу Федьке. И как бы нехотя продолжая чертить свой след дальше, скрывшись в зеленке с другой стороны дороги, разорвался.

Какое-то мгновение безголовый Федька вприсядку танцевал на дороге «барыню», хлопая руками по коленям. Потом он завалился на правый бок и долго сучил ногами, будто бежал, при этом мелко тряс кистями рук. Из ровно подрезанной шеи тонкой длиннющей струйкой, постепенно слабея, била, пузырясь, его родная кровь. Федькина голова, петляя и кувыркаясь, закатилась в кювет и, залипнув в мазуте, уставилась стеклянными удивленными глазами на Север.

Час спустя капитан Сизов трясся в кабине другого топливозаправщика. С Володей из Самары...

МАГИСТРАЛЬ

На «Скобе» завьюжило, завихрило. Засыпало все снегом, заковало властным холодом, крепким, как тысячелетний камень бесконечных гор, основательно и капитально. В Афганистане все было основательно и капитально. Радость похожая на радость, скупая на время, но яркая, как осветительная ракета. И горе, как горе, изнуряющее, звериное от пронзительного осознания, что друга больше нет...

Нет, он еще живой в твоих истоптанных, перечеркнутых трассерами мозгах, но обмякший навсегда в твоих деревянных от усилий руках. Горе мрачное, горе горькое. Там настоящим было всё. И понимание, что это конец, тоже не требовало никакой проверки. Что это настоящий конец, когда он наступал, понимали мгновенно. Даже морду луны вело набекрень от обстрела.

Знаменитая, вошедшая в историю «Магистраль», в декабре 87-го — феврале 88-го многих проэкзаменовала на отвагу и воинскую честь. Для кого-то она, как ни странно, стала гладким, зеркальным трамплином к новым званиям и должностям, а для многих — перерезанной жизненной нитью и дорогой в вечность.

В новогоднюю ночь пара «Скобы», приданная гардезскому отряду для усиления, дважды взлетала со «Скобы». И оба раза — «черным тюльпаном». Всего к утру в Кабул доставили двенадцать «ноль-двадцать первых» и шесть «двухсотых». Как жутковатый новогодний подарок привезли тридцатикилограммовый брезентовый мешок, набухший от черной запекшейся крови, с останками одуревшего от веселья прапорщика-связиста.

Он, выскочив в первые десять минут Нового года из связного вагончика по нужде, сдуру заблудился в метели. И, видимо, замерзая и трезвея, ища со страхом свою машину связи, наткнулся на точно такую же, но принадлежавшую царандою — афганской армии. Те, будучи не трезвее залепленного снегом ввалившегося к ним связиста, похватали оружие для самообороны. Но прапорщик оказался проворнее. С криком: «Русские не сдаются!» — он

гранатой подорвал себя и еще трех человек из правительственных войск. Да, грустно и глупо.

По окончании работы Виктор с экипажем в столовую не пошли, узнав, что там сейчас находится известный теleболтун. К нему, из-за его вранья, одинаково относились все: мягко говоря, с насмешкой. Окончательно мнение о журналисте у Виктора сложилось после совместного полета.

В тот день мэтр телевизионного официоза с двумя помощниками, не здороваясь, поднялся на борт вертолета для съемки очередного сюжета, а после приземления вышел без «до свидания». Его заносчивость и нахальство неприятно резанули тогда простых работяг афганской войны. Поэтому сейчас, прилетев, ребята обошлись в палатке тушенкой со штыка и фляжкой спирта. Уснули, не раздеваясь, так как в палатке было около шести градусов тепла.

На следующий день, третьего января, в четырнадцать сорок «Магистраль» показала клыки. Взлетев, получили в воздухе привычную, не предвещавшую ничего особенного задачу. В тридцати двух минутах полета в сторону Хоста их ожидала вконец обессилевшая, зарытая в снег группа спецназа с «Чайки». Их крепко потрепали в двухсуточном разведвыходе. Домой бачата Бати Блаженко продирались с двумя убитыми и двумя тяжело ранеными. Почти все остальные — «трехсотые», раненые. Всего восемнадцать человек.

Нашли их довольно быстро по «Комару» и «Факелу», специальным сигнальным радио— и огневым устройствам. После пятнадцатиминутного болтания над ними поняли, что сесть не удастся — не позволяла глубина снега. Пришлось затаскивать спецназовцев на два борта тросами: на ведущий было принято двенадцать человек, на ведомый — шесть. Еще раз пересчитали их, изможденных, обледенелых... Слава Богу, все!

Домой понеслись молча. Живые отхлебывали из фляжки спирт, бережно передавая его друг другу. Полетного времени оставалось двенадцать минут — почти дома. За бортом наступили легкие сумерки. Машина поднялась повыше для захода на посадку. Все оживились, прильнули к иллюминаторам.

От прямого попадания ракеты в ведущий борт хвостовая балка у него отлетела сразу. В легкие Виктора ворвался мощный кислый запах. От стремительно сползшего назад большого клубка тел морду машины задрало почти вертикально. Страшно и осипло заорали все.

Виктора, насмерть прижав к себе, выхватил проваливающийся назад из кабины борттехник. Говорят, что в такие мгновения вспоминается детство, дом, или еще что-то из прошлого... Шестеро оставшихся в живых вспоминали потом только вонючее дыхание смертельно раненого двигателя. Ракета, выпущенная «духами» из «Стингера», выполнила свое подлое предназначение, убив в спину, у калитки дома.

...Вертушка грузно врезалась с высоты около тридцати метров в свое же минное поле, не дотянув до взлетной полосы несколько десятков шагов. Виктор выполз первым, так как лежал «удобнее» всех — на груде тел. Летный шлем расколот, соленая кровь струйками льется из носа, рта и ушей прямо за пазуху. Долго приходит в себя и никак не может понять, почему же не выползают остальные.

...А со всего гарнизона бегут люди. Он улыбается им, машет рукой. Потом подошел кран, и по его стреле подползли ребята. Говорят, что ему все орали: «Стоять! Стоять, придурок, подорвешься!» Да, видно, то минное поле саперы заминировали халатно. Виктор, бродя по нему час, так и не подорвался. Техники разрубали сплюснутый, как консервная банка, вертолет. Разлепляли пассажиров. Повсюду дикие крики и черная ругань... Гораздо чернее ночи, которая вся в горящих фарах. На эвакуацию с минного поля потратили час с лишком.

Прошли годы, а Виктор до сих пор по ночам валится в клубке друзей в хвост горящего вертолета. Его жена отчетливо помнит, как чувствовала в том январе беду. От мужа больше месяца не было писем.

КТО ЛУЧШЕ ДРАЛСЯ?

К трем часам утра вся «Скоба», гремя кружками, сипло пытала округу в радиусе пяти километров зычными голосами: «Вот, новый поворот. И мотор ревет. Что он нам несет?!.» Новый поворот очередной зимней ночью принес на своем борту из Кабула два экипажа отпускников. При скудных военных радостях вернувшихся из-за ленточки мужиков, пропахших женами и ребятишками, в мятой-перемятой повседневной военной форме, с истоптанными неподъемными баулами в руках, ждали, как ангелов, вычисляя с точностью до часа время их положенного прибытия.

У них, практически всех опоздавших (как же трудно было оторваться от спящего, разметавшегося на кровати малыша!), спрашивали с радостным предвкушением рассказов о доме одно и то же: «Чё, опоздал?» «Да, таможня, знаешь...», — отнекивались отпускники. «Знаем мы твою таможню», — понимающе хихикали соседи по модулю, волоча сумки по песку. А потом была масса трепа, хлопанья по плечу...

— Генка, а что у тебя такой синяк под глазом? — наконец, после четвертого стакана, рассмотрел Генку-отпускника Виктор.

Все заерзали, готовясь услышать нечто пикантное. Но причина появления синяка, увы, оказалась прозаичной. И Генка обо всем честно рассказал.

В тот момент, когда «горбатый» после взлета из Кабула достиг отметки 8000 метров и угроза поражения «Стингером» мощной машины, на борту которой находилось около трехсот отпускников и заменщиков, миновала, сорок отслуживших спецназовцев, пьяные и одуревшие от счастья, как по сговору, бросились молотить пехоту, начав для разминки с кавказцев и среднеазиатов.

Битва была неравная — один десантник против десяти пехотинцев. Спецназ давал выход накопившейся за два года злости. Они в бешенстве орали:

— Мы всю зеленку на брюхе исползали, пока вы, абрикосы, по полковым котлам шныряли...

Офицерам, попытавшимся усмирить новоиспеченных «заслуженных ветеранов» в этой происходящей по принципу «бей своих, чтоб чужие боялись» сваре, тут же без лишних церемоний расквасили носы и наставили синя-

ков, которые они потом хранили несколько недель, как заслуженную награду.

Повальный мордобой, принявший угрожающий для безопасности полета характер, остановил командир лайнера, спокойно объявивший через усилитель:

— Если вы, придурки, по счету три не успокоитесь, то на четвертый — открываю люк...

Через пятнадцать секунд пришедшие в себя «придурки», продолжая еще шумно дышать и предъявлять друг дружке последние претензии, беспрекословно выполнили приказ. В Русской Армии командир — и в небе командир.

Утром после теплой встречи отпускников на БТРе, разметая сугробы, прихрустел Аркаша.

— Что не слезаешь? Случилось что? — Виктор в летной куртке и трусах ежился возле темного от горя пьяного друга.

Случилось давно, а произошло вчера. Вчера пришлось пристрелить Бачу — преданную Аркаше овчарку-трехлетку. Она воевала с ним рядом, нога об ногу полтора года. Это была умнейшая профессиональная собака-сапер. Такие защитники, нередко исполнявшие роль живого ходячего миноискателя, были изначально обречены на короткую боевую службу.

Запахи тротила и прочих компонентов, какими напичканы мины разных стран, разрушали собачий организм. От постоянного вынюхивания и поиска снарядов у псов с ужасающей быстротой разрушалось зрение, слух, обоняние и осязание.

Виктор знал о сердечной привязанности друга к овчарке. И недуг, начавшийся у собаки, перенесшей три ранения, две контузии, спасшей более десятка десантников, а однажды — и самого Аркашу, надеялись все-таки одолеть.

Надежда умерла последней месяц назад. И до вчерашнего дня слепой, глухой, без нюха, со слезящимися глазами постоянно скулящий пес спал на коврике у Аркашиной кровати.

Сегодня ночью Бачу пристрелили.

Без Аркаши, но с его согласия, поскольку он не мог больше ничем помочь своему четвероногому другу и не было сил смотреть на его страдания.

— Ладно, — тихо просил Виктор Аркашу, робко стягивая его с бронетранспортера, — пошли в хату, помянем Бачу по-человечески...

ЧЕКИСТ

Война шла своим чередом. Ранним утром «метеошник» с недельной небритостью, наконец, выполз из своей станции и заковылял к командиру эскадрильи давать «метеодобро» на полеты. База вновь ожила.

Пилот: — *Ноль-семнадцатому взлет?*

Руководитель полетов: — *Ноль-семнадцатому взлет разрешаю.*

Пилот: — *Понял. Взлет разрешен.*

Правый летчик вел отсчет времени разгона:

— 70, 80, 90, 100, 110... Отрыв! Левым!

Ноль-семнадцатый борт взлетел по-самолетному с креном тридцать градусов левым разворотом. А за ним еще три «вертушки» ушли на очередной утренний облет.

Порыскав безрезультатно полчаса в указанном афганцем-информатором квадрате, четверка унеслась на север для самостоятельной прочески «кандагарки». Два автобуса, шедших на подозрительно большой скорости, были моральным вознаграждением за неделю нелетной погоды.

— Витек! Ветер, — попросил командир вертолета.

Из носового пулемета ударила очередь по дороге. Определив по взбитой пыли направление ветра, командир борта Коля вдруг ни с того ни с сего запросил у «двадцатьчетверки» залп «нурсами» (неуправляемыми реактивными снарядами) перед автобусами с требованием остановиться.

— А что, мы без высадки? — спросил Виктор.

— Холодно, Витек. Пусть «духи» вылезут, а мы посмотрим на них свысока. Не понравится — сядем.

Залповая гроздь ракетами не вразумила водителей, как это обычно случалось с мирным транспортом. Автобусы, напротив, еще торопливее запетляли по дороге. Ситуация приобретала совершенно немирный расклад. Колька раздражался.

— Толя! — приказал он. — Еще залп! Последний предупредительный.

— Понял, — ответил Толя, командир «двадцать-четверки».

Вздыбленная следующим густым пуском перед носом первого автобуса земля вновь не заставила машины подчиниться.

— Точно — «духи»! Толя, мы — в круг, а ты — отработай! — скомандовал Николай.

— Понял: отработать, — ответил Анатолий.

Уступив место зашедшему с высоты около тридцати метров для стрельбы «нурсами» и пушками вертолету, остальные три борта наблюдали за ситуацией. Залп!.. И десяток ракет кучно сошли с направляющих «двадцать-четверки». От прямого попадания первый автобус переломился пополам. Продолжающая самостоятельно двигаться его носовая часть обильно усыпала дорогу фигурками людей. Вторая часть, нехотя перевалившись, рухнула в кювет.

Пронесшись над разрубленным транспортом, Толик уступил позицию для атаки второму борту. Второй автобус постигла та же участь, что и первый. Высадившаяся группа досмотра замешкалась, не решаясь сразу приступить к растаскиванию огромной кучи орущих, катающихся в огне людей.

— Ну, что зарылись?! Растаскивай!!! — заорал Виктор.

— Вот это дел-а-а...

Взамен ушедшей на дозаправку первой четверке вертолетов пришла следующая. Пара «восьмерок» приземлилась пулеметами в сторону навороченного. «Двадцатьчетверки» носились по кругу. Десантники с черными от сажи лицами, в прожженной одежде и автоматами за спинами растаскивали кого куда.

Хуже всего было то, что в разбитом транспорте среди подозрительных пассажиров-мужчин оказалось немало женщин и детей. Их в первую очередь засыпали снегом, чтобы хоть как-то остудить обожженные места на теле. На подмогу вызвали пару «восьмерок» царандоя, афганской милиции. Они забрали наиболее пострадавших в Кабул. Других доставили на «Чайку» к Игорьку.

В час ночи командиры бортов, развалившие автобусы, Виктор и командир десантной группы под присмотром чекистов писали объяснительные в Кабуле. Еще и еще раз прокручивалась запись радиообмена. Действия водителей этих двух злосчастных автобусов совершенно противоречили официальным приказам афганских властей немедленно прекращать движение гражданского транспорта

по первому требованию советских или царандоевских военных. Нашим вертолетчикам был приказ уничтожать все подозрительные транспорты, так как разведсводки сообщали, что «духи» наметили широкую передислокацию своих банд. Исходя из этого, вина за происшедшее полностью ложилась на афганских водителей.

Но Толика, как сделавшего первый залп, упорно допрашивал вальяжно развалившийся на диване в расстегнутой камуфляжке оперуполномоченный. Шел уже третий час ночи. Офицеры «Скобы», находясь хоть и порознь в разных комнатах, держались уверенно. Они понимали, что произошла страшная ошибка, повлекшая за собой гибель и ранения мирного населения, женщин, детей. Такие ошибки почти неизбежны в условиях «партизанской» войны, когда «духи» при первой же возможности прикрывались живым щитом из гражданских соотечественников. Но со стороны пилотов вертолетов состава преступления не было.

Анатолий спокойно объяснил правомерность своих действий и попросил отпустить его на отдых. Опер не реагировал. Толя повторил просьбу. Гладкий майор, не самой удачной московской начинки, выдал то, что в его лубянковских мозгах, видимо, выглядело смертельным приговором:

— Вы, капитан, будете отправлены в Союз...

Капитан — кавалер ордена Ленина, ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды рявкнул на это:

— Ты, что, опер, решил меня Родиной напугать?!..

За ночь «скобари» от злости нахлестались у друзей в «полтиннике». Одно дело беседа с чекистами, одно дело законы военного времени, и другое дело — собственной совести — смерть и страдания мирных жителей. Конечно, в такой ситуации единственным утолением душевной горечи была безудержная пьянка.

В совсем не теплой комнате голый по пояс и босиком Толик порывался найти своего чекиста, затащить его в вертолет и покатать над еще ночным Кабулом. Еле отговорили.

Мало-помалу все угомонились и, осоловев, забылись в нервных снах. От грохота открытой пинком двери все разом вскочили, как будто и не спали вовсе. Посреди комнаты стоял незнакомый подполковник и, теряя последние капли самообладания, держал на вытянутых руках висевшего,

как кишка, вдрызг пьяного и сладко спавшего Толика.

— Ваш? Ваш?! Что молчите?! Чей тогда?!

— Наш, — первым очухался Виктор. — Наш, да опусти ты его. Чего разорался, как свинья перед дождем?!

Брошенный на пол неугомонный пилот сладко спал, свернувшись калачиком.

— Ну, вы даете, мужики! Особистам еще никто не выдавал такие штучки... — подполковник с гортанным звуком жадно пил воду из кружки. Все знали, что Толик был человеком слова и дела, но не ожидали, что однополчанин так жаждал исполнить свое обещание парню с Лубянки.

Дело оставалось за малым — найти его. Толя не знал, где живет московский гость, но, потратив час на расспросы местных из «полтинника», вышел точно на цель, стремительно трезвея по пути от холода. «Цель» спала в жарко натопленной комнате гостиницы на правом боку лицом к стене.

Яства, наваленные на столе, сбили с толку обязательного в своих намерениях «афганца». Особенно его удивило и пришлось по вкусу редкое в этих местах шампанское. Чекист проснулся от чавканья и запаха стойкого перегара. Разомлевший и сыто икающий Толик запивал колбасу шампанским. Туго набитым ртом летчик просипел:

— Пошли!

Чекист помотал головой, вновь открыл глаза и, убедившись, что не спит, молниеносно выхватил из-под подушки пистолет Стечкина и засадил очередь в потолок. При этом он проорал:

— Ложись!

Толик послушался и бухнулся прямо на него, не выпуская из рук кружку с недопитым шампанским и кусок недоеденной колбасы.

Через минуту их растаскивали сослуживцы опера, повылетав на выстрелы из соседних комнат. Так бездарно рухнул гениальный план воздушной прогулки над Кабулом.

Днем результаты расследования положили на стол высокому руководству.

Внимательно изучив представленные материалы и побеседовав с подследственными предварительного расследования, оно вынесло решение: «Действия группы досмотра признать правильными».

ПРАЗДНИК СОВЕТСКОЙ АРМИИ

На «Скобу» Виктор с Толяном возвращались с увесистыми партийными и дисциплинарными взысканиями. Старенькая, но крепенькая «вертушка», слившись с алмазной россыпью звезд, старательно тарахтела в сторону экватора — на базу.

Увиденное за эти двое суток подтверждало банальную мысль: каждый гарнизон — отдельная страна со своей иерархией, распределением благ и обязанностей, любимчиками и изгоями, благородными рыцарями и трусливыми негодяями. Чем меньше и отдаленнее гарнизон от вершины армейской власти, тем проще люди, теплее души, ниже негодяйство. Чем ближе к высокому начальству это своеобразное микрогосударство, тем отчетливее замечаешь в сердцах под камуфляжкой безжалостность и цинизм.

С крутым провалом борта вниз исчезли разом и «философские» мысли. Руководитель полетов «Скобы» разрешил ноль-тридцать первому снижение и заход на посадку с курсом 380 градусов. Дома!

Увешанная праздничными красными флагами «Скоба» с высоты птичьего полета выглядела стареньким лоскутным одеялом. По случаю праздника 23 февраля сегодня был один, да и то недолгий полет до Бати Блаженко и обратно.

Батю поздравили, выпили, забрали кожаный мешок с отрезанной головой засыпавшегося местного агента и торопливо помчались на свое построение к девяти тридцати утра.

По дороге, длившейся семь минут полетного времени, рассматривали пуштунскую голову бедолаги-контрразведчика, передавая ее из рук в руки. Все сошлись на мнении, что сам виноват. «Он слишком много знал», — засовывая обратно в мешок «подарок» к празднику, сказал начальник штаба.

На записке, прилепленной ко лбу агента, по-русски коряво, но без ошибок было написано: «Ваш парень наказан аллахом». Позже ХАД через своих людей выяснил, что этого двадцатипятилетнего «чекиста» вычислили за

месяц до дня Советской Армии и решили рассчитаться с ним «подарочным вариантом». Голову подкинули на КПП русским, а тело привязали к ракете на трофейной установке «Град» и произвели пуск.

Получив поздравления и причитающиеся, кому полагалось, награды, личный состав гарнизона тем не менее расползаться не торопился.

— Что делать будем, Витек? — затягиваясь до белков сигаретой, спросил опирающийся на столетнюю английскую саблю-секиру Андрей.

— Через пять минут рекомендуют полежать в норах, — ответил Виктор.

Норами назывались личные щели-убежища, куда прятался народ при бомбардировках. На гарнизонной доске объявлений висел план праздничного дня:

1. Торжественное построение личного состава части	9:30 — 10:00
2. Обстрел гарнизона бандформированиями	10:15 — 13:00
3. Праздничный обед	13:00 — 14:00
4. Разгребание завалов после обстрела	14:00 — 15:30
5. Личное время	15:30 — 18:00

Из всех пунктов самым приятным был пятый, так как после суматошного дня предоставлялась возможность подрыхнуть.

До «норки» — личного окопчика каждого бойца — добежать не успели. Обычно не очень пунктуальные «духи» на сей раз начали обстрел минута в минуту. Разлетавшийся от взрывов песок моментально забил рот, глаза и уши. Все ползли куда поближе к укрытиям, передвигаясь по пядям между грохочущими вспышками. От взрывов и воя мин в воздухе висел монотонный неестественный звук.

Не став тратить время на розыск личной комфортной ямы, Виктор с Андреем на пару теперь вздрагивали в одноместном окопчике. «Духи» старались изо всех сил. На крохотный гарнизон они высыпали двухмесячный запас снарядов. Горело все, что могло гореть. Орали раненые; их тащили те, кто был поближе, в специально отрытый блиндаж.

В мгновение стало жарко, и в следующую секунду под грохот, рвавший перепонки, Виктора с другом засыпало значительной массой песка и снега. Задыхаясь и плюясь, извивающийся, как змея, Андрей руками разгребал заваленного Виктора. Метрах в тридцати от машины связи, вспыхнувшей газовым факелом от прямого попадания, испепелились четыре солдата. Мимо тащили еще одного — непонятно, живого или мертвого. При каждом взрыве раненого бросали на землю, как куль, и падали рядом. С вертолетной площадки уже долгое время слышался крик:

— А-а-а... Помогите!

Туда ползли минут пять. Под разваленным дымящимся вертолетом лежал молоденький солдат с наполовину срезанной, как лезвием, головой. Рядом, держа в руках грязные, как требуха, кишки, бил ногами об землю выгнувшийся в дугу старший лейтенант. Это был недавно прибывший техник вертолета.

— Засунь ему кишки обратно! — орал Андрей Виктору. — Засунь, а то наступим и оторвем. Бери за ноги, я — за руки.

До блиндажа старший лейтенант не дожил. У него закатились глаза и вместе с пурпурной пеной вывалился язык.

— Кладем здесь, потом заберем, — лежа голова к голове, приняли решение носильщики.

За спиной гудели в пламени и разлетались от рвавшегося топлива и снарядов два вертолета. Наконец, обстрел прекратился, но еще минут десять не верилось, что это — всё.

Постепенно откапывающиеся, выползающие из всех щелей черные комки грязи громко отплевывались, ругались, обтряхивая снег с песком, спрашивали:

— Игорек, ты жив? А Санька? Шурку никто не видел?..

Потери за сорок пять минут обстрела составили: девять убитых, пятнадцать «двухсотых», одиннадцать «трехсотых», сгорели два вертолета, один разрушен частично, уничтожено шесть машин пехоты. Контуженные — не в счет. Обед перенесли на два часа.

В ОЖИДАНИИ КОНЦА

Из Кабула, как отеческая ласка, на высоту две шестьсот стали все чаще доходить слухи о скором выводе наших войск из Афганистана. Мужики взялись с надеждой обсуждать весть в курилках, столовых, полетах, засадах. Весна несла твердую надежду на скорый конец войны.

После каждого привезенного из главного штаба слушка несколько дней не проводился разведоблет. Батины ребята не совали нос дальше блокпоста. Народ, не таясь, стерегся. Нет-нет, да по вечерам вокруг припрятанной фляжки со спиртом все смелее звучали голоса: «Что мы тут забыли?» После третьего тоста, стоя, с тоской задумывались о доме.

Нынешней ночью пришла очередь Виктора, как представителя руководящего состава части, обходить посты. Осмотр он начал заполночь. Рядом бесшумной тенью скользил начальник караула из пехоты. На небе ни звездочки, темень, хоть глаз выколи.

— Стой! Кто идет? — и офицеры тут же встали, как вкопанные. На войне шутки с часовыми плохи.

— Пароль! — часовой-узбек стоял очень далеко по ветру.

— Караганда, — негромко ответил Виктор и продолжил движение, уверенный, что часовой расслышал.

— Стой! Стрелять буду! Стой!— с явным испугом проверещал солдат.

— Стою! — разозлился начкар.

— Стреляю! — проорал часовой.

Виктор с начальником караула рухнули, как подкошенные, на двенадцать сантиметров ниже длиннющей дорожки из трассирующих пуль.

— Морду расхлещу идиоту, — шипя в снег, беспомощно ругался Виктор.

— Расхлещешь, когда магазин опустеет, — стервенел рядом начкар.

Через двадцать минут солдата на пинках донесли до караульного помещения.

Абсолютно нелетная вторые сутки погода больше все-

го радовала «Чайку». У Аркаши был день рождения. В столовой, по фронтовым меркам, столы ломились от изобилия. Местный, пока еще трезвый бомонд, ревниво делил глазами слабую половину. Все шло достаточно пристойно к на редкость спокойному завершению, когда Виктор определил, что отсутствует почему-то руководство спецназа.

Недолго поискав, он нашел Батю вместе с именинником в комнате боевой подготовки. Тишком исчезнувшая пара, вальяжно раскинувшись в креслах и положив ноги на стол, пуляла пеплом сигарет в угрюмого пленного «духа»:

— Мы тебе говорили, что если еще раз попадешься — голову оторвем? Говорили? — возбуждался виновник торжества. — Ты клялся аллахом, что мирный, что не ты наводил «духов» на наши блокпосты? Чего ты молчишь, шакалья твоя рожа?! Батя, что делать с ним будем? — голосом прокурора после минутной передышки обратился к командиру Аркаша.

Блаженко странно и многозначительно молчал. Виктора оба как будто не видели.

— «Душок», эта безделица приготовлена на твоей кухне? — Батя в звенящей тишине спокойно помахивал перед носом пленного бусами, сделанными из человеческих ушей. — Когда тебя брали, ты пытался их втоптать в землю. Не успел. Здесь шесть правых и одиннадцать левых ушей. Дорогого стоит это украшение...

В звенящей тишине был слышен двухсотударный гильотинный стук сердца пойманного, глаза его остановились и не мигали.

— Ставки у вас те же? За правое офицерское ухо — сто тысяч афганий, за левое солдатское — пятьдесят, да?!

У Аркаши змеились губы, по лицу носились нервные желваки. У пленного отвисла нижняя челюсть, изо рта сходила обильная густая слюна.

— Дневальный! Дежурного по части сюда. Забирай! — ткнул на «духа» сигаретой Аркаша.

Его вывели на деревянных ногах, руки свинцово висели плетьми.

— А-а, Витек, как отдых? — командиры, наконец, заметили пришедшего.

— Садись, брат, выпей с нами, — Батя пододвинул стул.

— Народ гуляет? — спросил Аркаша, ставя перед Виктором стакан. — Сейчас покурим и пойдем в столовую.

...Через полчаса постучался дежурный по части. Блаженко разрешил войти. Дежурный лейтенант стоял, переминаясь с ноги на ногу, не зная, как доложить.

— Ну, — подбодрил его Аркаша, — докладывай. Все свои.

— Товарищ, подполковник, «дух» ... повесился.

— Сам? — спокойно спросил Батя.

— Сам, товарищ подполковник.

— Ну, сам так сам, — не удивившийся Аркаша, вставая, затушил сигарету. — Пошли к нашим в столовую. Лейтенант, дневального сюда, пусть приберет на столе, — подмигнул он Виктору.

В столовой расслабившийся после добротного угощения коллектив, маслянее глазами, слушал очередного рассказчика, беспрестанно похохатывая в наиболее сильных местах.

Речь шла о дерзко завершившемся неудачном отдыхе в одном из многочисленных тайных ташкентских злачных мест. Ушлые местные шоутеневики, нутром чуя прибыль, немедленно организовали «хаты психологической разгрузки» с вечно похотливой сладостью Востока — сказочкой из «тысячи и одной ночи».

Слоняющихся в мучительном поиске развлечений отпускников «Чайки» с приклеившимся к ним летчиком из Баграма местные продавцы ночных бабочек вычислили сразу. Из медленно подкатившей «Волги» с трудом выпихнулся жирный узбек, напоминающий сказочного колобка. Сладко глядя по сторонам припухшими глазами-полосками, он, соблюдая субординацию, обратился к старшему из «афганцев»:

— Командир, что хочишь? Отдых с хорошими девочками, хочишь? Есть сладкий персик, да? Есть гранат, есть инжир...

Из магнитофона в машине слышались манящие восточные напевы сказочных гурий. Стрелки часов шустро отсчитывали последние часы отпуска. Хмельной мозг — самый глупый мозг. Быстро сошлись в цене.

Непривычные глазу роскошные апартаменты, журчащий фонтанчик в комнатном саду, скромные глазки пья-

няще виляющих бедрами юных гурий притупили бдительность орденоносцев. Побросав вещи в угол, фронтовики возлегли на подушках и, не слушая друг друга, стали вслух оценивать увиденное, при этом продолжая разглядывать все вокруг.

Постепенно все сильнее пьянея, они не заметили, как танцовщицы тихо исчезли. Первым заподозрил недоброе летчик, из последних сил приподняв килограммовые веки. На месте профессиональных гейш сидели, спокойно попивая чай, восемь громил. Пилот двумя резкими пинками привел друзей в чувство.

Спас их боевой опыт и умение концентрироваться в минуту опасности. Сомнений уже не оставалось — это засада. Убедившись, что офицеры в состоянии понимать происходящее, один из громил навел на них ствол и тихо, но внятно произнес:

— Рука на голова. Сидэть. Нэ двыгаца.

Очистив карманы горе-отпускников, старший бандит приказал военным по одному брать свои вещи и подносить их к нему для осмотра. В этом и была его ошибка. Далее все было, как на разведвыходах. Когда очередь дошла до баграмца, он спокойными и трезвыми движениями извлек из сумки не обнаруженный грабителями двадцатизарядный пистолет Стечкина, ткнул им в челюсть беспечного главаря и приказал всем его подручным лечь лицом в мозаику.

Деньги и ценности вернулись к своим прежним владельцам, тем же путем проследовали и сбережения налетчиков. Союзные «духи», туго связанные спина к спине, с перебитыми ребрами, с кляпами во рту, валялись в комнатном бассейне. Победители выпили на посошок и в воспитательных целях стеганули пару раз ремнями узбечек-соблазнительниц. Убыли они на аэродром с житейским уроком и прибылью.

УХОДИМ!

Вместе с наступившей весной пришел на «Скобу» и «Чайку» приказ о выводе. Из открытых настежь окон и дверей несколько дней и ночей пахло порохом Победы. Никто никуда не летал, ни в кого не стрелял, не чистил оружие, и вообще за намек о разведвылете была возможность получить серьезную контузию в мирных условиях.

Плакало только местное население Газни. Над дуканами висели траурные ленты. Больше такой халявы, как узаконенный советским правительством грабеж русского солдата, им не видеть никогда. В магазинчиках цены упали в десятки раз на все. Местные торговцы, не зная, что делать с горами товара, искренне затужили. Второй раз с 1913 года воспрянул духом инвалид-рубль, ибо чеки — своеобразную валюту афганской войны — никто не брал. Вокруг колючей проволоки по ту сторону минного поля стайками носились и галдели ребятишки:

— Чека не нада. Рубл давай!

Вернувшись с оперативного совещания, на котором обсуждалась одна тема — вывод, Виктор со странным чувством перебирал свои пожитки. Держа в руках увесистый, красивый, отделанный яшмой Коран, он то открывал, то закрывал его.

Этот Коран «духи» когда-то подбросили в местную школу. А вместе с ним и яркие игрушки-побрякушки, всевозможные сласти. Любопытная вездесущая малышня, расхватав невесть откуда взявшиеся подарки, начала их вскрывать. Коран отнесли директору школы. Когда он попытался его открыть, книга взорвалась. Никто не погиб, но многих покалечило. Конфетами отравилось полшколы.

Детей выхаживали русскими лекарствами. Почти весь госпиталь на «Чайке» был месяц занят школьниками. Врач Игорь откачал всех. После этого случая имя молодого доктора афганцы стали произносить с благоговением, воздевая при этом руки к небу.

Или вот «бур» — винтовка девятнадцатого века, висевшая над кроватью. Она была обнаружена в одном из

караванов, а к ней в придачу десяток патронов. Сила выстрела «бура» такова, что со ста шагов насквозь пробивает лобовую броню бэтээра. Собственно, это и все «ценные» вещи, которые Виктор привезет с войны на память.

Очень жестко спланированный график вывода наших войск давал неделю на сборы и — неделю на сдачу гарнизона в идеальном состоянии... «духам». Контролировать «Скобу» и «Чайку» прибыл генерал-майор из кабульского штаба. После получасового знакомства с Батей он, как бы между прочим, но настойчиво попросил продать без очереди японский магнитофон с двумя колонками — дефицит!

Маховик «вывода советских войск» стремительно, с воем и гиканьем, набирал обороты. Стало виднее то, на что не обращали внимания в боевой обстановке. Откуда-то повылазили воины-интернационалисты, сумевшие скопить немалые холмики добра и теперь обеспокоенные только тем, как эти накопления переправить в Союз.

Закончив загрузку на вертолеты штабного имущества — секретной документации, летных принадлежностей, Виктор с облегчением поплелся в свою келью. До вылета последнего вертолета, на который грузилась поисково-десантная группа, оставалось четыре часа.

По договоренности с «духами», в чьи руки переходило имущество еще вчерашнего противника, расставание должно было пройти не просто тихо, а прямо-таки в обстановке взаимной вежливости. Полевой командир, едва не братаясь, предлагал посильную помощь.

— В спину бы только не стреляли, — бурчал Виктор, торопясь за своим скарбом.

Оружие он оставил на борту, чтобы попусту его не таскать. На груди висел только «лифчик» с ножом.

— Гля-я-я, — протянул Андрей, — «духи»-то по комнатам шныряют.

Он не ошибся: около пятнадцати человек, действительно, шустро занимали освобождающиеся места.

— Так обещали же не лезть! — в сердцах вырвалось у Виктора, наблюдающего цену лживых душманских обещаний. Да, надо сказать, никто им особенно и не верил, поскольку обмануть «неверного» для правоверного мусульманина — дело доблести и чести. Вот и заключай с ними после этого всякие соглашения и договоры!

Убедившись, что все свое с собой, он чесанул к двери. От прямого и увесистого толчка чьей-то косматой головой в грудь Виктор завалился назад вместе с влетевшим. Силясь подняться, он столкнул с себя увешанного оружием грязного ... чалмоносца.

— Ты ... ты ... ты ... выйти хоть дай...

Но «дух», гогоча и не раздражаясь, задницей уже оценивал добротность лежака Виктора.

— Андрюха! Андрей! Дергаем, пока без нас не улетели.

Виктор уже с трудом продирался сквозь хлынувшую толпу мародеров. Победившая в перестроечном «честном бою» за «Скобу» банда, толкаясь и затевая то и дело стычки между собой, занимала базу, уже не обращая никакого внимания на бывших хозяев.

Груженая имуществом последняя пара вертолетов оторвалась от земли. На одном из бортов скрежетал зубами от злости и досады бравый генерал-майор, забывший в суматохе новый магнитофон. «Скоба» забрала с собой и части памятника павшим бойцам, не оставив его для надругательства. Гусеничный и колесный транспорт ушел своим ходом, пристроившись в хвост пылившего на Север гарнизона из Ложкаревки.

Не стал разбирать памятник на своей базе только Батя. Он его просто заминировал, и умно сделал. От бандитов, решивших поглумиться над ним, по докладу афганской контрразведки, осталось только сорок восемь пар калош. Дальновидный ты мужик, Батя Блаженко...

4 июня 1988 года. Последняя пара «вертушек» набирала высоту. Все прилепились лбами к иллюминаторам. Под ногами оставалась не то вечная жизнь, не то ее год. Все та же жирная луна, встретившая Виктора сто лет назад, холодно провожала его, не прощаясь. Щемящее сердце и не верило, и плакало. Добросовестная, надежная старушка-«восьмерка», не оглядываясь, ходко тарахтела на Север.

Домой!

Виктора вернули в воинскую часть по месту их прежней дислокации — неподалеку от Тбилиси. Новые жизненные испытания были связаны с ликвидацией последствий землетрясения в Спитаке, с национальными столкновениями между азербайджанцами и армянами в Киро-

вабаде. Там произошел погром, аналогичный беспорядкам в Сумгаите. Эти беспорядки были идентичны и по замыслу, и по сценарию, не было никаких сомнений, что они были кем-то сознательно, планомерно спровоцированы и организованы. Весной — 8 апреля 1989 года в Тбилиси произошли известные массовые демонстрации. Вновь русские солдаты и офицеры были привлечены для поддержания порядка. И опять провокация и гнусная клевета на Армию...

В августе девяностого года Виктор поступил в Военно-политическую академию в Москве. Первый год все шло хорошо — успешная учеба, занятия спортом. Виктор даже участвовал в международном марафоне, где занял третье место. Но в конце девяносто второго года стали сказываться последствия прошлых контузий и ранений. Однажды он потерял сознание прямо на занятиях. Это было в январе 1993 года. Виктора уложили в госпиталь имени Бурденко с фатальным диагнозом — рак левой височной доли мозга...

МАТЕРЬ БОЖИЯ, СПАСИ И СОХРАНИ!

**Живый в помощи Вышняго,
в крове Бога Небесного водворится.
Речет Господеви:
Заступник мой еси и Прибежище мое,
Бог мой, и уповаю на Него...**

В кабинете заведующего отделением нейрохирургии по-хозяйски расположилась гнетущая приговорная тишина. Доктор рассеянно курил, глядя в окно. За столом сидела застывшая жена Виктора.

– Значит, никаких шансов на положительный исход?

– Никаких. Практически никаких. Слишком тяжелое ранение. И очень поздно поставлен диагноз.

– Томографический анализ головного мозга подтвердил безнадежную ситуацию. Опухоль в виде гнойника, величиной с куриное яйцо находится в левой височной доле, – продолжал врач, – в самой жизненно важной части мозга. К тому же он имеет очень нестабильное состояние, и, видимо, в некоторых местах гной начал просачиваться в мозговую оболочку. Будьте мужественны. К сожалению, уже ничего сделать нельзя.

Доктор, продолжая курить, говорил ровным спокойным голосом. Очень спокойно, привычно, профессионально.

– Операцию мы все равно делать будем. Это наш врачебный долг. Но должен вас предупредить: в лучшем случае Виктор, если выживет после операции, в нормальное сознание уже не вернется, в худшем – проживет два-три месяца.

**...Яко Той избавит тя от сети ловчи,
и от словесе мятежна, плещма Своима
осенит тя, и под криле Его надеешися...**

– Распишитесь вот здесь о согласии на операцию. Ее проведем через три дня, двадцать седьмого апреля.

Виктор вторую неделю не приходил в сознание.

– Фу!.. Еле привязали, ну, и силища у него! Ничего не соображает, без сознания, а сопротивляется, как будто все понимает.

Санитар дул на ушибленную ладонь. Жена Виктора поправила постель, присела, гладя холодный лоб с бусинками пота.

— А ночью, как он? — спросила жена у медсестры.

— Этой относительно спокойно, а прошлой, когда вы ушли, до утра в атаку ходил. Все какого-то Аркашу звал. И Батю. Зубами скрипел, пытался под кровать залезть, потом по стене кулаком стучал, все кричал: «В голову его бей, в голову!»

— Да, он и дома также часто воевал перед поступлением в госпиталь.

— Его нельзя оставлять одного, — сказала медсестра, — прошу вас.

Она окинула палату взглядом, поправила графин, постояла еще с минуту и, не зная, чем утешить женщину, вышла, тихо прикрыв дверь за собой.

...Оружием обыдет тя истина Его.
Не убоишься от страха нощнаго,
От стрелы летящия во дни, от вещи
во тме преходящия, от сряща
и беса полуденного...

Порой Виктор смотрел на жену и дочку, словно узнавал. Успокаивался от родной теплой ладошки. Маленькая Лерка жалостью своего сердечка старалась лечить папу, стремясь влить в него, беспомощного и казавшегося глухонемым, крохотную частицу своей детской жизненной силы.

Ведь папа как будто говорил с ней. При этом взгляд прищуренных глаз становился странным и осмысленным, словно он различал вдали, поверх обступивших его темных вестников смерти, иных — светоносных — посланцев, дарующих силу бороться и спасительную надежду. Они словно приближались к умирающему от фронтовых ран офицеру-афганцу и шептали: «Крепись, терпи, мы рядом. Твои родные молят за тебя».

...Падет от страны твоея тысяща,
и тма одесную тебе, к тебе же
не приближится, обаче очима твоима
смотриши, и воздаяние грешников узриши...

В понедельник, в неоперационный день, двадцать шестого апреля, на сутки раньше намеченного, в семь часов утра хирург Борис Викторович, постояв в глубоком раздумье у кровати Виктора несколько минут, дал команду: «На стол!»

И началась битва жизни с тьмой, проверка терпения и веры во всемогущество Той Силы, которая сильнее смерти.

Шел четвертый час операции. Под ярким синим светом, окруженный ассистентами и помощниками Борис Викторович вместе со своей «правой рукой» Шамилем смотрел в микроскоп и привычно манипулировал инструментами. Было душновато, пот заливал даже крупные очки хирурга, и он жестами все чаще просил промокать ему лоб.

Виктор спал. Кожа его скальпированной головы была отведена назад, на затылок. Отрезанный квадрат левой части лица с ухом пришиты нитками к подбородку, язык булавкой закреплен к губе.

> **...Яко Ты, Господи, упование мое,**
> **Вышняго положил еси прибежище твое.**
> **Не приидет к тебе зло, и рана не**
> **приближится телеси твоему, яко Ангелам**
> **своим заповесть о тебе, сохранити тя**
> **во всех путех твоих...**

Жена четвертый час беспрестанно молилась, снова и снова перечитывая псалом девяностый — «Живый в помощи...» Это был конец. Больше просить и идти было не к кому. Читала машинально, без конца. Исчез уличный шум, все казалось пустым, глупым и ненужным. Закрывшись в соседней комнате, сидя в уголочке и держа в руках иконочку, что-то лепетала, по-взрослому глядя на Матерь Божию, дочь.

— Не может быть! Ну-ка, подсветите побольше, — Борис Викторович не верил своим глазам. — Шамиль, ты видишь?

— Да, Борис Викторович. Может, нам мерещится?

— Дайте же больше света и промокните лоб.

Помощники засуетились, хирурги еще и еще раз впивались глазами в мозг пациента: он был чист, гноя не было.

По полученным с помощью самой современной медицинской техники данным гнойник должен был уже лопнуть, залив содержимым мозг. Но, сделав трепанацию че-

репа, хирурги столкнулись с чудом: зыбкая капсула гнойника, величиной с куриное яйцо, прилепившаяся к серому полушарию, была цела.

— Шамиль, подведи под него тампон. Осторожно... Я достаю...

Врач медленно, как сапер, вынимал опасный шарик.

— Все! Вынули!

... И в этот момент уже неопасный гнойник зло лопнул, и, растекаясь по перчаткам врача, густая, зеленовато-желтая жидкость закапала на пол.

— Успели. Невероятно, но факт. Такого я еще не видел за всю свою тридцатилетнюю практику, — говорил возбужденно Борис Викторович. Оживились и все остальные.

— Этот парень родился в рубашке. Ведь он практически был обречен.

**...На руках возмут тя, да не когда
преткнеши о камень ногу твою,
на аспида и василиска наступиши,
и попереши льва и змия...**

Нейрохирурги уступили на несколько часов место «лорам». Те, прочистив все слуховые каналы, утвердительно показали: голову можно зашивать. Через восемь часов Виктора выкатили из операционной. Борис Викторович, устало разгибаясь, протянул руки медсестре, чтобы та сняла перчатки.

— И все-таки, Шамиль, это мистика какая-то...

— Борис Викторович, а почему мы оперировали сегодня? Ведь запланирован он был на завтра. Тем более по всем показателям уже было все равно когда.

— Мне трудно объяснить, — доктор сделал первый глоток чая. — Что-то меня толкнуло на такое решение. Прямо у него в палате в семь утра. Сделай мы эту операцию на час позже, больного бы уже никто не спас. Да, невероятно...

К пяти часам дня у жены Виктора не осталось ни сил, ни эмоций, чтобы позвонить в госпиталь и узнать о результате операции. Она попросила сделать это друга Виктора:

— Коля, позвони ты. Узнай, я не могу, — она привалилась к стене.

— Операция Николаеву? — голос медсестры привычно и спокойно ответил. — Да, закончилась. Еще час назад. Благополучно. Больной в реанимации. Пришел в сознание.

> ...Яко на Мя упова, и избавлю и:
> покрыю и, яко позна имя Мое.
> Воззовет ко Мне, и услышу его:
> с ним есмь в скорби; изму его,
> и прославлю его, долготою дней исполню его,
> **И ЯВЛЮ ЕМУ СПАСЕНИЕ МОЕ.**

— Борис Викторович, срочно! Вас из реанимации к телефону. Там что-то с Николаевым.

Немолодой доктор, тяжело дыша, через пять минут был на два этажа выше у прооперированного больного. В реанимационном отделении персонала набилось больше, чем необходимо. Все смотрели на Виктора. Он, стоя на жесткой послеоперационной постели, весь в трубках, легонько раскачиваясь, вполне осмысленно выкрикивал:

— Слава нашим докторам! Слава всем! Да здравствует наша медицина!

Самое невероятное заключалось в том, что это не был бред. Борис Викторович уже начал привыкать к необычным событиям сегодняшнего дня.

— Что делать, доктор? — спросила медсестра.

— Что, что... Вы же видите — он живой, вас хвалит. Дайте ему двойную дозу снотворного, а то он до утра митинговать будет.

На десятый день Виктор из послеоперационной палаты был переведен в общую.

— Будем считать, что самое страшное позади. Но ему надо начинать учиться жить чуть ли не заново, — заведующий отделением, обращаясь к жене Виктора, привычно курил, стоя у окна. Было ощущение, что они не отлучались из кабинета.

— Начинать учиться ходить, писать, читать и многое другое. Встанет Виктор, я думаю, через полгода, не ранее.

На четырнадцатые сутки в коридоре раздался грохот. Виктор лежал на полу, улыбаясь и пялясь в лица подскочившим врачам, что-то невнятно бормоча, как новорожденный.

— Он мычит, что встал и радуется. Ох, ты, горе мое, — медсестра ругала Виктора, — я же говорила, чтобы ты не смел даже шевелиться без меня.

После того, как любящие жена и дочь забрали Виктора домой, его испытания продолжались. Господь неоднократно взывал его к покаянию. Прозрение и обретение смысла жизни давались мучительно трудно.

По лицу бежал ручьями холодный пот. Виктор, стоя на коленях, в чем-то оправдывался непонятно перед кем. Речь была вразумительной.

— Мама, мама, у папы опять приступ! — вскричала дочь.

Но это был не очередной приступ эпилепсии, возникшей после операции. У стоящего на коленях Виктора все — жесты, мимика — были нормальными. Сжавшись в страхе, как перед кем-то Всемогущим, находящимся свыше, он просил снисхождения, с благоговением обещая выполнить все так, как ему было сказано...

Его не сразу привели в чувство. Виктор сидел на полу, привалившись к стене в полном физическом изнеможении. Узнав жену, начал успокаиваться.

— Их было двенадцать, — наконец выговорил он. — Румяные, умные, все знающие обо мне. Очень добрые и строгие. Говорил один, что сидел в середине. На фоне какого-то голубого и белого пышного окружения. Они высказали мне укоризну: «Доколе мы будем молиться за тебя? Доколе ты будешь в лености и вялости к своей жизни?»

— В храм! Завтра же. К батюшке Сергию. К Иоанну Предтече — Крестителю Господню. Я знаю, там лечат эту болезнь, — жена была по-хорошему возбуждена.

Все засобирались. Назавтра, опоздав с выездом и перенеся его на сутки, повторилось то же оправдательное стояние на коленях. И снова Виктор дал обещание...

О, отче Сергие! Отче Иоанне! Семья три дня находилась у них, просила о помощи, исповедалась, причастилась. Стало значительно легче. Приступы эпилепсии стали беглыми и скоротечными. Теперь — в Гефсиманский скит к старцу В... Батюшка помогает просящим по их искренности и вере. Долгой дорогой Виктор вспоминал кабульский госпиталь, умирающего воина, у которого война

спалила всю кожу, но не выжгла веру. Икона и крест на больничной тумбочке в этих воспоминаниях Виктора обретали значение алтаря, Престола Божьего.

...Чинно шло соборование. При втором подходе священника с освященным елеем Виктора замутило, и он вновь как бы исчез из мира. От его плеч вниз исходила наклонная блестящая доска, исчезающая в огнедышащей бездне. По ней сползал огромный жирный лоснящийся белый бес. В его мятущихся зрачках носилось полное непонимание, как это его сгоняют с такого уютного, казалось, вечного, теплого места.

Батюшка отошел к другим соборующимся. Виктор пришел в себя. На миг было такое ощущение, будто тело не имело веса, можно было поджать ноги и висеть. Блаженство ребенка на руках отца.

Батюшка с елеем приближался по новому разу, тело вновь наливалось свинцом. При помазании все повторилось. По доске сползали в огонь уже несколько столь же упитанных мерзостей. И так пять раз. Во время седьмого помазания Виктор стал легок. В таком состоянии — вновь рожденного — он вышел из храма.

Рождество. Крещенские морозы. Снежные холмики звонкого морозного января. Святое торжество Руси в Храме Господнем. Святили воду. Отец Роман, крестообразно проведя над чашей крестом, произнес: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!»

Виктор следил за каждым движением пожилого священника. Нет, это не казалось. Явственно виделось, что рука батюшки повторяла движения Той Силы, Которая святила воду. Именно батюшкины движения были повтором, а не то, что виделось свыше.

Несколько дней Виктор убеждал себя, что это ему пригрезилось: в его состоянии, с его болезнью возможно все. Лукавый способен на такие ухищрения, которые порой кажутся немыслимыми. От этих размышлений и волнений опять начались долгие и тяжелые приступы эпилепсии.

Во время одного из них он отчетливо произнес: «Семь дней, семь недель, семь лет...» А через семь дней, в семь часов утра, находясь почти в состоянии сна, Виктор попросил ручку и бумагу. Получив то, что просил, начал писать духовные стихи. Он никогда в своей жизни не пи-

сал стихов вообще. Через какое-то время он отвез их в Сергиев Посад к священнику.

По дороге неожиданно для себя просчитал время, прошедшее с памятного события о трех цифрах семь: он ехал к отцу В. ровно через семь недель, за день до празднования Торжества Православия. Батюшка прочитал написанное Виктором, предостерег от возможных лукавых козней и произнес:

– Пиши!

Поначалу были стихи и краткие заметки, вроде этих:

У Родника Преподобного Сергия

Ночка лунная. Купола искорка.
Божий Крест и молитвы родник.
Медный колокол, гулом пропитанный,
В душу ласковый Сергий проник.
Не кручинься головушкой буйною,
Разверни свои плечи, встряхнись.
Затепли свечку тонкую, хрупкую,
И с любовью мощам поклонись.
Э-эх! Налиться бы удалью юности.
В ранней дымке парок у реки.
В дом калитка тихонечко скрипнула.
Пылкой юностью все нам с руки.
Повзрослел, седина серебрится.
Мудрость сердца. Степенство судьи.
А когда удаль вновь заискрится,
Буйный всплеск в роднике остуди.
Ночка лунная. Купола искорка.
У Креста молчаливо стою:
То из детства мне слышится присказка,
А я кротко грехи замолю.

Богатая

Латаное пальтишко. Натруженные руки. Долгая жизнь на лице. Дома – стареющая больная дочь. «Слава Тебе, Господи! Дошла!» Горсточка дешевых свечей. Молитвенное беззвучие губ у иконы. Сильная рука вернула в мирскую суету. «Бабушка, возьми от меня». «Что ты, миленький! У меня много. Не надо. Небось, семья

есть?» «Все есть, милая. Возьми». «А зовут-то как?» Исчез. «Благодарю Тебя, Господи, за милость Твою. Возьми на помощь храму. Я — богатая».

Ответственность

По дороге в храм на исповедь дочь вдруг остановилась. Начала рыться в кармашках, перебирать листочки, что-то бормотать с досадой.

— Доченька, что произошло?

— Возвращаться придется.

— Почему?

— Грехи дома забыла!

Мамина гордость

Качающаяся электричка. Перестук колес. Линия огня за окном. Вечер на лицах пассажиров. Душно. Усталость. Мысли о своем. Умиление мамы зачитавшимся малышом. Широко открытые глазенки мальчонки, исчезнувшие в неизвестном. В брызгах сладостности за дитя растеклась родительская гордость:

— Читай, милый, мудрости-то сколько.

А надо ли ему это знать?

«Мать задушила новорожденного целлофаном».

— Расти, малыш, читай «свободную» прессу...

Своя гордость

Жил один гордый человек. Гордился собою и с гордостью умер. Когда его в аду за грехи на жестоком огне варили бесы, то он гордился тем, что сидит в котле один.

Новый фашист

Оживленная столичная трасса. Вдоль нее плотные ряды припаркованных машин. Пожилой водитель «Москвича», зажатого между «шестисотым» «Мерседесом» и «Тойотой», весь в бусинках пота от отчаяния пытается вызволить свою машину, не повредив соседних. Рядом с «мерсом» стоит весьма солидный мужчина, покуривая, наблюдает за действиями загнанного в ловушку пенсионера.

— Уважаемый... Это ваша машина?.. — затравленно спрашивает старик, надеясь на шоферскую солидарность. Солидный, небрежно сбив пепел с дорогой сигары, безответно затянулся.

Отмиллимитровав с невероятным напряжением между дорогими машинами свой «Москвич» старик увидел: представительный мужчина снисходительно усмехнулся, вальяжно обошел «Мерседес», неторопливо сел за руль и рванул с места так, как это только может двигатель в несколько сот лошадиных сил, — от заплакавшего впервые за десятки лет фронтовика.

На таможне

— У вас есть с собой оружие?
— Да.
— Какое?
— Крест.

* * *

Потом в блокнотных заметках стали складываться эпизоды и главы воспоминаний об Афгане, о боевых товарищах и врагах. Мучительно и трудно рождалась книга...

В храме Казанской Божией Матери Виктор неоднократно подходил к иконе святого Иоанна Богослова. Свиток и перо, которые держал евангелист, прямо указывали: вот у кого надо искать заступничества в разрешении трудного вопроса — быть книге или не быть. Виктор от сердца просил:

— Отче Иоанне, помоги мне, грешному, издать книгу.

А вскоре раздался телефонный звонок из Барнаула.

— Раб Божий Виктор? Говорит игумен Алексий. Я прочитал твою рукопись. Ее надо обязательно издавать. Есть люди, такие же, как ты, ветераны, готовые помочь.

— Батюшка, а вы в какой церкви служите? — спросил Виктор.

— Аз многогрешный настоятель храма святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

О Святый Отче Иоанне Богослове, моли Бога о нас!

* * *

Теплый августовский сумрак бережно окутывал Коломенский парк. Богомольцы шли восвояси, неся в душах радость завершившегося поста и наступившего праздника.

Радость Успения, преодолевающая саму смерть, светилась в сердце Виктора светом Жизни Вечной. У ворот он еще раз обернулся на храм, чинно перекрестился и благодарно поклонился Богу. «Завтра утром опять на службу», — умиротворено отметил он и тихо, задумчиво побрел к метро.

Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи, Человеколюбче. Помяни, Господи, и нас, смиренных и грешных и недостойных раб Твоих, и просвети наш ум светом разума Твоего, и настави нас на стезю заповедей Твоих молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии и всех Твоих святых: яко благословен еси во веки веков. Аминь.

Август 1999 года от Р.Х.

Псалом 90-й,

читаемый православными христианами во время бедствия и при нападении врагов

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится.

Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него.

Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его.

Не убоишися от страха нощнаго, от стрелы летящия во дни, от вещи во тме преходящия, от сряща и беса полуденнаго.

Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится: обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши.

Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое.

Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему. Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих.

На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия.

Яко на Мя упова, и избавлю и; покрыю и, яко позна имя Мое.

Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его; долготою дний исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Священнику
Александру Короленкову
посвящается

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«А ПОМНИШЬ, МАЙОР...»

«ГАДОВА ДОРОГА»

Гюрза свернулась толстым тугим кольцом под аэродромной плитой, и, затаившись таким образом от пятидесятиградусного палящего солнца, не то дремала, не то следила за стоящими рядом людьми. Они рассматривали ее и о чем-то говорили между собой вполголоса. Несмотря на то, что эти двое военных стояли от нее не далее трех метров, она была непроницаемо спокойна. Змея привыкла к таким визитам, а порой и встречам, когда ей на привычном пути за добычей и на водопой попадались люди. Они, как ни странно, больше с уважением, чем с опаской, отскакивали в сторону при виде ее от тропы, ведущей к искусственному водоему, которую гарнизонный люд так и прозвал: гадова дорога. Вначале, когда змею только обнаружили, к ней старались подойти как можно ближе, чтобы наблюдать самое интересное — пик ее поведения в момент взлета самолета, стартовый разгон которого начинался почти над облюбованной ею плитой. Бешено ревущий форсаж двух двигателей Миг-25 в сочетании с полностью отсутствующей на это реакции как будто омертвевшего в эти мгновения гада уводили людей в парализующую, глубинную, непостижимо чарующую с ней зависимость.

Виктор сам нередко был свидетелем этого необъяснимого тайнодействия, созерцая, что в змее в эти мгновения, как ни в какие другие минуты ее существования, обреталась сверхсила жизни — ее глаза, широко раздвинутые, излучали неземной, звездный свет. Никто не мог определить, сколько ей лет. Специалистов-змееловов в гарнизоне не было, но было точно известно, когда она здесь обосновалась. Тогда горели армянские дома в расположенной неподалеку деревне, а в воздухе повис нечистый запах и дурное предзнаменование. После этого мудрое существо, видимо, жившее доселе где-то поблизости, тысячелетним наитием определило, что самое безопасное для нее место — здесь, под плитами взлетно-посадочной полосы русского военного аэродрома, находящегося недалеко от азербайджанского городка. Сейчас она мирно дремала,

свернувшись кольцами, не подавая видимых признаков жизни. Довольно крупная, треугольного вида голова была почти спрятана. Можно было разглядеть только мерцающий микроскопический прищур глаз и нервное частое подергивание кончика хвоста оттого, что пять или шесть пятнадцатисантиметровых малышей докучали матери, вредничая в игре с ее шевелящимся кончиком. Дети есть дети. Гюрза, не мигая и не шевелясь, следила за Виктором и его другом. Чутье подсказывало ей — ни ее, ни детей они не тронут. Наконец, «ниточки-недельки» так разошлись, что мать в сердцах треснула их хвостом, как метлой, от чего те клубочками закатились в щель плиты.

После этого гюрза, еще более сократившись, сложилась в кольцо и закрыла глаза.

— Не будем бабе мешать, дадим ей отдохнуть от всех. Пошли.

Люди, тихо ступая, исчезли.

Виктор нередко приходил сюда посмотреть на это небезопасное существо, но ни разу не мог объяснить себе, почему после нескольких минут визита он успокаивался от нервной суеты человеческого дня. Сегодня он был взвинчен, как никогда.

ГАРНИЗОННОЕ СОБРАНИЕ

У него, ответственного офицера по гарнизону, в тот предпраздничный авиационный августовский день оставалось еще несколько часов, чтобы подготовить обстоятельный доклад вышестоящему политотделу армии о выполнении его директивы. Уже сутки он нервничал по поводу требования «сверху», не имеющего ни на первый, ни на пятый взгляд никакой логики. По их велению, с сего дня в гарнизонах на видном месте должен был висеть плакат с тремя разделами, звучащими так: «Они перестроились», «Они на пути к перестройке», «Они не перестраиваются»...

Проведя не один час в курилке с народом, три месяца назад вышедшем вместе с ним из Афгана, Виктор отчаянно просил литературной, философской и любой другой помощи для выполнения, мягко говоря, необычного кремлевского указания. Народ, слушая его и говоря совершенно о другом, откровенно попросил:

– Слушай, отстань, а, по-хорошему...

Виктор попытался сам вставить в эти три столбца соответствующие фамилии, исходя из личных наблюдений. В итоге получалось, что любой офицер части имел полное право разместиться сразу в трех вертикалях. Потому как при ближайшем рассмотрении служебной характеристики каждого из однополчан, те сполна отвечали любому из трех пунктов. Не получив вразумительного объяснения и от программы «Время», несмотря на то, что в отношении данного бурного государственного процесса не жалели сотен цветастых слов, он пошел к начальнику штаба, как к конечной инстанции – честно признаваться в своем непрофессионализме.

У входа в штаб угрюмо терлась о перила тощим мосластым задом однорогая корова с прозаической кличкой Зорька. Ее вымя, величиной с грудь манекенщицы, соответствовало ее оскотиненной судьбе. Корова находилась на пенсионном котловом довольствии у прикухонного хозяйства части по причине большой выслуги лет и полного отсутствия всякой выгоды от нее. Зорька была жива только благодаря прошлым заслугам – небывалой плодовитости в молодости.

— Разрешите, тов. полковник?

Капитан Николаев, стоя в дверях, прокручивал в голове суть вопроса. Начав с того, что в гарнизоне на этот час без происшествий, Виктор доложил, за чем пришел. Он не надеялся получить исчерпывающий ответ у этого немолодого офицера, бывшего летчика, которому оставалось дотянуть всего год до необходимых тридцати лет выслуги, и уже два года как нелетавшего. Это был уставший и порядком изношенный человек. За все тридцать лет служебных скитаний по Союзу он был «то со щитом, то на щите». Порой его из поощрения допускали к подарочным крохам продовольствия или к «тринадцатой зарплате», как к жирному кусочку, те, кого он для их личного и спокойного обогащения нередко закрывал своим телом. У него не было ни конечной прописки, ни даже личной плохонькой квартиры, а порой и куска в желудке. Его то пробовали на зуб, то гнули через колено. Однажды молодой лощеный полковник из Москвы не без ехидцы спросил его:

— Ну, вы хоть что-то имеете от своей должности для себя?

Тот, внезапно окрепнув и помолодев от такого хамства, стальным голосом ответил:

— Имею! Семью и честь!

В гарнизоне его без злобы и насмешки за глаза называли Владимир Иваныч Ленин. По случаю сверхкурьеза, который произошел с этим абсолютно всегда с винным запахом начальником штаба. Однажды, построив полк на плацу, у памятника вождю, он в такой же предпраздничный августовский день Военно-Воздушных Сил, будучи в своем естественном состоянии, высмотрев в шеренгах полка несколько себе подобных, не слишком трезвых офицеров, начальственно рявкнул:

— Равняйсь! Смирно!

Развернулся к подходящему командиру полка буряту Бимбе Батмаевичу сразу обеими ногами и начал для повышения самоавторитета словесно воспитывать народ:

— В такой день! Славный для авиации... Как вам не стыдно! Взять и нахл... и наж... употребить... Как вам стоять тут совесть позволяет?!

И, показывая рукой на большой бюст Ленина, завершил:

— На вас ведь Владимир Иваныч смотрит!

Очумелые вороны около часа, пытаясь перегалдеть друг друга, висели в воздухе, таращa глаза с высоты своего полета на неумолкавших от хохота людей.

Сегодняшнее, очень нужное и от того тревожное общее собрание личного состава всех частей, а их было пять в гарнизоне, перенесли с десяти часов утра на шестнадцать. О причине такого изменения руководство не сообщило, но собравшиеся в назначенные ранее десять часов офицерские жены с ребятишками будоражным полушепотом-гвалтом и частыми то тут, то там раздававшимися шлепками для вразумления неугомонного потомства делали общую атмосферу предгрозовой. Семьи десантников, летчиков, вертолетчиков, артиллеристов и связистов, проживающие в гарнизонных халупах-хрущевках, расположившихся для выполнения своих государственных служебных обязанностей на левом плече Нагорно-Карабахской АО (если держать голову строго на Россию), уже все равно знали причину срыва жизненно важного собрания в офицерском клубе десантного полка.

Этой ночью из гарнизона исчезли пять прапорщиков-азербайджанцев. По двое от связистов и артиллеристов и один — от вертолетчиков. Прапорщика, сбежавшего из своей части, Виктор знал хорошо. Восемь месяцев назад этот внешне смышленый молодой человек поступил к ним в часть после окончания полугодичной школы прапорщиков в Московском военном округе. Щупленький, неказистый, с нервно прыгающими глазами на любой стук и даже громкое слово, он вызывал свойственную любой русской душе жалость и желание помочь. Ему, прапорщику Алиеву, оказали всевозможную житейскую помощь и профессиональную поддержку. В его семье под стать ему были жена и трое ребятишек, мал-мала меньше.

У личного состава эскадрильи плескалось сердечное желание сказать ему: «Мой дом — твой дом». Вновь прибывший в ответ был искренне очень благодарен этим заслуженным вертолетчикам-афганцам буквально за все. Чуть позже приказом командира части Алиева поставили на должность начальника трех продскладов.

Отдан этот приказ был от армейского простодушия, исходящего еще и из того, что Али Алиев — местный. А

значит, вопрос обеспечения личного состава продуктами с земли будет практически решен. Алик оказался более чем предприимчивым армейским продовольственником. Через две недели вертолетчики с семьями, рядовой и сержантский состав стали потихоньку наедаться. Это прогрессирующее благополучие в столовых было своеобразным негласным курсовым экзаменом его профессионализма. А почти четыре месяца спустя прапорщик подкатил на новой шестерке черного цвета прямо на штатное построение всей части в понедельник утром. Тишина, повисшая в воздухе между командами «равняйсь» и «смирно», была пропитана мужским кряканьем и чем-то таким в смысле: «Ничего себе!».

Начальник продслужбы, капитан Гаспарян, державший под мышкой оставшийся полугодичный срок дослуживания, демонстративно, но откровенно озадаченно развел руками:

— У ревизии с округа претензий нет...

Армейская сверхдобрая душа, вернее, души, потрепавшись на эту тему с неделю, вскоре забыли о промелькнувшей новости. Об этом вспомнили сегодня утром, так как в числе исчезнувших оказался и Алиев. Вместе с женой и мал-мала меньшими! Находящаяся недалеко от КПП квартира в виде финского домика, выделенная ему от войсковой части и обихоженная за счет «вида один» (материальной помощи), была ... пуста. Не было даже лампочек и розеток. Но главным потрясением, заставившим сжаться сердца военнослужащих, стало прилетевшее час спустя сообщение: «В селении Чардахлы дотла сгорел дом-музей маршала Баграмяна». Чардахлы была родная маршальская деревня, расположенная уже на территории АО, в двенадцати километрах от гарнизона, в горах, которые поднимались почти от ВПП. Виктор знал этот музей по двум естественным для любого офицера визитам из-за трепетного уважения к полководцу, у которого на войне было твердое бескомпромиссное требование: если в роте менее пятидесяти процентов русских солдат — роту в наступление не посылать.

Работавшая там немолодая, худенькая, необычайно интеллигентная армянка Каринэ, неизбалованная заездами, от всей души поведала обо всем, что знала о маршале, включая информацию о его родословной до шестого колена. Виктор покинул тогда этот хлебосольный домик с пол-

ным желудком толмы, слегка пьяный и уверенный, что хозяйка, как минимум,— правнучка маршала Баграмяна и доктор исторических наук. С женской сердечностью она негромким голосом, с долгими паузами, как бы не решаясь открыться, рассказала Виктору, что он служит на очень непростом месте, почти святой земле:

— Здесь по сию пору лежит очень много твоих однополчан. Я имею право так говорить.

Каринэ, замолчав, рассматривала блюдце.

— Сотни русских солдат утрамбованы здесь в братских могилах. Там до сего дня лежат твои братья, ограбленные и изуродованные.

Это случилось с 9 по 12 января 1918 года на перегоне станций Шамхор—Далляр Закавказской железной дороги.

Тогда до тысячи вооруженных закавказских татар, засевших в окопах по обе стороны железной дороги, расстреляли находившихся в вагонах солдат. В те дни под Шамхорским мостом было пять потерпевших крушение составов: три воинских, один пассажирский и еще один, превратившийся в груду искореженного металла. Кругом трупы солдат-красногвардейцев, некоторые из них обуглились. Дальше, в ущелье речки, еще не одна сотня тел русских воинов. Все погибшие были изуродованы до неузнаваемости. У моих стариков, которые видели все это, волосы становились дыбом. Это был и есть до сих пор нераскрытый Шамхорский «Бабий Яр».

Виктор молчал. Молчала Каринэ. Чай остыл.

— А...а можно я спрошу тебя...

И Виктора, едва начавшего рассказывать, женщина с ожесточением в голосе перебила:

— Да! Правда! Было. Неподалеку от меня.

Сосед Каринэ, имевший богатый дом и трех жен, был фанатичным любителем игры в нарды. Однажды в чайхане, где он просидел большую часть своей жизни, им был проигран дом.

Он долго катался у ног старейшины своего клана, воя просил помощи и прощения. Его простили. Откупом хохочущим партнерам была третья жена, русская. Через два дня ее привезли ему обратно. Это была пугающая дурочка. Кривляясь и похохатывая, она хватала мужчин за руки, подтаскивала к себе, делая при этом своеобразные

бесстыдные жесты. Другие его жены с изменившимися, потемневшими лицами в полном отупении смотрели на мужа. День спустя ту женщину больше уже никто и никогда не видел. А через несколько месяцев мужа обнаружили в подвале. Он, прищелкивая зубами, с горящими глазами, с клекотом выкрикивая «гы-гы-гы», сгребал и засовывал себе в штаны, в рот и тут же выплевывал кучу денег. Некоторые туго перевязанные пачки давно прокисли. Это была страшноватая, для того времени ничем и никем необъяснимая метаморфоза. Много лет спустя Виктор понял, что каждый грех обладает и внешностью, и запахом. Если он является к человеку в своем истинном обличье, то увидевший его может враз сойти с ума, за деяния свои, а если грех придет к совершившему мерзость в виде запаха, то он мгновенно задохнется от смрада. Тогда была именно та минута...

Сегодня, за час до совещания, офицеры, уже начавшие небольшими клумбами топтаться у входа в клуб и гудевшие вполголоса, пока не получали команду на вход. Все ожидали прибытия группы десантников из селения Чардахлы. Людей тревожила и судьба Каринэ. Здесь же стоял в круге с начальником гарнизона и командирами частей местный начальник особого отдела, внешне не напакостивший никому, всегда задумчивый и доброжелательный молодой майор. Виктор со своим командиром доложили ему о побеге Алиева в первый же час, с оказавшимися тут же и для того же остальными командирами частей. Чекист внимательно выслушал всех в своем кабинете. Предварительно, до разрешения «войдите», он перевернул все лежавшие на столе бумаги текстом вниз и наглухо закрыл сейф. Провожая офицеров, не вставая, он всех поблагодарил за информацию и сказал: «Разберемся». Больше из профессиональной воспитанности, чем исходя из реальной возможности. Хотя по его лицу было видно, что дело это пугающе глухое.

По дороге в офицерский клуб у Виктора невольно всплыло в памяти не соответствующее должности майора-чекиста выражение лица. Не то не к месту, не то невпопад мелькнули слова той песни: «До свиданья, Афган, этот призрачный мир...». Еще тогда он как бы случайно подумал: «А почему не прощай?».

В воздухе тревожно потянуло закордонным запахом.

– Товарищи офицеры! Смирно! Товарищ полковник!.. В до предела набитом офицерском клубе десантного полка стояла звенящая тишина. Еще никогда народ в мирной жизни не был так дисциплинирован и подтянут. Мужские лица были по-предбоевому замкнуты. Женские же выглядели сверхматеринскими. Дети забились в щелки между родителями и мышками постреливали глазенками во все стороны. На трибуне легендарного Краснознаменного, известного во всей России, десантного полка стоял столь же легендарный его командир. Если бы во всех Вооруженных Силах России звезды героев давали по истинным заслугам, то арбатские вооруженные силы разом ошеломляюще оскудели бы. А погоны и грудь воинов, опоясавших собой границу Родины-матери, которая только таких всегда звала и зовет поныне, расцвели бы салютом Славы.

Это они, обугленные и продымленные, замордованные в «духовских» пытках и тьме конфликтов, организованных теми, кого они, в том числе, клялись хранить, за минуту собрались здесь, еще более сплотившись. В этом зале вечно и незримо стояли кресты с распятыми солдатами, проданными матерям по частям. Русские женщины, беременные, с колом в животе, корчившиеся в подвалах Востока. Прищуренными глазами смотрели в сторону дома обрезанные офицерские головы.

Это они, находившиеся здесь, живые и навечно ушедшие, тащили на своем хребте идеи Госдумы от Москвы до самых до окраин. Это их телами богато сдобренная русская земля досыта кормила хлебом вновь взращенных на их место доблести и славы юных мужичков. В вещмешке почти каждого из сидящих было от пяти до пятнадцати гарнизонов с тараканьими общагами, куча войн, стыдливо и от бессилия названных локальными конфликтами, уставшие и нередко больные жены... И ни кола, ни двора. В таком виде их нередко встречал наглый, ухмыляющийся и сытый служака по имени «Приказ об увольнении».

Виктор был знаком почти с каждым из этих ребят. С кем-то на уровне служебных отношений, но с большинством очень близко по нештатным закавказским ситуациям. Разглядев навскидку рядом сидящих и услышав приветливое «здорово» на «здорово», он уселся на краешек

выделенного места. Судьбы плотно стиснутых вокруг него офицерских семей были порой таковы, что если отснять несокращенную ни на секунду их жизнь на фильм по сценарию типа «Судьба офицера», то те изжеванные, скудоумные заокеанские поделки с претензией хотя бы на блеклый боевичок, гасились бы народными плевками на второй минуте смотрин. А какие в этом зале были озерночистые офицерские души! Война, как девятый вал, вымыла из них всю невольную накипь, прежде считавшуюся истиной. Они выздоровели от свиста пуль, от чего разом проходила хандра, усталость и глупость. Они крепче от этого любили жен, сердечнее почитали мать, к ладошке которой склонялись, как к целебной иконочке, благоухавшей от сыновнего поклона. Ладанный запах от мамкиного трепета едино сочетался с каждым стуком материнского сердца. Стуком, ставшим словами и молитвой о здравии.

Гревший Виктора справа капитан Сенька — это неповторимая офицерская чудодейная дорожка судьбы.

В том 83-м, в сентябре Сенька спал с открытыми глазами свою последнюю ночь в еще полгода назад желанной, волнующей комнате офицерской общаги с любимой Женькой. Они очень легко встретились и за один танец на балу в военном училище на втором курсе без слов полюбили друг друга. Женька честно дождалась его до выпуска. Сенька ответно отлетал выпускные экзамены, и они под руку, при одобрительном нервном покуривании двух отцов и сердечных слезинках двух мамок, улетели на север. Он набирал высоту и спускался с нее к Женьке. Она носилась по очередям военторговских магазинчиков и, глядя на единственные на двоих часы, торопилась приготовить нехитрый семейный ужин. А полгода спустя в ней что-то сломалось. Сенька перекопал в себе и в ней все. «Пропылесосил», насколько хватило молодого ума, всю свою душу. Но оказывается, жизнь прожить, что минное поле перейти. Да еще такую светленькую, неломанную. В утро его ухода на войну она скривившимся, таким неженькиным ртом проорала в щель закрывающейся двери:

— Желаю, чтоб ты сдох!..

Сеньку вызвали с войны через восемь месяцев. Женька, та его любимая курсантская и лейтенантская Женька, была смертельно больна раком гортани.

Он хоронил ее, обхватив руками гроб, без осознания и осмысления своих действий, простив ей все за все.

Летать начал только через три месяца, получив от командира дивизии допуск на одиночные полеты с оценкой «хорошо». Сенька в очередной раз заходил на посадку ранним-преранним утром. Курс снижения проходил над южным городом, куда его перевели служить после Афгана. Он находился уже на глиссаде снижения, почти над центром спящих кварталов, когда секунды спустя город, вздрогнув, подумал: «Ученья идут...». Сенька умудрился сделать то, за что пилоты при встрече снимают шапки — посадил беззвучно падающий самолет на брюхо без выпущенных шасси, почти на центральную улицу города. «Миг», визжа по асфальту и ударяясь то хвостом, то крылом об углы домов, не зацепив никого, выскоблился со скоростью 150 км/час на небольшую площадь, взвизгнул отчаянно пузом по закавказским камням и, просунув удивленную морду по самую кабину в престижную местную турецкую баню, успокоился. Командование капитана Сеньку за это три дня спустя очень осторожно поощрило, видимо, не зная, как поступить. Москва непривычно промолчала. Полк неделю не летал, а хозяин бани, что интересно, оценил летное мастерство весьма оригинально — каждую субботу Сенька с друзьями мог париться там бесплатно. От пуза.

Банщик свое решение пояснил голосом человека, нашедшего клад:

— Реклама!

...Притиснутый слева, крепкий, как камешек, начфиз полка, мастер спорта по боксу, майор Овчинников одной рукой баюкал трехмесячного сына Борю второго, умудряясь этой же рукой успевать ловить сосочку, которую тот периодически выплевывал, проверяя папину «боеспособность». Другой — поглаживая, делал массаж овчарке-четырехлетке Бетта, зачисленной навечно в списки десантного полка и являющейся своего рода визитной карточкой легендарной части. На ее счету было два ранения, три подрыва с контузиями и семнадцать спасенных десантных душ. За свою доблесть эта хромающая на три лапы псина, без правого уха и наполовину бесхвостая, была единственной за всю историю государства собакой, на которую всем личным составом полка сначала вроде бы в шутку, а когда

народ разошелся, то и всерьез, был составлен и отправлен наградной лист на звание Героя Советского Союза. Этот документ дошел до Кабула. Оттуда последовал весьма недвусмысленный ответ из десяти русских слов, но копию наградного там оставили и, похоже, не для смеха — чья-то военная душа «наверху» все же по чести оценила заслуги спецназовки Бетта, прислав ей три коробки сухого польского молока ближайшим бортом. Но самое закритическое испытание выпало на долю Бориса и овчарки за два месяца до окончания срока в Афгане. Восемь десантников на пределе человеческих сил, тараня сугробы забинтованными лбами, нецензурно бранясь про себя, со скоростью один км в час продирались по крутому подножию ущелья. Двое были легко ранены, остальные обморожены. Одного убитого тащили на волокушах, сделанных из плащ-палаток. Впереди, утопая по брюхо в снегу, ползла, торча одними глазами Бетта, умудряясь тем самым пронюхивать безопасную тропу, часто зарывая голову по уши в сугроб. «Вертушками» спецназ забрать не могли из-за густющего тумана. Ребята самостоятельно, при полном радио- и голосовом молчании пробивались в сторону базы. Оставалось меньше суток пути, когда послышался глухой хлопок. Для Борькиных ушей он прозвучал, как оглушительный взрыв. Опустив импроносилки, он рванул вперед. И все потемнели ликом и глазом: мастер-боксер выл на луну, держа на руках безжизненно провисшее тело собаки. С ее часто подергивающихся лап густо капала кровь. Бетта первой наступила на мину, приняв весь удар на себя.

Видимо, от изнурительной усталости ее преданная спецназу душа стала давать сбои от сверхсобачьих испытаний.

— Бетта, Бетта...

Борька плакал и лизал собаку в полузакрытые глаза и сухой нос.

— Бе-е-е-тта-а-а...

Возможно, это и было тем сигналом помощи свыше, из-за чего сила человека удесятерилась. Собаку перли под хирургический скальпель галопом на палатке, с которой сняли убитого сержанта и поочередно перегружали его на свои плечи.

Борька тихо скулил, да, похоже, не он один, когда через несколько часов овчарку уложили в санчасти на стол,

а два часа спустя, боясь прикоснуться к забинтованному другу и поверить в чудо, Борис со всем полком целовали собачий хвост. Неделей позже еще нетвердо стоящая на ногах саперша Бетта уже профессионально поглядывала в сторону гор.

...Вылетевшая пулькой соска от Борьки второго влипла в затылочную «десятку» врача полка, капитана Миши. Тот, с полминуты безрезультатно поискав ее, заставил вздохнувшего Бориса достать последнюю. На войне все имена навсегда врезаются в память. Иногда это лица, поступки. Порой веселые случаи, типа застольного хохота: «А помнишь?..». Или заслуженно поднятый вверх большой палец. Сидевший рядом Миша был законно награжден этим жестом.

Тогда Мишку подняли ранним рассветным утром, долго расталкивая, а затем орошая его тело холодной водой.

— Миш, у КПП стоит понурый «дух» с такой же понурой лошадью, ничего толком сказать не может, лепечет только одно слово «дохтар» и без конца показывает дрожащими пальцами на кобылу.

Мишка, спотыкаясь и ежась мурашковым телом на пятой минуте, наконец, попал в штаны. Стылая поздняя осень старательно мешала залезть в ботинки. Стоявший на КПП старый дехканин, сутулый, с дрожащими губами уже молча, увидев врача, стал показывать на пах кобылы. Его глаза блестели от слез. Кобыле было лет шесть. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять — у нее заболевание «по-женски». Мишка минут десять соображал, что у него по этому случаю есть соответствующее. Дух мусульманским взором утонул во взгляде врача.

— Заводи. Придешь через две недели,— вдолбил он на пальцах дехканину. — Но за исход не ручаюсь.

Старик отдал Михаилу уздечку, как последней надежде. Сам он приходил ежедневно и тихонько сидел довольно далеко от часового, с чалмой в руках, безотрывно глядя в сторону гарнизона.

Через десять дней он держал в мокрых руках от постоянно вытираемых глаз уздечку, надетую на морду капризно бьющей копытом подтанцовывающей кобылы. Капитан довольно долго провожал задумчивым взглядом часто оглядывающегося и кланяющегося старика. А ближе к

весне его опять обливали для разбудки водой. У КПП стоял счастливый хозяин кобылы с кожаным сосудом, полным кобыльего молока. Мишка с друзьями обпились им за неделю вволю. А, может, случай с этой кобылой был началом той тропы к его главному духовному экзамену и более осмысленному в его пока недолгой человеческой жизни, когда Мишкину группу из десяти спецназовцев после суточного скитания «духи» основательно придавили в горах в центре Афганистана. Поставленная им трехсуточная задача была сорвана через несколько часов после выхода. Тогда они растворились, как обычно, ночью. Вляпались в нештатный случай ранним утром. Пути Господни неисповедимы. При начавшем жарить экваториальном солнце спецназ споро врезался в табунок овец и, главное, в пасущих их двух десятилетних ребятишек. Баранов полулежа распинали, пацанов повтыкали головой в землю и стали лихорадочно соображать, что с ними делать. Дети, чувствуя, что счет их жизни решают минуты, оцепенели и находились в том состоянии, какое бывает у сердца перед плахой.

Их оставили живыми, но путь следования и задача группы от этого были изменены. Пробная связь со своей базой ничего не разъяснила ни той и ни другой стороне. Теперь уже в группе было двенадцать человек. Пастушков, расставив через два десантника, кляпами и конкретными движениями лишили речи и ходко потащили к себе домой. Но и «духи» к этому году войны умели уже многое. Вычислив по переговору улиточный квадрат, десантников вынудили сползать в безвылазную точку. За время подхода к этой пещере «духи» четырежды зависали на пятках. От них, не теряя скорости, отбивались зло и молча. После каждой скоротечной схватки количество бинтов убавлялось с прикладов и прибавлялось на руках, ногах, плечах, головах. Убавлялись патроны и гранаты. Пацанов (увы, война жестока) «выключили» из нормального физического состояния: оглушив, забросили в глухой кустарник. Повезет — выберутся. «Духи» шли след в след, дыша в спину. Найдя самую удобную для боя точку, спецназ заполянился «ромашкой», разделившись по двое для самоподрыва, чтобы, если что, не сдаться в плен. Пересчитали и поделили патроны и гранаты. На-

спех зализали саднящие ноющие и кровоточащие раны.

«Духов» не было минут десять. Странно. Пятнадцать минут... Ожидание последних минут жизни — страшное испытание. Человеческое состояние каждого находится в режиме предельной душевной, мышечной и сердечной вибрации. Обильное потоотделение, липкие руки, скудная речевая возможность... Дикция, мимика и жесты сводятся к минимуму, выполняются только самые необходимые действия. Мозговые функции оглушительно обострены. Кто-то уткнулся лбом в песок, кто-то живет только оружием, кто-то помогает сам себе дышать, непривычно мощно, массируя щеки и виски дрожащими ладонями. Речь меняется до неузнаваемости, дойдя до такого совершенства, что двумя-тремя словами можно идеально выразить любую заумную мысль. Двадцать минут... И вдруг...

— Валерка, ты прости меня за то, что...

— И вы меня, мужики, простите...

— Вовка, не суди меня строго...

Десять человек языком мудрецов каялись друг перед другом, едва шевеля губами, предельно четко контролируя горизонт.

— Прости меня за все...

Тридцать минут... Неподвластная разуму суть... Духи заблудились, пройдя мимо!

Сейчас Михаил, сидя в зале, словно ощутил вновь ту мокрую спину. Было такое состояние, что впору пришло время просить прощения каждому сидящему здесь у находящегося рядом. Причина, из-за которой те же люди собрались на таких же условиях, была уже не той закордонной, а внутригосударственной. И «ромашковый» зал здесь о-очень хорошо знал друг друга, основательно веря на слово.

Война — это скопление всех вселенских сил. Мыслимых и немыслимых. Темных и светлых. Небесных и подземных. Всех религий и знаков. Здесь души сшибаются с душами. Не всегда реально осмысливая и осознавая, что творится вокруг и что творят сами. Перед самыми страшными боями, жестокими смертями менялось привычное состояние в атмосфере, не таким становилось солнце, у которого тоже бывают затмения. В декабре появлялась радуга, а в июле шел снег. На войне раскрываются неслыханные доселе человеческие возможности, когда человек

одной рукой поднимал машину и успевал вырвать из-под нее задавленного друга. Не контролируя себя, забивался от страха в щель скалы, в которую позже, на следующий день, не мог просунуть даже ногу. Перед самоподрывом, чтобы не сдаться в плен, в тридцать лет человек взрослел до ста, чувствуя в последние секунды, что рожден был именно для этого.

Перед утренней смертью с вечера более тщательно чистили оружие, готовились надеть самое чистое белье. Неожиданно для многих обходили друзей, раздавая на память дорогие сердцу и бережно хранимые порой пустяковые вещи. А их друзья вдруг пронзительно осознавали, что это значит и, принимая дар из рук друга, прощались с ним, мучительно изображая улыбку благодарности. В памяти Виктора была бабушкина быль, когда перед очистительной святой войной их район заполонили колдуны, о которых в здешних местах никто и не слыхал. Последней предвоенной зимой часто полыхала в метель чудовищная молния, грохотали громовые раскаты. В село на крохотную площадь выходила стая волков и протяжно, с надрывом выла до серого рассвета, задрав тоскливые морды. Старики говорили: «Война будет». У тех казахстанских переселенцев со всей России был страх больший, оттого что нигде и близко не было церкви. В ту ночь с 21 на 22 июня в избушке деревенской старухи-колдуньи слышался долгий хохот и надрывный вой собаки. А зимой ее замело. К ней боялись подойти с неделю, пока председатель сам не раскопал хату. А раскопав — отшатнулся. Бабка стояла на коленях у двери с прищуренными глазами и искривленным почерневшим лицом...

Зал заметно оживился, усилился шум голосов, заплакал ребенок. Потом со сцены командир полка попросил офицеров помочь рассадить вновь прибывших — восемь армянских семей. Они постоянно переглядывались и, смущаясь от непривычного внимания, готовы были сесть прямо в проходе. Еле отговорили. Солдаты занесли еще стулья, и гул стал постепенно затихать. Торопливо прошедший по сцене к командиру дежурный по части с минуту о чем-то говорил ему на ухо, потом отнекивался, и полковник объявил, что начало собрания переносится на двадцать минут. Среди полкового народа прошел шепот. «Ко-

мандира по СВ запрашивает Тбилиси». В зале завертелись головы, заподнимались в припоздавших приветствиях руки, и разговоры на уровне: «Ну, как дела?» — «Нормально», — начали волнами ходить по всем рядам.

Невольно создавшаяся в зале пауза до начала жизненно важного разговора логично и удачно превратила клуб в столово-спортивную площадку подрастающего поколения в возрасте от одного месяца до того часа, когда уже вразумительно попискивающий люд мог относительно самостоятельно решать свои сложные жизненные проблемы. Здесь стало ясно, что хитрый Сашка, ростом чуть выше отцовского колена, на деле вовсе не оказался тем примером в поведении для Димки из соседнего подъезда, которому ставили его в пример по сто раз на день, начиная от: «Ты руки мыл перед едой? А вот Сашка...», до: «Я тебя насколько отпускала, безобразник?»...

Зал шевелился, как потревоженный муравейник, и шуршал бутербродными обертками. И последним дипломатичным усилием предупреждал пятилетнюю Людочку: «Ну, все, щас отцу скажу...». Многие родители честно признались, что у всех, оказывается, дети как дети, но этот олух... В общем, на пятой минуте гарнизонный народ, наконец, зажил своей привычной жизнью. Вдруг откуда-то из-за спины Виктора потянуло естественным специфическим запахом. Семья прапорщика Гуриева разом, раздвинув ноги и мгновенно вычислив «источник свежести» в лице своего трехгодовалого Петьки (у того мордашка от ответственейшей рабочей минуты напряглась до покраснения), двумя родительскими языками с опозданием прошипела:

— Ты что творишь?

На что, досадуя на недогадливость и бестолковость родителей, Петька, не прекращая процесса очищения, натужно и хмуро просипел: «Не видите? Тужусь». Добродушный и всеобщий хохот уносил Петьку из зала на отцовской левой руке. Правая ладонь выполняла функцию аварийного горшка. Через минуту Петька, вися над «стационаром», смиренно выслушивал, кем он является на самом деле. Его единственным оправданием была бесконечная заунывная фраза:

— Я не виноват, что меня разнесло...

Вернувшийся командир полка своими двое суток неспавшими глазами с минуту смотрел на быстро затихающий зал, еще не остыв от разговора с Тбилиси. Андрей Иванович, сорокавосьмилетний гвардеец с большой буквы, знал всех своих подчиненных поименно, поквартирно, по нищим холодильникам, по битой неказистой, затурканной от тьмы переездов мебели. Знал, кто кого крепко в семье любит, чей мужик у какой бабы, как бы это поделикатнее сказать, возвращается не в 19:00, а в три утра. Технику, видите ли, в автопарке готовили к маршу. А двигатели ротных БТРов почему-то остро пахли «французскими» духами «Красная Москва». Э-эх, жизнь наша тяжкая, души беспутные! Сам трижды продырявленный и дважды посеченный в Афгане, Андрей Иванович, далеко не ангел, как-то принял решение — каждого ребенка, оставшегося без папы, считать сыном или дочерью полка, поставив их на все виды скудного офицерского довольствия. Он, полковник, начал войну с потери своего близкого друга. В том бою его однокашник по училищу Толик получил смертельные ранения в грудь, в рот и в живот. Командир роты Андрей, стоя на коленях в грязи и копоти над истекающим кровью другом, в исступлении осипло орал:

— Санитар... почему ты не можешь переливать кровь?!

Ротный, зайдясь в хрипе и почти уткнувшись носом в нос другу Тольке, убеждал его, что он будет жить, убеждал криком и стучащими от слез зубами. У Тольки не было живота и нижней челюсти. Он верил капитанской сердечности, но был уже умнее, сильнее и далеко от всей группы и пустой земной суеты. Он не то успокаивал Андрея, не то просто от судорог тряс головой. На сером его лице было такое выражение, будто он боялся за друга больше, чем Андрей — за него. Тольки не было на войне уже минут десять, а капитан все лечил и лечил его своими доказательствами, что успеет дотащить его.

В его полку вечерняя поверка длилась всегда долго, потому что, помимо живых, зачитывали имена и тех мертвых, как живых. Он лично писал письма их родителям, не часто, но поздравлял с Новым годом, с 23 февраля, 9 Мая и ... днем рождения погибших сыновей. Ах, как это было нужно родителям! Их 18-летнего сына помнят в полку. По-

мнят. Полковник имел Честь. И его Честь, весом в офицерские звездочки, перевешивала искусственную честь, «как крыло мухи», честь многих золотопогонных офицеров из верхов.

«Десантник в авторитете» знал, что война без потерь даже при физически целых подчиненных не бывает, и от этого по-человечески прощал многим жизненные и должностные грехи. Даже нередко выпивки и драки, когда народ порой выпивал «за здоровье» до полной невозможности здраво мыслить. Но что поделать, выпивка без драки, как чай без сахара.

Не прощал только микропредательство, влекущее трагедию и бесчестие. Он там, за ленточкой, однажды простил молодого лейтенанта, честно признавшегося в трусости, из-за которой был ранен рядовой десантник. А полгода спустя этот лейтенант закрыл собой двоих рядовых. Ребята остались живы, а взводный уехал домой почитаемым в полку безногим героем. Досрочно. Весь полк помнит тот животворящий случай, когда 12-летняя девочка с мудростью пожилого человека, пришедшей от беды, отказалась от помощи взрослых, оставшись в своей скромненькой комнатке в офицерском общежитии с четырехлетней сестренкой, говоря тихо взрослым:

— Вот папа с мамой приедут — а нас не будет.

А малютка застенчиво показывала всем любимую куклу Машу, называя ее мамой, добавляя:

— Тихо. Мама спит.

Их мама Валя тогда умерла от сердечного приступа, получив бестактное, не от большого ума составленное письмо о смерти мужа. Детей, конечно, пригрели. Тогда Андрей Иванович пронзительно осознал, что при любой любви со стороны без родителей все одно — везде чужбина. Его так уважали подчиненные, что за право пойти с ним в разведку стояла очередь. Он детально, скрупулезно и от всего сердца говорил о своих ошибках после боя. От этого к нему тянулись, и этому учились у него.

Однажды кто-то, попытавшийся подтрунить над ним, был резко осажен. В одно время из-за частых тяжелых боев получилось так, что замена в его роте произошла не очень продуманно: вместо обученных солдат в роте стало больше вновь прибывших. Тогда на ряд разведвыходов пошли, в

основном, одни офицеры. На ротного некоторые странно посмотрели, а он поклонился мысленно своим взводным лейтенантам, ставшим вдруг настоящими командирами, и сказал, что если ребятишки необученные разом полягут, то он ничем не сможет оправдаться перед их матерями: «Пока этих не подготовлю — буду ходить на разведвыходы сам». Как-то во время операции ему в плен попал американец. Его, Андрея, измочаленные, прокисшие, серые от пыли, но крепкие и даже не раненые пацаны, расхлеставшие вдесятером небольшой ослиный караван с «духами», перевозивший героин из Пакистана в Иран, несколько минут не могли сообразить, кто перед ними — этот стучащий зубами и трясущимися губами пленный, у которого от желудочного озноба даже не соединялись в кулак пальцы.

— Командир, это не «дух». «Духи» так не сдаются, — моментально сделал свой вывод переводчик.

И вдруг дошло...

— Так это ты — американская рожа?!

Пленный, мгновенно поняв, что его жизнь по сроку защелкала секундами, сделал то, что может только сделать сущность, с рождения ошивающаяся у статуи своей свободы. Сидя от бессилия на заднице, глядя бусыми коматозными глазами сразу на всех, долго и судорожно щупая карманы, он, наконец, протянул Андрею ...чек на три тысячи долларов! Пять минут спустя группа, плюясь, скоро топала к дому. На камнях, в общей куче с восточными работодателями валялся «цивилизованный» представитель Нового Света с одной половиной линкольновской квитанции, вбитой в рот, а с другой — в то место, откуда исходит их подлинный дух.

— Что ж таких дешевых сюда посылают? Или нас не ценят?.. — окая, недовольно бурчал всю дорогу солдат.

...Полковник Андрей Иванович, стоя тогда на трибуне с графином перед сотнями пар глаз, осознал, что земная война вечна. Было такое ощущение, что сейчас самопроизвольно с его уст сорвется всем известная его фраза:

— Выход через два часа. А сейчас всем написать письма родным. Последние письма близким на случай смерти. Потом, если что, их писать будет некому. И обязательно в конце требовал дописку, где ты хочешь быть похороненным. Они хранились у командира до момента гибели.

Сегодня, после десятиминутного разговора с генералом из штаба округа, полковник почувствовал ту растерянность, которую испытывает студент на экзаменах, увидев, что взял не тот билет. Не тем билетом была начинающаяся война с теми, кого он по сию минуту защищал и должен защищать далее. Он силился определить курс стремительно меняющейся политбюрошнокпссной политики, благодаря которой брат пошел на брата, государства средь бела дня стали переносить забор от своего огорода подальше, расширив свой участок, затоптав урожай соседа, не ими посаженный. От прозрения пленочка, до сих пор закрывавшая его глаза, сползла и позволила увидеть, что верхи не то не хотят, не то не умеют управлять по-старому, а потому таскают друг друга по кремлевским коридорам за космы, а кого — за остатки от них. А низы на окраине страны, здесь, за забором его части, не хотят жить по-старому. Он еще молчал с минуту, решая, куда военному податься. Это не было паническое состояние. Он просто терпеливо и осторожно нащупывал единственно правильную дорожку мудрости. Благодаря усилиям «верхов» дорога, по которой он так долго шел уверенно, стала превращаться в сплошные колдобины.

С той поры хорошо осведомленный местный сельский люд стал избегать слишком откровенных разговоров при встречах, а, случайно столкнувшись, спешили увернуться от него, не договаривая, на что у командира полка постоянно была горечь и досада. Но однажды, перепрыгнув через стену гордыни, эти же час назад отворачивавшиеся люди скопом, лебезя, примчались к десантникам за помощью. В деревне вновь появился тиф. Вспышки его случались и раньше, но этим летом он вспыхнул в небывало пугающих размерах. Примчавшуюся делегацию азербайджанцев возглавляли двое сельских старейшин, вокруг них — несколько десятков молодых и в возрасте людей с чуть приоткрытыми ртами, бегающими глазами. Они старались всунуться во все происходящее сразу. Стоило кому-то из офицеров-десантников выйти к ним из дверей КПП для какого-либо уточнения, как собравшиеся, отталкивая и перебивая друг друга, пытались оказаться в центре переговоров. В ответ на это офицер, зная местные обычаи, довольно спокойно, не прерывая нето-

ропливого разговора со стариками, хлестко, кулаком, раздвигал любопытные головы, чтобы видеть лица делегатов-старейшин. Вокруг толпы с вороньим гвалтом носилась стая ребятишек, и невозможно было определить ни пол их, ни возраст.

Тиф выкосил горное селение и пополз дальше. Полковник не вспомнил обид, помог азербайджанцам всем, чем мог, без потерь для гарнизона. Страшную болезнь прогнали в сторону Турции, многих больных за месяц-полтора поставили на ноги. В селении вместе с дустовой вонью появились три новые улицы: Холерная, Гепатитная и имени Тифа. У Ленина на куцей площади отвалилась указывающая доселе нужную дорогу правая рука и колхоз «Путь Ильича», оттого что не знал, куда теперь идти, заблудился.

После того, как все относительно успокоилось, старейшины, вновь оказываясь с полковником лицом к лицу, узнавали его с трудом.

Командир полка вместе с начальником особого отдела гарнизона изложили настороживших мужиков и пугающие баб факты. Чекист — смелый мужик, рассекретил такие факты, о которых офицеры предполагали с затяжелевшим сердцем. Он зачитал буквально следующее:

«...К братьям-мусульманам обращается Фронт освобождения Азербайджана... Газават против российских агрессоров... Священная война... Варварская русская империя... Мы потеряли из-за них все национальные обычаи, национальную гордость... Мы создадим свой свободный Азербайджан... Со своей армией... Мы придем и разрушим российские законы... Пока мы вместе, поставим мир на колени у наших ног, а это неплохая собственность!..»

Исходя из серьезности зачитанного, были доведены до присутствующих требования, советы, просьбы. Сидящие островком армяне сжались и сникли, напряженно запереглядывались, притянули к себе ребятишек. Те, почувствовав стук материнских сердец, разом умолкли, тараща глазенки-сливы на весь зал. Только стоявшая, будто в одиночестве, у дверей сумгаитская армянка лет пятидесяти с тщательно прибранными волосами по-прежнему не выказывала никаких признаков беспокойства. Она выглядела уставшей и от этого казалась ко всему равнодушной.

— Сатеник! Сатеник! Присядь.

Подруга тянула женщину за полу длинного платья, кротко упрашивая очнуться, наконец, от своих тягостных и трагичных мыслей. Та, словно не видя никого вокруг, сделала какой-то неопределенный жест. Сидящая только горестно покачала головой.

Собирающийся воедино от услышанного мужской дух в зале вновь завоевал. Эти люди несколько месяцев назад, пересекая афганскую «ленточку», оглянулись, вздохнули, помянули каждого по заслугам, плюнули на все и рванули по мирным домам. Туда, где хотелось, чтобы все было в покое. Где калитка у дома, как дверца в семейный и родительский рай с материнскими глазами, мироточившими радостной слезой. Где любимый взгляд утомленной жены и сыночек-росточек и доченька-колокольчик... Истосковавшиеся мужики лизали их личики, как кошки лижут котят, таскали, не отпуская и вдыхая их целебный цыплячий запах. Они, офицеры, почужевшие от непривычного вида, с незнакомыми резкими складками на щеках и горькостью чужой земли, были теми, которым ненадышавшиеся от разлуки жены жарко говорили: «Любой, но мой».

Ну, и что теперь? Эй, вы там, наверху!? Что? Виктор, сидя с близкими по сердцу боевыми товарищами, пытался мучительно понять: почему в том, в чем упрекают Ивана или Армена, не винят Алика, устроившего страшные убийства в Сумгаите, Кировабаде, Баку?! Почему капитан Советской армии Николаев на всеобщем, нелогичном, по сути, собрании легендарного полка, вынужден лихорадочно решать, как он должен срочно спасать свою семью от людей, которых он защищает?! И почему какой-то Алик, живя в далеком русском Саратове среди русских, не решает такую же престранную проблему по отношению к себе и своей семье? Почему в эти перевернутые набекрень жизненные дни в карабахском селении скромную русскую семью безнаказанно, с удовольствием и умыслом, неделю содержали в свинарнике и кормили из свиного корыта вместе с кабаном только за то, что эти немолодые пенсионеры укрыли ночью две армянские семьи. Кабана подпускали к корыту первым, со словами:

— От него хоть польза, а от вас, свинячьих родственников, что взять, да-а?

Потом русская женщина убирала за кабаном и мыла корыто. А с тобой, Алик, так поступали в России?

Виктор, светлея в мучительном поиске пока еще хрупкой истины, начинал осознавать, что победители на Востоке — это выпускники единой школы, сдающие единый экзамен, в котором есть всего один билет с единственным вопросом и ответом: если ты не с Аллахом, то с тобой можно делать все. Если ты с Аллахом, то тебя не судят за то, что ты жаришь печень еще живого русского солдата и, поедая ее, мистически «здоровеешь», впившись в тусклые глаза парня из Омска, запоминая каждую секунду мучений угасающей мальчишеской жизни. Значит, если на то пошло, — это не тот Аллах. Это анти-Аллах. И такого «победителя» судят. Потому что земного победителя — не существует! Уходя из зала, Виктор сердцем осознавал, что есть самый Высокий и Единственный Судия. Он не знал тогда Его имени, но в том, что Он есть, капитан уже не сомневался.

За возвращающимся с этого непривычного собрания офицером, путаясь в тучах, внимательно и чуть прищуренно, как бы прицеливаясь, крался полумесяц. Цепко следя за путником из последождевых лужиц, он пытался льстиво, с восточной прилипчивостью, влезть в его душу. К тому времени он успел побывать везде: в России, где после тысячелетних войн даже чернозем был розового цвета, в сумрачном духовно-пороховом Карабахе, на мертвенно пустых улицах совсем недавно веселого инженерного и изрядно обрусевшего Сумгаита. Теперь полумесяц желал из всех сил допытаться, каким сегодня капитан возвращается домой. Цельная крепкость офицерского духа не входила в расчеты ночного наблюдателя. Иначе его сегодняшняя часть суток, проведенная им в Шамхоре, будет пущена коту под хвост. Вообще-то любопытно, что это за такое таинственное и рентабельное место под хвостом у кота, куда все стараются засунуть все, что ни попадя?..

ИЮНЬСКАЯ ОСЕНЬ

В Шамхоре среди лета начала проступать стылая ранняя осень. Внешне неопределимая, она вдруг задула поземкой в сердцах. Еще вчера казавшаяся устойчивой жизнь, довольно беспечная и порой веселая, разом всколыхнулась, затаилась, напряглась. Мужики подтянулись и посуровели. Мамки разом отрешились от житейских мелочей, начав обращать внимание на главное. Ребятишки стали постигать за считанные часы то, чему их отцы учились годами. Конечно, это не был батин профессиональный уровень, но для их возраста начавшиеся уроки самоспасения воспринимались, как бы это точнее сказать, не по-детски, и это еще более пугало родителей. Ребятишек срочно учили, как выживать в мирной жизни при любой ситуации, в любое время суток, при любых погодных условиях. Сорокалетние офицеры-спецназовцы, отучив днем в учебных классах конституционных защитников Родины, вечером в том же классе срочно натаскивали шмыгающего десятилетнего Петьку и щупленькую с двумя тонюсенькими косичками восьмилетнюю Анастасию нешуточному боевому мастерству. Теперь ребятня, для которой столь неожиданное внимание взрослых, да еще по столь «классному» вопросу, о чем они час назад и мечтать не могли, забыв про песочницы, куклы и машинки, училась по-новому проводить день от подъема до отбоя, с учетом изменившейся политики ЦК КПСС. Майор дядя Федя, на прикладе которого было больше боевых звездочек, чем съеденных шоколадок первоклассником Максимкой, дотошно, не на шутку основательно, в пятый раз заставлял этого Максимку постичь процесс, как правильно и безопасно добраться из квартиры в школу и обратно домой. Ребятня, впившись глазенками, непривычно дисциплинированно, ревниво следила за Максимкиными ошибками. Они не свойственно возрасту стали четко запоминать, что причина всех серьезных неприятностей — непослушание и плохое поведение. Оказывается, случайные знакомства по дороге домой или куда бы то ни было могут закончиться с сегодняшнего дня бедой, так как их могут

отследить и под всякими предлогами зазвать в чужой дом и украсть. Ребячье «у-у-хты» явно говорило о расширении ненужного для детства кругозора. Теперь они знали, что нельзя садиться в машину с незнакомым человеком, тем более в одиночку, а только со взрослыми знакомыми или родителями. А сегодня в райцентре узнали, что по «...многочисленным пожеланиям советских граждан, выражающих серьезную озабоченность тем, что в Армянской и Азербайджанской ССР продолжают накаляться межнациональные отношения, Президиум Верховного Совета СССР постановил ... ввести комендантский час». В захолустном Шамхоре в том числе. Крыша государства стала не на шутку продуваться и протекать.

И опалившиеся Карабахским костром, раздуваемым с обеих сторон, «черные тюльпаны» косяком, с печальным криком «к русским зарницам через границу вновь понесли ребятишек домой». Да, Александр, ты прав. Опять русских — к русским зарницам. В кильватере «тюльпановского» косяка, сделав прощальный круг над какой ни на есть хатой, выстроился все увеличивающийся поток офицерских жен с ребятней под одним крылом и необходимыми скромными пожитками под другим. Они, удаляясь от своих мужиков все дальше и дальше, вдруг ощутили, что вот сейчас жить с ними хотелось, как никогда. Жизнь, исходящая от родной земли, выдавала им теперь радость по щепотке в виде нечастого письма или устного словечка, скупенького, неказистого, но пахнувшего едва уловимым, только ему свойственным оттенком. Россия, кого это касалось, вновь зажила от почтальона к почтальону. А если подступало что-то тяжкое и невыносимое, то уж пусть лучше почта забудет дорогу к дому. Пусть мужик будет вечно живой. И как же тяжко расставаться не по-людски... Виктор, стоя на перроне вокзала (сосед Толик попросил его побыть с ним на проводах своей жены Ирины), муторно чувствовал себя за обоих. И жили-то они, как не жили. Толя за год в Афгане не получил ни одного письма. Он тяжело переживал смущенные взгляды и проскакивающие иногда фразы об Ирине от товарищей, вернувшихся из коротенького отпуска. Сам он ни разу не съездил к ней. Его никто дома не ждал. Ирине было с кем не ждать. Все это, видимо, было от главного.

Она не хотела детей. Тольку это угнетало. Он пил иногда до признаков падучей, за что его не раз надолго отстраняли от полетов. И споры-то были у него с женой порой такие ...грызня, а не споры. В конце уже и сами не помнили, о чем и был-то, собственно, спор. А однажды, приехав из отпуска от своей матери, Толька как-то разом остепенился и помудрел. Сегодня, за все не то долгие, не то стремительные минуты на платформе до прибытия поезда он не сказал ни слова. Молча стоял, часто курил и все ждал, ждал... Ирина так и не потеплела. Но когда муж поставил вещи в купе, ее прорвало на первое человеческое бабье рыдание. Вцепившись побелевшими пальцами в купейный столик, она заревела навзрыд. Толька, в слезах, уткнувшись головой в ее подрагивающее плечо, сказал единственное за долгие часы:

— Если бы ты любила и ждала так, как я воевал...

Ирина не подошла к окну уходящего поезда. Но так бабы ревут, уже имея забивший родничок вразумительных слез. А, может, шевельнулся под сердцем он, пусть пока и не существующий.

СУМГАИТ...

В Кремле за тяжелыми шторами безрезультатно шел поиск «пупка соприкосновения» на предраковом теле НКАО. А там, в Закавказье, обе стороны, каждая уверенная в своей правоте, с шумом дули с двух сторон на один костер. Но пожар тушат водой, а если ее нет, растаскивают все, что горит, баграми и затаптывают. Кремль, в силу своего семидесятилетнего профессионализма и опыта, решил использовать первое. Только вместо воды костер опять стали заливать русскими мужиками.

Виктор, собрав за несколько минут жидкие боевые пожитки, час писал письмо жене, рисуя курортные условия жизни, уверяя, что по телеку врут. Днем он получил приказ двигаться на «восток», под Сумгаит. Задачи группы были до примитивности просты: армян отвести налево, азербайджанцев — направо. Поудобнее упереться ногами в землю, руки развести в стороны, чтобы «спорные лица» не схлестнулись друг с другом. Поднять воротник шинели, пониже опустить голову... Дальше — как Марья Кривая выведет, ждать дальнейших указаний. Из оружия разрешалось только плевать с применением ядреного русского слова. В предельно критических ситуациях позволялось, правда, пальнуть в воздух, но тут же необходимо было написать объективное объяснение по данному факту. Инструктировавшие группу второй секретарь райкома и местный начальник КГБ в административном здании весьма специфическим тоном, постучав пальчиком по столу, порекомендовали:

— О своих боевых афганских штучках, которые вы там творили, требуем начисто забыть. Помните, вы вернулись на Родину.

Уходя с инструктажа, Виктор ошибся дверью и попал в библиотеку, где когда-то при ранних визитах сюда в каталоге «медицинская литература» обнаружил психологический бестселлер «Детская болезнь левизны в коммунизме». И сейчас на него из окна по-прежнему смотрел ВИЛ с городской площади. При его памятниковом росте 180 см вытянутая правая рука длиной 190 см указывала в сторону Баку. Сидевший на его голове нахохлившийся

голубь не спускал с Виктора глаз. ВИЛ был копией первого секретаря райкома партии.

— Знаю, — буркнул голубю Виктор. — Сказано же, едем.

В темном небе четко проступили звезды. Но если наступила ночь, то это не означает, что солнце погасло.

Встретивший его группу гарнизон Кола, находящийся в подбрюшье Баку, выглядел театральной вешалкой после того, когда во время спектакля объявили о заложенной бомбе. Опустевшие школы из-за уехавших русских учителей местные оправдывали тем, что их дети все остальное узнают на рынках. Закрытые детские сады, аврально используемые под накопители армянских беженцев, успевших рвануть из Сумгаита и Баку. Кем-то повешенный, но уже изрядно промоченный не одним дождем сиротский плакат «Горбачев, ты забыл нас»... У КПП ушлый и шустрый местный молодняк насовал в руки прибывшей группе офицеров кучу листовок. Виктор машинально прочитал:

«Мы, азербайджанцы, скоро будем на ваших русских рынках, вы будете нашими рабами и единственными покупателями. Война с вами нам выгодна... Мы посадим в вашем правительстве наших людей или купим ваших чиновников... Мы спровоцируем наше мнимое слабое финансовое положение, благодаря чему через предателей-министров вы нам дадите столько денег, сколько мы скажем... А после на эти деньги создадим у вас свои рынки, казино, публичные дома... Мы перепортим ваших женщин, пропишемся в ваших городах, сократим вашу рождаемость...»

Виктор стоял как столб, тараща глаза на листовку, как на черную шутку во сне.

«Великой Армении не будет... Уничтожим русских и армян на нашей земле, и шакалы поедят ваши трупы... Убивая русского, мы знаем — Аллах прощает нам грехи...»

Виктор пришел в себя, треснувшись лбом о транспарант, на котором «хищная армянская рука» стремилась вырвать из азербайджанской груди алое сердце — Нагорный Карабах.

Слезно напросившаяся приехать с группой Виктора Сатеник, машинально вцепившись в локоть одного из офицеров, шепотом произнесла:

— Как нам здесь жить, когда вы уедете отсюда?

Вечером прибывшая с Шамхора группа офицеров по-

лучила свои койко-места в офицерском общежитии. Заинструктированные до слез уже местным руководством собрались для неутешительного подведения итогов в комнате, где жили ребята-МВДшники. Их командир, капитан Славка Кривошапка был настолько легендарной личностью, что о нем ходили героические рассказы по всему Закавказью. За два года он успел получить две контузии в Сумгаите, где ненависть к армянам, ставшим костью в горле для азербайджанцев, дальше глотки не пошла. Там Славка убедился, что самое скорое, что можно воспитать в человеке, — это ненависть, а самое долгое — прощение друг друга. Его забросили в этот самый русский город на юге страны, где произошедшую резню невозможно было объяснить никакой правительственной фантазией. Он никак не мог понять, как в городе, в котором был секретный центр МО, ракетная часть, крупный сталелитейный завод, именуемый «почтовым ящиком», огромный химический комбинат, пограничная часть, крепчайшие родоплеменные связи коренных жителей, произошло подобное бедствие, без малейшей попытки предотвратить или остановить его. Азербайджанское правительство объяснило это так — не поделили местный базар. Глупое и примитивное объяснение. В вечернем разговоре выяснилось, что Славка знал и Сатеник. Он в пиковый момент сумгаитской поножовщины, страшного рева и визга баб, их ребятишек, успел спрятать эту, потерявшую сознание армянку под водопроводным уличным люком, а вместе с ней и еще троих. Тогда, за сутки до этих событий, Славкино внимание, как начальника патруля, привлекли крестики, сделанные мелом на лавочках, в киосках и квартирах, где жили армяне. Поступавшие к нему сообщения «на ухо» от испуганных местных жителей еще более его насторожили. Обращения по этому поводу в местную милицию заканчивались ...приглашением на чай. Все большее и большее накопление воинствующего азербайджанского молодняка на вокзальной площади, в центре города, обкуренного, звереющего, заставляло капитана лихорадочно принимать какие-то решения. За два часа до времени «икс» в городе отключились все телефоны. Армяне, кто посмелее, часто оглядываясь на улицах, стали забегать в близлежащие отделения милиции для разъяснений. В ответ неизменно звучало: «Сидите дома! ...Ситуация под контролем...»

Рев бандгрупп в городе раздался почти одномоментно — будто кто-то нажал на звонок. Стартовый разгон на поражение армян и русских, начавшийся с проспекта Мира, подкинул Славку с постели, где он задремал после дежурства. Предсмертный крик, тотчас перешедший в хрип, сопровождал его, летящего через два пролета лестничной клетки сразу на третий этаж, в наспех напяленной спортивной форме. В мордобойно-поножовочной карусели в этой квартире живой была только женщина, добиваемая пинками и стулом у окна. В коридоре булькал телом на полу резко разгибающийся и сгибающийся хозяин. Движения его рук были такими, будто он пытался вернуть срезанную голову на место. Женщину добивал, войдя в раж, молоденький бандит, держа в руках, как биту, ее двухлетнюю дочку. Из его рта текла пенная слюна. Славка этих двоих зверей убил сразу, впечатав двумя руками голову в голову. Потерявшую сознание армянку пер волоком в интуитивно безопасное место, на улицу. Оторвав водосточную крышку люка во дворе одним пальцем, он почти отвесно сбросил туда женщину ногами вниз. Город ревел. Горели машины, бились стекла магазинов. Враз началось мародерство. Соседи резали соседей. Кровь пошла на чужую кровь. От ее сладкого дурманного запаха на лицах у людей стала проявляться нечеловеческая рожа... У старика-армянина с хохотом и визгом, считая, отрывали ребра. Все до одного. Его застали в инвалидной машине при подъезде к дому. Дед от страха сошел с ума и неловко, мучительно улыбался. Ему на голову вылили бензин и с криками подожгли. Он сгорел быстро, видимо, не ощутив боли. Славка задыхался, стервенел и тоже орал. Его как будто никто не видел. Он отдирал армян непонятно какого возраста и пола из рук беснующихся крутящихся хороводами азербайджанцев и сипел:

— Я сам добью... сам...

Волоком тащил отбитого в заветный тайный колодец и прятал, сталкивая туда. Еще минуту назад внешне мирный город будто зашелся в бесовском вихревом «веселье».

Никто друг друга не слышал и не слушал. Все окуталось массовым безумием и мраком. Славка на карачках, грязный, оборванный дополз до колодца и свалился на общую натасканную им кучу.

Душа и сердце были глухи. Воистину — «если нет

Бога, то можно все». За час тщательно организованного массового убийства было уничтожено 26 армян, 400 тяжко ранены, изнасилованы 12 армянок, сожжено и разграблено более 200 квартир. Машины, магазины, изуродованные души и прочая мелочь не в счет.

После анализа произошедшего на уровне рядового и офицерского состава милиции и МВД несколько милиционеров получили служебные взыскания. Славке «до кучи» влепили служебное несоответствие. 20-летнего Исмаилова, единственного, кого покарало правосудие, посадили на 15 лет, как самого виноватого. По республиканскому радио первое лицо республики Везиров коротко сообщил об одновременных (!) беспорядках в Сумгаите, Кировабаде и Агдаме. Михаил Сергеевич дал соответствующую оценку происходящему. Фу-у-у... Пронесло.

Научившись воевать на чужой стороне, в Афганистане, мужики в Славкином коллективе осваивали этот процесс на родине. Сегодня воспоминания непринужденно совместились с ужином. Тертый, натасканный на войне в своем государстве, Кривошапка был в цене. В полном смысле. Его обещали убить в обеих республиках за любые деньги: азербайджанцы за спасение армян и наоборот. Разворачивающаяся ненависть бешеными темпами катила карабахскую телегу фирмы «Перестройка» по всему Закавказью. Выли и палили все. Все были правы. Славка везде был не вовремя и не к месту. Его группа была обклеена всеми ярлыками на всех языках, как чемодан путешественника. Парни из России мешали всем убивать друг друга. Их работой кормились все пресс-ТВ. Да, самая заметная и долго незаживающая кровавая рана — в душу.

Это мужиков серьезно злило и угнетало, что и было заметно за сегодняшним столом. Гибнет люд — жиреет воронье. В Кривошапкиной комнате «на четверых» уютно чувствовали себя 16 человек. Сегодня им все было по душе. После «третьей» все были свои в доску. Выпили за то, чтобы солдаты никогда не пили стоя. Дальше — за здоровье. В общем, лечились тем же от того же. Пока в Кремле за чашкой кофе, неторопливо, ко всему прочему, планировали закавказские «штатные потери», разогретые нехитрой трапезой мужики, по-офицерски рассудительно, не спеша, то с улыбкой, то задумчиво убеждали своими воспоминаниями, что в России земли хватит на всех и для

могил, и для хат. С тушенкой на одной вилке на троих согласились, что дорога на войну — всегда самая тяжелая. И какая же она легкая обратно. Просили скупо, неумело своих далеких и от этого более близких жен не ругать их, пьяных порой не от водки. Просили терпеть их, истоптанных душой и телом, не всегда ласковых и нередко грубоватых, но своих ведь и никому больше не нужных. В коротком споре сошлись во мнении, что погибать бездарно всегда было «удобнее», чем выжить, спасая своих. Разом закачали головой в согласии — если сердечно переживают и плачут о тебе дома, то пули чаще летят мимо, и что пуля-дура нередко возвращает к уму. Славкин зам, старший лейтенант Геша Волков освежил задымленную комнату острым воспоминанием из лейтенантского прошлого. Как-то на день милиции народ, недолго собираясь, дружной стайкой укатил на рыбалку. Прямо с построения, не заходя домой. Иначе бы весь процесс отдыха был сорван. Закинули «смысл дня» для охлаждения в горный ручей, раскинули плащ-палатку, разложили выпрошенные с продсклада аварийные консервы. Моментально наловили из плодовитого, быстрого и глубокого горного ручья десяток хариусов. Геша был главным уховаром, ввиду большей трезвости. Известное всем блюдо — тройную уху он варил по своему тайному рецепту. Сам процесс шел странным образом. Вода закипала, Геша ее сливал. Заливал новую. Закипевшую воду сливал вновь. И так три раза. Когда до коллектива дошла суть, они, не скрывая своего мнения о кашеваре, без особой церемонии и вежливости турнули Гешу от костра с конкретной словесной мужской оценкой его «трудов». Но самое большое потрясение было у воды. Ручей, шумя о чем-то своем, вековом, стырил весь смысл отдыха. Завершением стал полный продовольственный крах — презлющие, оцепеневшие и махом протрезвевшие мужики с минуту таращились, как их выклянченный продзапас, отталкивая друг друга мордами, оперативно приканчивали два грязных и лохматых кабана.

Офицерское походное застолье завершилось песней с честным признанием женам: «Не такой уж горький я пропойца, чтоб тебя не видя умереть...» Китайский мужик своей бабе так не споет.

БАКИНСКИЙ «КРЫМ-22»

В Баку, как в начальной точке раскручивания закавказской спирали, смешалось все. Все разом в одночасье потеряло смысл жизни. Устойчивое и незыблемое доселе житие, подаренное в семнадцатом, разом осклизло, оползло, как домик из песка на каспийском берегу. Сутки порой шли, как час, минута, как век. Таких откомандированных отрядиков, как у Виктора и Славки, там была тьма. Армейским группам по защите мирного населения задачи ставили по пять раз в час с предельной конкретностью: «На ваше усмотрение и под вашу ответственность». Ни больше, ни меньше. Ответственность в государстве, стало быть, разом легла на погоны одуревшего от бессонницы, шума, истерик, мародерства русского капитана, сержанта, солдата. Определенный группе Виктора маршрут по перевозке беженцев из морского порта через местный спортивный клуб армии до авиагородка с целью дальнейшей их отправки в Россию менялся через каждые пятьсот метров. При внешнем спокойствии на улицах города средь бела дня гуляющих милых жителей и смеющейся молодежи устойчиво просматривалось, что драпали все неазербайджанцы. На этом фоне рекламные щиты, извещающие о предстоящих концертах местной знаменитости, выглядели нелепыми.

Выезжая на первую задачу, Виктор попрощался с Сатеник. Она несколько секунд с чуть подрагивающими губами смотрела ему в глаза.

— Ты решила, куда пойдешь?— Виктор чуть дотронулся до ее руки. Женщина, резко отведя засыревшие глаза, с минуту посмотрела на небо и исчезла навсегда.

Через двадцать минут Виктора оплевали. Его «Урал» тормознул на тротуаре. Происходила непонятная возня. Он выскочил из кабины, чтобы выяснить, почему стоящая кучка людей была так возбуждена. Втиснувшись в центр очага, он тут же получил все сразу. Женщина-азербайджанка, намертво вцепившись ему в грудь, истошно, истерично кричала какой-то непереводимой скороговоркой и без конца плевала ему прямо в лицо. Никто из ее окруже-

ния не шевелился. Все ощетинились, но молчали. Стояли, будто вросли в землю, глядя исподлобья. Выскочившие офицеры и солдаты очень быстро остудили групповое закипание, встав возле каждого из местных. Тогда завизжали все. Восемь русских действовали четко, по указанию — никого не трогали, подняли воротники, сцепили до побеления кулаки и тоже орали. Минут через десять все устали орать. Шумно дышавший пожилой азербайджанец, быстро успокаивавшийся, каким-то кротким глухим голосом, держа Виктора за обе руки, будто боялся, что он уйдет, стал быстро говорить:

— Ты не сердись, сынок, у нее неделю назад убили сына и внука. Она думала, что это ты... Те тоже были в камуфляжной одежде.

Женщина, сцепив губы, глядя на всех офицеров, беззвучно плакала с открытыми глазами. Пожилой азербайджанец пытался успокоить ее, что-то говорил ей, прижимая к себе. Ох ты, горюшко наше, но что же так тяжко у всех и сразу? Да есть тут хоть кто-то добрый и негрустный... Сидевший рядом прапорщик Леха, часто и сильно морщась, потирал плечо. Он саданул его, прыгая на ходу из кузова, чтобы подоспеть на выручку к Виктору.

— Да не три ты так, хуже будет, — мужики как-то сразу стали отходить. — До свадьбы заживет.

Леха, враз перестав тереть, несколько секунд хлопал глазами:

— Дак я женат!..

Хохот стоял до порта.

В порту был 22-й «крымский год». Стихийные людские потоки создавали впечатление, что передвигались только чемоданы. Очумелых ребятишек таскали или повесив на руку, или волоком. Вполне естественно: где «стерва-война», там снует и чья-то «мать родная». По мере усиливающейся беды плавно росло мародерское мастерство. Если у людей много вещей, им, стало быть, столько ни к чему. Спрос был на все, от градусников до золота. Снующие темные людишки чутко оценивали скупочную стоимость народных излишков. Когда тащит один — это воровство. Когда масса — бизнес. То тут, то там слышались бабьи вопли, мужицкие характеристики происходящей ситуации. Нередко вспыхивали драки, стихийные митинги. Нужность

в профессии защитника Родины в разных концах порта часто была нужнее обычного. Но так как здесь не присутствовали члены правительства, во всем виноваты были только военные. Постоянно мелькали те, кто всегда страдает больше всех. Виктор отбивался от них очень просто, зычно рявкая:

— Хватит! — Оставляя оцепеневших наедине с собой. Возле «Урала», переводя дух, приходила в себя сборная семья из девяти человек. Рядом со спящим в ванночке ребенком, покрытым стеганым одеялом, стоял гроб. Сидевший на корточках постаревший в одночасье армянин курил, приобнимая «этот домик» отошедшего от суеты и мирских мучений человека. Потный Виктор соображал обо всем сразу. Передвигаясь без суеты, шума и излишних разговоров, военные за несколько часов четко вписались в обстановку хаоса. Помогающие во всем и оказывающиеся везде к месту курсанты Бакинского военного училища на глазах взрослели до офицерского профессионализма. Нередко мелькали валяющиеся или приклеенные листовки со знакомым текстом. Одну водитель отодрал от фар. Славка сказал, что они печатаются в Турции, по заказу местного Национального Фронта Азербайджана, и в открытую перегоняются по нужным адресам. Доставив на территорию части очередную группу беженцев, среди которых больше всего было русских и смешанных русско-армянских семей, Виктор с ребятами, воспользовавшись кратким затишьем, осторожно помогли перенести гроб в ангар аэродрома.

— Вы где будете ночевать? — осторожно спросил он постоянно находящегося рядом со своим горем мужчину.

Тот не отвечал. Стоящий неподалеку молоденький паренек тихо поманил Виктора в сторону.

— Там его жена, — парень отвернулся, — моя мама. Ее неделю назад... В общем, она погибла.

Их близкие тихо стояли в сторонке, смотрели на офицеров, ничего не прося и ни в чем не обвиняя. Это была их беда. Они никому ее не навязывали. Да ее все и избегали. У каждого своего горя было в избытке. На чужое уже никто не откликался. Души всех были переполнены. Лишнее туда просто не вмещалось.

...А вечером мужика прорвало. Он скреб ногтями по

наглухо заколоченной деревянной крышке, все пытаясь прорваться к жене. Что-то невразумительное нес и все выл: «Ы-ы-ы...» Его, пытаясь оторвать, возили вместе с женой по всему ангару. Он орал: «Уйди-и-и, гад, уйди-и-и». И, иссякая в вое, как в последнем усилии, вдруг начал бить офицеров, хрипя: «А вы, почему живые... Почему вы ходите... Почему?..» Вдруг мужик враз осел, посерел. Теперь близкие стали орать на ребят: «Уйдите, проваливайте отсюда»...

Возвращаясь в общагу, офицеры перессорились до драки. Полчаса сцеплялись и разнимали друг друга. Зашедшегося в истерике Сашку связали, положив на пол. Он все рвался убить этого мужика, крича: «Я-то тут при чем?! Я войну видел! Меня в Афгане так не кляли...» Досталось и прибежавшему патрулю. Потом Сашка плакал навзрыд, как ребенок. Ехали набок ртом и все вместе с ним сидящие. Потом Сашку неуклюже веселили, наливали спирт, чем-то закусывали. Все было дрянно, не по-людски и не по-русски.

По телеку Михаил Сергеевич витиевато рассказывал о новых путях. Потом была «Песня-88».

«Когда в тебя вселился этот бес, и ДО, РЕ, МИ, ФА, СОЛЬ, ЛЯ, СИ, МИ, ФА-диез...»

ВРЕМЯ – ЦЕЛИТЕЛЬ

Утром будят всегда не вовремя. Пришедший от Славки старлей Ренат Игматуллин позволил Виктору поспать еще одну минуту.

— Незваный гость хуже татарина, — пробормотал Витька спросонья, но тут же сообразив, что ляпнул что-то не то, залез под одеяло. Пословица серьезно осложнила его положение. Ренат неспешно перевернул кровать. Сидя на полу с матрасом на спине, Виктор, как из шалаша, исправил ситуацию:

— Ладно, незваный гость лучше татарина!..

Сегодня у них был выклянченный выходной. Теплый Каспий освежал скомканные Карабахом мозги. Местный Бродвей был полупустой. Сидевший у бордюра малыш, уйдя в свой мир, созерцал процесс купания двух воробьев. Забытая им сетка с хлебом лежала рядом в той же луже. Виктор с Ренатом шли в гости к своему сослуживцу по Афгану Косте Никольскому. Там, на войне, Костя был снайпером, снайпером-гастролером. То есть был прикомандирован к «Чайке» из другой части и, исходя из профессиональных соображений, не задерживался дольше одного месяца ни на одной из четырех баз. У него был свой стиль работы, своя «клиентура». Стрелком он был высококлассным и никогда без зарубок на прикладе не возвращался. Для любого времени года, суток и часа у него была своя экипировка, которую он готовил настолько талантливо, что если бы существовала фирма «Снайпер и К», она была бы лидером этого направления. Это был весьма странный человек. При его безупречном мастерстве — мог попасть белке в глаз ночью с завязанными глазами — его не очень уважали. Даже, точнее сказать, не уважали совсем. Костя очень любил убивать. Его такое желание как-то неуловимо, даже в Безбожное время, не стыковалось с профессиональным предназначением других мужиков. Они тоже убивали, но причины этих поступков и последующие осмысления расходились с Костиными на 180°.

Однажды он вернулся «пустой». Нет, не промахнулся, а просто «дух» не появился. Костя весь вечер был

злым. Не оттого, что допустил профессиональную ошибку, а оттого, что не убил вообще. Он долго охотился за «духовским» снайпером, работавшим по гарнизону с одной из четырех рядом находящихся мечетей. Костю сюда впервые вызвали именно из-за этого. Стало невозможно ходить из-за этих обстрелов, даже днем в туалет — ждали ночи. А если уж прижмет, то в ямку за безопасной стеной. Самое сложное было в том, что снайпер работал в минуты заунывного мусульманского пения. Это была неподдающаяся, до невозможного осмысления, охота человека за человеком. Той промозглой осенью Костя исчезал бесшумно и появлялся так, что никто не мог засечь это время. Он высох, сутками молчал или просто лежал не шелохнувшись, отвернувшись к стене. В гарнизоне «духом»-снайпером были убиты уже три солдата и офицер. У народа при встрече с Костей замелькала тень недоброго вопроса: «Когда?..».

При гибели четвертого мужики кучкой зашли к нему в комнату и встали в дверях. Костя как всегда лежал к ним спиной.

— Костя, очнись! Давай поговорим. Может, куда врезать надо?

— В прошлый раз что-то такое было, так подняли одну 24-ку, «объяснили» двумя заходами, что так делать нельзя — молчали до сих пор.

Костя не шевелился.

— Мы понимаем, что это мечеть, — пытались продолжить разговор мужики.

— Да долго валяться-то будешь?— пришедшие не на шутку завелись.

— Тьфу, — они плюнули в его сторону и грохнули дверью.

С этой ночи снайпер «загулял». Двое суток не вредили и с мечети. Его иногда как будто замечали мелькнувшей тенью и вновь замершего на долгие часы и слившегося с местностью настолько, что часовые, знавшие о нем, порой чуть не наступали на него. Ребят разъедало любопытство и зудело нестерпимое желание хоть покосить взглядом на необычную «романтическую» работу. Но их настолько вразумительно ранее пресекли в этом плане соответствующие структуры, что солдатик, скользнув мимо в

зигзагообразном окопе, делал все, чтобы выглядеть естественно безразличным. А на третьи сутки в шесть утра в гарнизон бесшумно скользнул счастливый Костя. Без стука, с нехорошим торжеством и наслаждением вошел в модуль к тем мужикам и, бросив на стол окровавленную зеленую повязку, демонстративно сделав надрез на прикладе своей винтовки, плюнул, как они в прошлый раз, и вышел. Снайпер от Бога в начале, в ту секунду он перестал быть им. Никогда не занимаясь такими штучками, он вдруг сам придумал их — стал за деньги стрелять «на спор».

Однажды в организованной им пьянке он «отстрелял» весь небогатый финансовый запас у трех человек. Мужики, наутро осознав свои грехи, всерьез расстроились. Костя же нахально и искренне радовался. И окончательно отошел от сердца полка. А дня через три улетел. Его никто не провожал, а при случайном прощании с глядящими через его голову сослуживцами, получил пожимающее плечами: «Ну, будь». А коли будь, то и забудь. Исчез из памяти вместе с оторвавшейся от ВПП вертушкой.

Виктор неожиданно встретил его здесь. Время выскоблило капризы и нежелание встречаться. Не до того. Афган своей памятью сблизил их опять. Да вообще русская кровь не злопамятна. Есть у нее живой источник, называется Смирение. Изменился и Костя. Видимо, он немало побродил по себе, слушая убедительный вразумляющий шепот души и сердца. Мужики сидели долго. Много говорили. Много молчали. Фронтовое молчание порой ценнее мирского разговора. Очнулись от игрового шума пятилетнего Костиного сынишки Димки.

— Дядь Вить, пошли, чет покажу.

— Ну, пошли.

Костина жена Надя пыталась остановить сына, но Димку распирало. Ему не терпелось продемонстрировать свое мастерство «печатывания» на канцелярской «писающей» машинке. Все враз оттаяли, умиротворились. Целебное это слово — «ребенок».

МЕЖА

Ночью затрещала государственная граница. Далековато. Километрах в двухстах. Но волна от тряски госштакетника докатилась до гарнизона Кола по спецсвязи минут за двадцать. Все группы подняли по сигналу «сбор». Одевались не спеша. Чуяли: идти надолго и неблизко. Из офицерской столовой все вышли с мыслью: где б перекусить? Залив стреляющий холостыми желудок розовой марганцовочной водой «от всего», решили: «Не тушенкой единой жив офицер». Главное оружие военных — дух. Сильный дух — целое тело. Предутреннее построение проводил затурканный всеми делами полковник. Из всего сказанного ясно было одно — надо куда-то ехать. Дополнивший его начальник штаба несколькими словами все расставил по своим местам. Задача была следующая: «На удалении 190 км с курсом... в квадрате винного Агдама в течение трех-пяти суток, в зависимости от сложности и напряженности обстановки, автономно выполнять моральное, а если нужно и физическое сдерживание конфликтующих национальных сторон. При обоюдном содействии с личным составом внутренних войск. Штаб группы — передвижной, гастролирующий — будет находиться на автомобиле КамАЗ. Бортовой номер... Командир группы... Позывной «Шторка».

В каждой оперативной работе на местах участвуют не менее двух человек. Одиночные перемещения запрещены. Штатное оружие — пистолет ПМ, штык-нож. Пистолет применять в критических ситуациях с первым выстрелом в воздух, второй — в нежизненно важные части тела. Штык из ножен вынимать только в рукопашной схватке, угрожающей личной жизни. Далее шли инструкторские мелочи: столовское питание, отдых и так далее. В пятиминутном перекуре кто-то из мужиков, пытаясь пошутить, чуть нервно напел:

— Серая кукушка за рекой, сколько мне прожить еще осталось?..

За арыком хило тявкнул шакал.

— По машинам!

В «Урал» на ходу сиганули два журналиста. О них речи на построении не было, но так как самые стабильные и ощутимые заработки случаются на беде, то они оказались в кузове раньше всех. В связи с тем, что вдруг Азербайджан стал «неделим», НФА (Национальный фронт Азербайджана) было принято решение: «Долой границы!» Перед этим, вечером, по республиканскому телевидению Азербайджана в информационной программе был показан короткометражный сюжет: участок пограничной заставы на границе с Ираном, сигнальная система, рядом молодой парень-азербайджанец играет на гитаре. Затем он собирается «сигналку» преодолеть. В него стреляет русский пограничник. Последние кадры — гитара с порванными струнами лежит под пареньком. Открытые мертвые глаза смотрят в кадр, горит заградительный забор. Голос известного диктора своими «разъяснениями» по телеку и радио галопом нес в неизвестное. Вслед за этим фильмом рекламировалось повальное братание личного состава Советской Армии и самостийных частей добровольческой армии республики. При чуть более внимательном просмотре неуклюжая режиссура все-таки обнажила свой тайный замысел. Офицеры поняли, что на эту минуту, если что, главная трагедия в стране — быть военным.

Первые двадцать минут ехали, как водится, не туда. Ошибку самокритично списали на водителя. Маленькая колонна состояла из двух КамАЗов с тридцатью офицерами, прапорщиками и несколькими солдатами, разместившимися по пятнадцать человек на каждом борту, и одним ЗИЛом с продовольствием для мирных жителей. Колонна неспешно шуршала по бывшей когда-то асфальтовой дорожной ленте, выжимая из себя 70 км/час. Головной КамАЗ, в котором вместе со Славкиными МВДшниками, прижавшись для сугрева друг к другу, сидел со своей командой Виктор, всю дорогу пытался доказать простуженным хрюканьем двигателя, что он тоже участник войны и имеет права на льготную 50-километровую скорость.

Ехавший в нем в свою зону ответственности личный состав был готов ко всему. Короткие стрижки, сбритые усы (а ну, рукопашка?..), обрезанные ногти на пальцах рук и ног, чистая, свободная и ношенная камуфляжка,

еще те, гуманитарные, афганские кроссовки «Адидас». Рюкзаки тщательно подогнаны, усилены в плечах. Из оружия только пистолеты ПМ, ножи, которые строго запрещалось применять. У солдат только штык-ножи. Все сидящие верили друг другу во всем. Чуть спустя, за Баку, народ отчего-то заподнимал глаза. Десантник Мишка нащупал в бушлате случайно забытые четыре сухаря. Демонстративно и шутливо похрустеть в одиночку ему дали секунд тридцать. Отвернувшийся Толик, как бы сам для себя, но громче КамАЗа, подытожил:

— Красиво жить не запретишь!

Хлеба хватило на всех. Мишка бережно ломал сухарики по кусочкам и четырьмя хлебами накормил пятнадцать человек. Война учит есть хлеб по крошечкам, очень бережно, с ладошки и особенно ценить этот Божий дар. Дорога-змея все чаще делала попытку сбросить с себя колонну. От подъемов и спусков, загибов и ухабов у КамАЗа охрипла выхлопная труба, постоянно икал двигатель и кардан заработал радикулит.

На нечастых остановках мужики дружно окружали машины, стоя лицом вплотную к бортам. Ближе к точке подхода народ замкнулся и ушел в себя. Виктор рассматривал друзей, дотошно зная каменистую судьбу каждого. Вспомнил курсантский урок в сибирском училище, на котором старый мудрый полковник в отставке, Герой Советского Союза, после того боя с призывниками с Кавказа на железнодорожном вокзале сказал:

— Ваша главная обязанность, сынки, научиться не профессионально убивать, а достойно умирать за Родину.

Да-а. Ты прав, полковник, если умирать, то достойно. Только почему мы мрем за всех подряд?

Рядом с Виктором на каждой кочке подпрыгивал Валерка, истоптавший с ним весь Афган. Он ушел на войну, перетянув свое фото черной лентой, а жене приказал, если что, выйти замуж за парня не хуже его. Для нее лучше парня, чем Валерка, при всех житейских передрягах не нашлось. Да она и не собиралась его искать. Видимо, именно в такие жизненные минуты определяется совместная нужность его и ее.

Здесь победила обоюдная. Сидящий напротив капитан Ластовский вернулся из Афгана один из всего со-

става своей пэдэгэшной группы. Он сам доставил погибших друзей до хаты в Ленинград. Выслушал все сказанное глазами от почерневших отцов и умерших, когда те еще были живы. Ластовский к этим двум крестам, стоявшим на могилах друзей, каждый год, уже восемь лет, последние метры полз на коленях, прося прощения у мужиков, что остался жив.

Сидевший неподалеку Семен, стоя тогда, в 86-м, у закрывающегося люка улетавшего на Кабул самолета, на вопрос подруги, куда тебе писать, честно ответил: «Не знаю. Пиши... на сердце. Просыпаясь, желай доброго дня, а ложась спать — спокойной ночи. Всегда спокойной. И я найду тебя. Позвони мне на сердце своими мыслями, и я отвечу». Она год писала и звонила ему душой ежедневно. В ответ у нее екало сердце. А, однажды, под утро, оно защемило. Это он позвонил в дверь.

На цель вышли с опозданием на час. На типовой центральной улице им. Мардохея-Маркса, всю жизнь гнавшего Бога с небес, недавно завершившийся августовский митинг с повесткой дня «о праве на самоопределение» плавно перешел в неплановое послемитинговое подведение «итогов».

Дрались все. Вооруженные до зубов мирные жители кинжально шли стенка на стенку за правду с обеих сторон. Учитель шел на учителя. Его ученик топтал его ученика. Врач резал врача. Мать рвала мать. Отец добивал отца. Дети гибли без претензий на территориальную целостность и обид на взрослых, не успев наиграться в песочнице и полазать по чужим огородам. Выражение их глаз для дядек и теток о праве на детство были неубедительны и неуместны. В людском клубке мелькали то рядовые граждане СССР, то милиция, то республиканский спецназ. С момента появления на земле человека самые жестокие и кровавые побоища стали за межу. Вселенский бой и трагедия, в частности, заключались в том, что межа, оторвавшись от земли, пошла по Вере. Полумесяц, искрясь, зубрился о Крест.

...Да здравствует созданный волей народа... Э-эх, человек! Доколе своей-то волей жить будешь? Не по-Божески. Осядь! Почему убиваешь ближнего за то, что, в сущности, не твое?

Прибывшие с небольшим опозданием военные высаживались на ходу. Отработанные действия для данной, уже привычной ситуации, выполнялись только наполовину. Не новичок-водитель, который утратил рулевую ориентацию от людского хаоса, вдавив обе ноги в полик и визжа тормозами, не заглушившими его ошалевшего крика, с ходу врезался «уральским» буфером в глинобетонный дувал и, опрокидываясь в крутом поворотном крене из-за выросшего внезапно перед носом машины ребенка, завалился на левый борт, осыпая ограду через разорванный тент мукой, сухпаем, сахаром и поливая весь этот «салат» подсолнечным маслом, брызгающим из бьющихся и хрустящих стеклянных бутылок. Офицеры, получая за все от всех, схватившись за руки добела, без конца разрываясь и сцепляясь снова, кричали, и этот словесный рев становился все более сочным. Увеличивая трещину в искусственной человеческой льдине, они под градом ударов в спину, голову, шею и ниже пояса, сплошь и рядом нарушая инструкцию о личной защите, впопад и невпопад хлестали митингующих кулаками. Под людскими ногами металась обезумевшая от страха кошка, держа во рту сразу двух котят и ежеминутно их роняя. Она не понимала, почему затаптывают ее детей, которых еще час назад любило все село.

— Витька-а-а... Вить... — захлебывающийся и орущий шепотом Толька, стоя на коленях, держал перед лицом ладошки блюдцем, быстро наполняющиеся его стекающими глазами. Виктор не слышал выстрела дробовика. Увидел только, как бородатый мужик, лихорадочно переломив ружье, вбивал в ствол новые патроны.

— Ну... штык! Докажи, что ты молодец!

Перерубленное лицо стреляющего перечеркнулось, как фломастером. Витька прикладом отобранного ружья расчищал площадку к походной санчасти, держа согнувшегося Тольку под мышкой. Тот закрыл лицо руками и не то подвывал, не то мычал. Славка залез на капот «Урала» и, топоча ногами и достреливая в воздух вторую обойму из ПМа, орал:

— Стоять!.. Разойдись!.. Стоять!.. Разойдись!..

На краю нечеловеческой стихии елозила одуревшая баба-молоканка, спасая упирающуюся корову, исходящую

обильной слюной и ревущую взахлеб человеческим голосом. Женщина была в фуфайке, надетой почти на голое тело. От страха за свою корову ей было совсем не стыдно за себя. Страшно лаяли собаки. Плачущий по-бабьи старик, стоя на карачках, весь грязный, в крови собирал в кучу руки сына, которых было почему-то очень много. На другом краю адовой пляски обе стороны дружно били троих офицеров за то, что они мешали Алику и Ашоту убить друг друга. Сходившего от всего этого с ума солдата Славка усмирил, засунув ему пистолет в рот, рыча в ухо и тряся с силой за нижнюю челюсть:

— Заткнись, скотина, а то убью здесь же!..

Завалившегося набок и вибрирующего от лихорадочной тряски солдата запихнули под «Урал».

Час спустя в наступившей тишине было плохо всем. После беглого подсчета «на глаз» в селении стало меньше учителей, учеников, врачей, отцов, матерей и детей. И чего-то более главного. Ненависть, насытившись, на время залегла в свое логово. «Шторка» была подпалена и серьезно прожжена. От человеческой бойни выиграли только собаки, обалдев от продизбытка из перевернувшегося ЗИЛа. Сидя мирно, рядышком, выли, запрокинувшись назад, разные матери, еще больше любившие отживших свое детей. Перебинтованные, пахнувшие гарью офицеры, уже организованно раздавали оставшиеся целыми продукты. Азербайджанцам — с 8:00 до 14:00, армянам — с 15:00 до 21:00. Людская струйка отоварившихся, хромая и постанывая, ползла от аварийного «сельпо» к русскому врачу старшему лейтенанту Диме, которого час назад так и не смогли забить камнями. Убивая друг друга на родном языке, все с удовольствием лечились и просили хлеба на русском.

На оторванных воротах лежал лейтенант Толик. Бинты, закрывшие толстым слоем его лицо, часто набухали от крови, и их меняли, как могли, стараясь не вглядываться в безглазые пещеры друга. Он чувствовал себя пугающе хорошо, даже не стонал. Просто смешно покряхтывал, от чего было еще страшнее. Через полчаса его, недопевшего, недолюбившего, недописавшего мамке последнее письмо, бегом, полусогнувшись, несли на плащ-палатке к прибывшему борту «восьмерки», которая по аварийному зап-

росу «Шторки» прибыла за раненым. Перед самым вертолетом Тольку, замедляя шаг, осторожно опустили на землю, и мужики закрыли лица пилотками. По какой-то нелепой иронии ему забыли, а может, не осмелились закрыть несуществующие глаза. Кто-то горько вздохнул:

— Пусть хоть так перед землей насмотрится.

Его похоронили по месту службы. Без родных. Жена не приехала за ним, а родители давно умерли. М-да. Баб на Руси по-прежнему хватало, а офицерских жен становилось все меньше и меньше. Гарнизоном прослезились на похоронах, «горсовет» сказал речь. После «третьей» у могильной звезды и разбежавшихся по небу трассеров — разошлись. Да что те трассера? Все одно, без молитвы и креста — земля не пухом и могилка неухоженная.

ЦК держал руку на пульсе издерганного, бесхозного Карабахского тела. На эту минуту его давление, по мнению ведущих карабаховедов, было допустимое и плановое. Двенадцать на тридцать шесть. Двенадцать убитых на тридцать шесть изуродованных. Лейтенант Толька «удачно» вписался в штатные потери. Трое суток спустя мужики, вернувшись на место дислокации, с треском нахлестались. Через сутки «Шторку» планово сняли и пустили на ветошь. Пробитые в ней места тщательно вырезали и сунули в топку, ликвидировав сразу массу вопросов. На ее место вбили «Крюк». Очень удобное орудие: и воткнуть можно, куда попало, и что попало на него повесить.

МАТЕРИНСКИЙ ЗОВ

В ноябрьский день торопливый поезд уносил Виктора на подушке ночного сна, заставившего его по тревоге рвануть из Азербайджана в далекий Восточный Казахстан, на место родительского начала. Его голова и карманы были наспех напичканы массой всяких изменений. Вплоть до очередного звания майора и внезапного перевода на новое место службы — под Тбилиси. В центр всего житейского хаоса прочно прилип нехороший утренний сон, ставший причиной немедленного отъезда. Виктор будто видел сумеречный рассвет, свежевырытую могилу на деревенском кладбище и зависший над ней большой деревянный Крест. Первая мысль: что-то с болящей матерью, утянула его на вокзал.

Казенная купейная жилплощадь уюта в дороге не создала. Еще более престранным было присутствие Виктора, как свидетеля, при вечном споре двух таинственных и тем еще более привлекательных тварей перед самым отъездом. Он оказался на Гадовой дороге именно в ту секунду, когда гюрза не спала. Сегодняшний день был спокоен для нее, как никогда. Ее идеальный круг и узор на ее теле, мерцающая серебристая чешуя были вершиной изящества и природного творения. Виднелись только суженные зрачки, остальную часть головы она удобно скрыла в «яблочко» многокольцевой круговой мишени. Сегодня гюрзу никто не беспокоил уже несколько часов. Дети давно покинули ее. Мать дала им жизнь, сделав все, что было дано ей ее тысячелетней мудростью и инстинктом. Оберегая их от первого мгновения опасности при зачатии яйца до того, как она уже обучила их искусству выживания, позволяющего им сохранить себя от всех житейских невзгод этого непредсказуемого мира. У нее было все, и она обладала всем. И материнской плодовитостью, и необходимой властью на отвоеванном жизненном пространстве. На ее дорогу, зону добычи пищи и дом никто здесь не осмеливался посягнуть.

А она бы и не отдала. Гюрза никому первая не причиняла зла и в ответ желала того же. Она много повидала на

своем веку. И жестокость своего мира, и беспощадность человеческого с нечастым добром с обеих сторон. У нее на глазах люди любили, рожали детей и тут же убивали друг друга. Строили свои жилища и уничтожали чужие. Взлетали в небо и падали вниз, разбиваясь насмерть. Неблагодарно и властно пользовались щедростью земли и плевали на нее. Но покой вековым не бывает. В последнее время ее стало беспокоить чье-то чужое вторжение на ее территорию. Кто-то стал самовольно и дерзко пользоваться ее владениями, включая дорогу и воду. Своим безошибочным наитием она определила, что это был чужестранец. Не человек, но и не тот, кто носит ядовитый зуб. Кто-то другой. Гюрза, бесшумно и грациозно стекая с аэродромной бетонной плиты, заскользила в сторону водной прохлады.

Сейчас Виктор неторопливо, с более чем привычной осторожностью завершал проход по особенной тропе. И вдруг он замер, задохнувшись на вздохе. В трех метрах от него в стойке друг против друга застыли неспособные тысячи лет разойтись в вечном споре за свою, гадову межу, гюрза и уж. Они, доселе долго не желающие встречаться, сейчас сошлись насмерть. Первая и главная владелица своей земли и невольный искатель, попавший сюда похожим на ее жизненным путем, такой же изгнанник. Друг против друга стояли две жизни, чтобы решить единственный вопрос — кто из двух будет здесь главным. Виктор не дышал. Ему довелось стать свидетелем редчайшего таинства и невольным судией смертного спора змей — кому жить. Вздутая от смертельного напряжения гюрза, шипя со свистом, с чудовищной скоростью сплеталась и расплеталась в едва улавливаемые глазом причудливые петли. Ее разведенная до линейного предела пасть, невидимый от жуткой частоты колебаний язычок, горящие рубиновым светом глаза и выведенный для главного удара на большую длину игольчатый золотой зуб, на конце которого вибрировала ядовитая капелька, держала Виктора в гипнотическом оцепенении. Уж, по телу которого перекатывались стремительные волны от золотокоронной треугольной головы до раздутого хвоста, грушевидный конец которого находился у его пасти в виде удлиненного крутящегося кончика, колдовал гюрзу монотонными маятниковыми раскачиваниями головы и вылетающим в ритм этому на непривычную длину своим

раздвоенным язычком. Так продолжалось несколько минут. И когда в начальную, тысячную долю секунды, не выдержавшая гюрза атаковала первой своим золотым зубом, уж, опередив ее с невероятной, неуловимой для человеческого глаза скоростью, молниеносно чиркнул кончиком надутого хвоста под голову соперницы. Гюрза провисла, сморщиваясь и складываясь в вибрирующее кольцо. Уж, встав в торжествующий, чарующий столбик, несколько секунд гарцевал, убеждаясь в победе над ядом. Гюрза, часто сплетаясь и расплетаясь, вилась причудливыми кольцами с беспорядочно мотающейся подрезанной до шейной кожицы головой. Уж, оставляя за собой на влажной земле танцующий волнистый пунктир, уходил к воде новым хозяином гадовой межи. Несколько минут спустя уходил и Виктор, потрясенный и не способный осмыслить увиденное. Позже, когда он говорил о местах своей службы, этот гарнизон всегда вспоминался ему не иначе как: «А, это тот, где жила гюрза?..».

...Трое суток спустя у медленно подходящего поезда стояли уже давно ждущие сына старенькие родители. Вглядывающийся в каждое окно вагона, перекладывающий без конца из руки в руку кепку отец и капающая неостанавливаемой слезой мать. Дома.

Виктор приезжал сюда каждый раз, как в первый раз. Здесь все взрослело и менялось вместе с ним. От голопузой босоногости до новоиспеченного майорства. Крепенькая банька добросовестно отмечала древесными зарубками его жизненный рост. Ах, как его ждали все! И голосистая сучка Тоська, заливаясь и пофыркивая в собачьем восторге, носившаяся кругами по зеленой ограде, взрывая на разворотах круги земли. И смущенные близняшки-березки. Он помнил их девчушками, а сейчас у родительской калитки стояли неповторимые, повзрослевшие и оттого еще более похорошевшие русские красавицы. Каждый Витькин путь домой с войн был для родителей, как новое рождение. Здесь все было у него своим. Даже бесстыжие зенки у поросенка, зарывшегося по уши в грязь, были свои в доску. Он, уйдя отсюда еще в солдаты, будто не уходил никогда. В доме перестали скрипеть его звуком даже затосковавшие по нему половицы. Тот же одноглазый, горластый и ревнивый к кому попало петух-бабник,

и крыжовник-ежик, тополь-щеголь, бабушка-черемуха и цыганка-роза радовались ему, как умели.

Даже раскисший на заборе и ожиревший от лени и бессовестной вальяжности кот по-прежнему, как десять лет назад, приоткрывал буквально из последних сил один глаз. Он безо всяких эмоций наблюдал за двумя зашедшимися в охриплом лае от столь очевидного кошачьего хамства псинами, которые, собирая последние усилия, старались в прыжке достичь его хвоста. Кот опускал его настолько, чтобы взлетающие дворняги не достигали кончика ровно на один сантиметр. Наконец, он, устав от собачьей бестолковости, с трудом перекинул не первой свежести хвост на другую сторону забора.

Дома... Вечером помолодевшие родители старались успеть за всеми у накрытого стола. Пришло полдеревни. Не каждый день такое событие. Парень приехал с войны, да еще целый. Виктор внимательно, с украдкой смотрел на мать, — приснится же такое, Господи помилуй! До сих пор передвигавшаяся с трудом, опираясь на костыль, сегодня она где-то забыла его. Эх, русское застолье, деревенская простодушность. Все деды враз стали генералами, а бабульки — невестами. Все учили Виктора жить и воевать. Ребятишки висели скопом на родительских коленях, чтобы все узнать и успеть что-то вкусное стырить со стола. Бабка Лукерья, ежедневно просыпающаяся со словами: «Слава Тебе, Господи, что я не в тюрьме и не в больнице», — все требовала от Виктора дополнительных доказательств, что война в их деревню не придет. А смешливый дед Федор, повеселевший от пятой фронтовой рюмки, все затягивал любимую песню: «...Мне б до Родины дотронуться рукой!..». Пел он ее очень серьезно, от сердца. Дедушка с войны пришел без обеих рук, но сидевшим за столом не приходило в голову даже усмехнуться. К середине мероприятия бабы все чаще осаживали разошедшихся вояк. Каждый третий мужик оказался законспирированным Стенькой Разиным, а их бабам всерьез начала угрожать судьба княжны. Самый загадочный тост в России: «Пьем за твое здоровье!». Двадцать человек — двадцать искренних желаний от души, от чистого сердца. Но пьяное сердце чистым не бывает. Дальше правил балом желудок. Перепуганный двадцатым стаканом ум куда-то делся.

— Даешь шашлык!

Из гурта, волоком, тащили самую лучшую овцу. Парализованная от страха, она только беззвучно блеяла, разведя широченные темные глаза, истекающие обильной слезой, да крупной дрожью колотились друг о дружку стянутые петлей копытца. Лучший скотобойщик стола, ловко завалив ее, невыносимо долго тянул время с выбором тесака.

Масса консультантов, толкаясь и мешая всему, ревниво следила за процессом забоя, без конца отпихивая путавшегося под ногами вырвавшегося за матерью ягненка. У овцы это был тот горький час, ради чего она жила, и ради чего человек с любовью, кропотливо растил ее, радуясь каждому рождению ее нового ребенка. Сегодня, в эту минуту, люди любили ее еще больше... С нетерпением ожидая пришедшей, наконец, возможности оценить плод своего труда.

...Какой же человеческой слезой плакала эта не признанная человеком мать, какими умными, все понимающими, были ее глаза. С каким немыслимым терпением она ожидала тот миг заклания, для которого была рождена. Мужик резко задрал овечью голову...

— Не дам!

В разом наступившей тишине все закрутили головами.

— Резать не дам!

Все застолье оторопело и, перешептываясь, смотрело на Виктора. Забойщик с раздутыми ноздрями и кровяными глазами, еще не уразумев до конца смысла и серьезности требования, какие-то секунды машинально продолжал выполнять свою обычную работу. Его руку с тесаком заклинило от мертвого перехвата на верхней точке изготовки.

— Овцу резать не дам, — едва успокаиваясь, внятно произнес Виктор. На удалении десяти сантиметров, глаза в глаза, опасно столкнулись две жизни из-за одной, грошовой, не стоящей того. Первой пришла в себя мать. За ней, в помощь, завелись бабы. Минуту спустя деревенское трапезное балагурство было восстановлено. Вновь зачокались стаканы, все опять возлюбили друг друга, и вдоволь хватало еды. В стороне стояла никому не нужная, забытая всеми, мелко подрагивающая овца, облизывающая свое игручее дитя. У овцы не было в жизни счастья. Несчастье

помогло ей дожить до своего овечьего конца. Пусть без особых льгот, но со странным оберегающим ее именем — «Викторова овца», и отойти в мир иной своей, бараньей смертью.

К обеду следующего дня Господь все управил, внеся полный смысл в цель поездки. Сын, отвечая за отца, покрестил 60-летних некрещеных родителей. Тяжко болящая мать согласилась с радостью человека, сбросившего с души тяжелый груз. Вечером оба крещеных старика заметили, что день в доме прошел непривычно благостно. Оставшиеся три дня Виктор торопился использовать для решения всех накопившихся вопросов — от рубки дров и заготовки сена до возвращения долгов. Последнее было самым-пресамым тяжким. Долг, состоящий из сотен поклонов и мужских поминальных просьб, он, собравшись с духом, повез в райцентр родителям вертолетчика Димки. Расставаясь со всеми при выходе с Афгана, все старались попросить друг друга выполнить такие щепетильные нелегкие просьбы, как поклон у могильного креста боевых друзей. Возможность выполнить такое лично была не у каждого. Виктор вез этот полковой поклон уже несколько месяцев, и эта затяжка очень тяготила и угнетала его. По мере приближения к месту, где жили Димкины родители, он все больше и больше нервничал и волновался. Их дом стоял на улице имени их сына.

...В тот день в их хату ворвалась возбужденная соседка тетка Фрося и с порога начала орать:

— Анна, Анна! Семен! Бегите скорее, смотрите — про вашего Димку по телеку рассказывают ...убитого.

Чуть позже «полевая почта», тяжко вздохнув, и перекрестившись, толкнула калитку.

Через минуту заголосила баба, а полчаса спустя вся улица. После Димкиных похорон в поселке на две тени стало больше. Если бы не сгоревший заживо в пилотской кабине сын...

Дима — командир «восьмерки», зажатый бронеплитой в завалившейся на левый борт сбитой вертушке, уже не чувствуя жарящихся ног, в охватившем всю пилотскую кабину огне приказывал отекающим от жара ртом всем покинуть машину. Его подгоняющая людей к спасению сиплая, рычащая матерщина стегала по всем

замешкавшимся и рвущимся спасти его. Вот-вот рванут топливные баки.

В пытавшихся вытащить его правого пилота и бортача он просто начал стрелять. Отскочившие мужики, закрывая лицо от нестерпимого жара, видели, как командир сгорал на глазах, корчась и затихая в движениях от чудовищной температуры. Он не успел застрелиться, кисть с пистолетом обуглилась в момент нажатия курка. Секунду спустя восьмерка вытянулась до неба в огненный жгут. Если бы не спасительная гибель «за други своя», которая, может быть, и стала его высшим крещением, страна никогда не узнала бы его.

Вы правы, мужики, самый страшный выстрел — молчаливый взгляд отца на могиле сына...

В окне бесшумно тронувшегося поезда назад уплывали отец и мать. На душе было чувство большее, чем разлука. Материнские глаза прощались. 7 декабря, две недели спустя, мать умерла.

...С сокрушением и умилением сердца молю Тя, милостивый Судне, не накажи вечным наказанием усопшую незабвенную для мене рабу Твою, матерь мою Любовь, но отпусти ей вся согрешения ея вольная и невольная, словом и делом, ведением и неведением сотворенная ею в житии ея зде на земли, и по милосердию и человеколюбию Твоему, молитв ради Пречистыя Богородицы и всех святых, помилуй ея и вечныя муки избави... Аминь.

АРМЕЙСКИЙ «АВАНГАРД»

Внезапно пришла зима. Придворный авиационный гарнизон Закавказского ВО, с учетом этого, весь роился, суматошно имитируя наведение порядка. Сутки спустя здесь планировалось проведение итогового, годового военного совета. А сегодня весь личный состав старался успеть за четыре часа сделать то, что одиннадцать месяцев безнадежно ожидало своего часа. Стайки всех чинов и званий носились по своим секторам ответственности по принципу: пойди туда, не знаю куда, выполни то, не знаю что.

Но самое поразительное — через четыре часа проверяющая качество исполнения комиссия, действительно, не могла ни к чему придраться. Воистину неведомая мировому сознанию русская исполнительность! В центре строевого плаца, именуемого в городке «Красная площадь-2», у трехметрового руководителя третьего Интернационала уже почти час стояли, как три тополя, майор Николаев, капитан Суровцев и прапорщик Гуриев. Обойдя Ильича в очередной, восемнадцатый раз, они, наконец, благодаря армейской смекалке разработали план выполнения боевой задачи. Она заключалась в том, чтобы Владимиру Ильичу в час «икс» не стыдно было смотреть людям в глаза в результате реставрации. Необходимый материал с помощью военной хитрости к 18:00 был заготовлен полностью. Контроль исполнения задачи затребован на 7:00 следующих суток. В 18:05 — выпили. В 23:40 работа закипела. Ильич, с внешностью человека без определенного места жительства, чему соответствовал разноцветный за год пиджак, обклеванный нос и восседающая кремлевским секретарем на указательном пальце правой руки высокомерная ворона, тщательно скрывал радость от долгожданного к себе внимания. С целью уложиться по времени в установочный срок, единогласно решили красить, начиная с ботинок: при полной луне и подсвечивающем одной фарой «Урале». Сидящий за рулем Витя Гуриев при объезде вождя для более удобной подсветки четырежды удачно избегал лобового столкновения. В 4:20 краска закончи-

лась — чуть ниже плеч, под мышками. Сидящая в кабине троица, с трудом выговаривающая «Джевохарлал Неру», мучительно зевая, бросала на пальцах, кому идти на поиск краски и путалась при подсчете. Попало на Пашку. Вывалившись из кабины в 4:30, капитан Суровцев доложил о выполнении задачи в 5:15 едва слышимым поскребыванием пальца о дверь машины. Строго в 6:00 работа была завершена, и у исполнителей заслуженно захлопнулись глаза. Они разом проснулись от пушечного грохота, произведенного едва не оторвавшейся автомобильной дверцей. На подножке стоял начальник политотдела. Беззвучно разевая рот, он яростно тыкал на пьедестал. С него на молчавших исполнителей смотрел «сеятель». При ярком восходящем солнце его зебровый, с темным отливом костюм и ярко зеленая голова с уважением говорили о безупречном вкусе художников-авангардистов. За час до начала военного совета вождь со стыда закрылся кучей плащ-палаток со спасительной дощечкой «реставрация».

Завершившееся в гарнизоне казенное мероприятие к вечеру плавно перетекло в душевное офицерское: «А помнишь?..» Причина была более чем веская. Сосед-авианаводчик капитан Юрий Семенов указом Президиума Верховного Совета страны был награжден орденом Красного Знамени. После долгого осторожного стука мужики вчетвером переступили Юркин порог и демонстративно выражали смущение. Несмотря на его приглашение, столь подчеркнутая деликатная осторожность не была излишней. Капитан Семенов свою жену заслуженно боялся больше, чем минное поле, тщательно скрывая это от всезнающего гарнизона. Но сегодня, по такому случаю, Ленка дала «добро». И десять лет Афгана стали, как десять секунд и тысяча лет. Время, вошедшее навечно в офицерские сердца, то вспыхивало крепким мужским смехом, то закручинивалось капнувшей скупой слезой в стакан, стоявший у фото улыбчивого Вальки. «А помнишь?..» Уходили в бой однополчанами, возвращались братьями. Пусть ты уже не жил — твоя жизнь, отданная за мою, стала нашей одной для меня и моих стариков.

— А помнишь?..

Из тысяч дорог в Афгане для Юрки и Димки в тот миг высветились две главные: одна шла в рай, другая — в

ад. После того боя, не то скоротечного, не то длиной в сто лет, они стали единокровными братьями.

Димка тащил Юрку волоком по мокрому грязному склону, где выли все — и пули, и разъяренные на радостях «духи»: «Русские не уйдут!» Он, трижды раненный, выволок друга оттуда, где явно виделся «тот свет». Оба так перемазались кровью, что, где своя, где чужая, понять было невозможно. Юрка, бывший летчик, однажды сбитый под Джелалабадом, покинул кабину кувыркающегося в беспорядочном падении Су-25-го уже у самой земли. Он, успев приготовиться к катапультированию, все же получил такой пиротехнический пинок под зад, что первый раз за свои грешные тридцать лет перекрестился на купол парашюта, раскрывшегося в метре от земли. Потом он уже авианаводчиком рождался еще 76 раз, уходя в разведку по принципу: 76-ти смертям не бывать, а одной не миновать. Мать под Омском 76 раз сглатывала живой воздух, когда ее колотящийся сердечный материнский барометр насмерть держал сыновьи ноги строго на отметку «жизнь».

— Ну, третий... За тысячи в Валькином лице и вечную память.

РУЛЕТКА АЛЛАХА

В модуле у авианаводчиков запахло жареным. Пришедший из бани люд позволил себе вкусить деликатеса — жареной картошки. Когда ее запах начал разноситься по комнатам, соседские носы начали водиться влево, вправо на 90 градусов. Чтобы точно определить, кто сегодня богаче, надо было под любым предлогом вплоть до: «Мужики, вы случайно не слыхали, что на завтра дает метео?» — точно выйти на цель. При этом успеть на несколько ложек афганской редкости и плюс к ней лекарственную рюмку спирта.

— Что-то нам сегодня на удивление везет.

Розоволикие от банного распара Федя и «неправильный хохол» Петька за несколько секунд вычислили квадрат поиска. Петьку прозвали неправильным хохлом после того, как выяснилось, что он не ест сала. Это было замечено сразу по его прибытии в Кабульский «полтинник»: он не привез с собой визитную карточку хохла — шмат свинины. Он несколько дней вызывал этим подозрение, но вскоре все само собой утряслось, и ему этот недостаток был списан. В остальном это был «еще тот кум с пид Черкасс». Свой принципиальный недостаток Петро заменил любимой песней «...нэсэ Халя воду...». Он ее мог петь целыми днями. Поначалу слегка закипающий от ее бесконечного распева народ однажды не выдержал и, изо всех сил тарабаня солдатской каской по стене, начал кричать:

— Петро! Да она, твоя Галька, эту воду хоть когда-нибудь принесет? Хочешь, мы ей порядочное коромысло сделаем или кран домой проведем?

С этого момента Петька от песни не отказался, а стал ее петь, лишь беззвучно разевая рот. Оттого, что баня сегодня была что надо, то быстро влезть босыми ногами в первые попавшие шлепки удалось не сразу. Русская баня еще была ценна тем, что в ней поощрялось игнорировать устав: лезть в пекло поперек батьки, то есть развалиться раньше всех в парилке на верхней полке. Минуту спустя они уже стояли у комнаты, где жил капитан Валька с май-

ором Серегой Бахусом. На двери висело объявление, написанное наспех карандашом на неровно оторванном тетрадном листе: «Спичек нет, сигарет нет, соли нет». А чуть ниже, на всякий случай, для полной убедительности дополнено: «Нет дома».

— Врут!

Федя и Петро, не сговариваясь, кивнули друг другу головой и разом застучали. Никто не ответил. Тогда Федька, вытащив самый неоспоримый вещдок — фляжку, вполголоса в щель просипел:

— Мы со своим...

Через пару секунд за дверью зашуршали, щелкнул замок и их запустили. Стоящий в одних трусах розовый после бани Бахус, не пропуская их далее одного шага от дверей, таможенным голосом потребовал:

— Взболтни!

Мгновение спустя их было четверо. Бахус, он же старший лейтенант Серега, так был прозван за то, что он общим собранием части в своем округе был отправлен на войну для исправления «от зелья». На прощание он обещал больше одной не пить, и свое слово сдержал очень своеобразно, заменив рюмку стаканом. Офицерское собрание опрометчиво сроки и литраж не обговаривало. Валька дожаривал блюдо, трое завершали сервировку. Авианаводчик Валентин, капитан, бывший пилот с Ми-24 был переведен на эту должность за стычку и справедливую драку с замполитом полка. Этого честного, не терпящего никакого фронтового вранья парня однажды взвило то, что замполит-подполковник, находящийся в Афгане всего один месяц, уже сделал себе второй наградной. Причем снова на Красное Знамя, хотя не летал далее охраняемой зоны, с общим налетом всего десять часов. А Валька за неделю имел тридцать фронтовых полетных часов на сопровождение. Это возмутило всю часть, но допрос за все учинил почему-то один Валька, прямо в летной столовой, где так и спросил:

— Совесть есть?

У политрука совести для этого дела не оказалось, и на следующий день, после долгой тяжбы, Валентин взял и сказал командиру полка:

— С этим у... летать не буду. Или его в шею, или меня — в авианаводчики.

Две недели спустя Валентина из принципа, по личному рапорту, приказом сверху низвергли на выбранную им новую должность. Перед уходом с ним, не особенно таясь, попрощался весь полк. После этого Валя неспешно зашел в штаб. Замполит был в кабинете один.

— Слушаю Вас, товарищ капитан, — чуть напрягшись, сказал подполковник.

Валька вопросом на вопрос, потихоньку заводясь, спросил:

— Тебе от этого легче стало, скотина?

Далее из кабинета минут пять доносился грохот, слышались откровенные обоюдные характеристики. А еще через месяц, то есть сегодня, Валька с самым увесистым партийным взысканием и ликвидированным наградным на Красную Звезду жарил картошку в должности авианаводчика. В сороковой армии это были самые лихие, самые дерзкие мужики. «Ниже авиа не рухнуть», — говорили пилоты. У каждого из наводчиков была возможность за различные нарушения, а то и по другим причинам, из-за которых они здесь оказались, убыть в Союз. Но уж больно велико было здоровое офицерское честолюбие. Попробуй, объясни дома, почему какой-то сосед воюет, а тебя даже с войны прогнали. В гарнизоне этот поступок просто никогда никем не будет оправдан. Но хуже, конечно, будет детям. Они в таких вопросах, ох, как безжалостны.

А если еще кто-то из пилотов гарнизона погиб... Не-ет. Лучше в авианаводчики, своего рода штрафбат. Пилоты и техники, надо сказать, здорово уважали этих мужиков, называя их за глаза смертниками. Командиры частей, которым они были приданы, берегли их, как последний глоток воды в пустыне, легко ставя собственный глаз по значимости ниже, чем ценность этих офицеров. От их профессионализма всегда зависел исход боя абсолютно любого полка, батальона, роты, где принимала участие авиация. Порой им придавались помощники, которые заслуженно сдували пылинки с этих особенных людей. Их всегда встречали и провожали взглядом с невольным холодком в душе. С мыслью, никогда не способной понять ту существующую в них силу, которая позволяла им при всем этом быть, как все. Почти за каждую их голову, которые «духами» определялись по позывным, назначалась

немалая цена. При встрече так и хотелось спросить с трепетным уважением:

– Валька, почем сегодня твоя жизнь?

Самое невероятное, что у людей, отдавших приказ об их назначении сюда, она оценивалась за здорово живешь. Мужики при встрече приветствовали их по-особенному, а в магазинчике, куда они заходили, находящиеся там немедленно уступали им очередь, со страхом в душе ставя себя на их место. Страшась оттого, что Валька, будто, действительно, знал, сколько ему осталось жить. Оцени сам: этих ребят по одному забрасывали в тот квадрат, где находились бандгруппы, и они, находясь от них порой иногда в десятках метров, давали самолетам точные координаты для бомбардировки при помощи своей аппаратуры. Порой бомбометаний было три, пять, десять. Каждое – от четырех до десяти бомб. И эти офицеры, следя за разрывами, регулировали точность их попадания. Иногда все валилось прямо на них. Для этого старлей или капитан должны были так «заполяниться», то есть закопаться, причем на расстоянии максимальной близости к месту бомбардировки, чтобы, когда чуть спустя сюда подойдет новая волна самолетов, ювелирно навести их на цель, а порой вызвать огонь на себя. Потери у этих офицеров были ужасающие. Их душевное состояние нередко было таким, что к ним в модуль боялись и никогда не заходили даже верхи армии и КГБ. Те ведь имели прямое отношение к непосредственному назначению сюда каждого из наводчиков. Но при всех страхах войны эти мужики были редчайшие бессребреники. К ним нередко заходили и свои, и посторонние. Близкие только по званию и возрасту. Чтобы покурить или перехватить сотню-другую чеков до получки. И никогда никто им не отказывал. Зашедшего сюда даже не спрашивали, кто он, оказывая такую пустяковую помощь. А было и так, что того, кто давал, неделю спустя домой уносил «тюльпан», и должник, честно и точно выясняя адрес того парня из третьей комнаты, отправлял деньги семье с уведомлением. Честь имели.

Внезапно за спиной сидящих за столом раздался страшный кухонно-посудный грохот, сип и ротовой вентиляторный звук. Федор, Петро и Серега, подскочив и обернувшись назад, зашлись от неудержимого смеха. Валька, прыгая у плиты на одной ноге, как пропеллер, вращал рука-

ми. Сдвинув глаза к переносице, «тушил» высунутый сантиметров на десять красный от ожога язык, дуя на него.

— Фа-оф-ва-фа… — что означало: зараза, вот, зараза!

Троица закатилась и, синхронно дрыгаясь, задыхалась в хохоте, не в силах остановиться при виде Вальки. Минут десять спустя выяснилось, что кашевар, не рассчитав дозу жесточайше горячей картошки, решил опробовать ее на вкус целой ложкой перед подачей на стол и спалил себе весь рот.

— Фе-фо, а фе-фе! Фаф-фы-Фар! — переводилось: чего орете, вам бы так, дармоеды. В утешение Вальку долго хвалили за классную поджарку, время от времени трясясь от смеха. А он, ужинавший третьим стаканом холодной воды, угрюмо молчал, пытаясь рассмотреть язык, по-прежнему сводя глаза к переносице. За столом были четверо живых и трое смотрели с фотографий на аккуратном столике. Возле каждого портрета стояли фронтовые сто грамм с хлебом и солью. Последний из них сидел здесь две недели назад. А теперь досрочно вернулся домой.

Страшно закрыть глаза досрочно. Господи, лучше в свой срок, позже закрывшихся материнских глаз и отца. Хоть на минуту, но позже. Души мужиков трассерами разлетелись по России с мыслями обо всем. О том, что если помирать, то дома. В России даже навоз и грязь целебные. И у смерти дома морда своя и коса.

— Ну, за что пьем?

— Да за все. И за всех. Битых и убитых.

И третий тост, как молитва «за упокой». Война — игра до первого убитого. О чем говорят на войне офицеры за столом? О своих уставших бабах, которым дома еще страшнее. Потому что самое страшное на войне — ждать. Страшно ждать каждого нового дня и такой же ночи. Помогать сердцу стучать обеими руками при виде появившегося вдали почтальона и не знать, что желать себе: или пусть пройдет мимо, или будь, что будет. Боже ж ты мой! Рядом еще путается крохотная маленькая головушка, да не одна. Ну, а мы, боевые мужики, внешне видимая солидность… Да если б наших жен отправить на войну, а нас оставить дома, то мы бы за неделю переругались, передрались и галопом умчались на фронт, чтобы их вернуть. А мы будем лучше воевать, потому что нам легче. А с

этими ползунками, кашкой пять раз в день и кучей всего остального нам в жизни не совладать. Еще мы знаем: нам легче оттого, что мы живы и знаем, сколько часов еще будем жить. Им же эти часы не известны. Эх, ваши женские уставшие глаза, поцеловать их надо каждый и помазаться теми целебными слезинками во здравие наше и вразумить ими головы непутевые. Еще они говорят о работе. О военной. О том, что русский офицер — это богатство государства. Есть офицер — есть граница. Армия — это мощь России с ядерным потенциалом. Армия — это хребет государства. Нет армии — сломан хребет. О том, что воевавший офицер своим присутствием заставляет сто раз взвесить закордонного вояку прежде, чем тот осмелится один раз перерезать пограничную ленточку России. Еще говорили о том, что государственным экзаменом лейтенанту может быть только бой, настоящий бой, со страхом за друзей и с кровью. Ибо не воевавший офицер, как не рожавшая баба. За то четверка согласно и дружно чокнулась казенными стаканами.

В 23:00 разошлись. Вальке завтра на работу. Обычную работу — вызывать огонь на себя. Для этого было уже все отработано: с кем лететь, идти, где быть и сколько минут на что отпущено, начиная от времени «Ч» при высадке до «Слава Богу», когда его нашли и загрузили. В 7:00 в осеннем Афгане ни к селу, ни к городу наступил рассвет. Невыспавшийся Валентин, зевая и потягиваясь, весь увешанный, как елка шишками, аппаратурой и личным оружием, громыхая, добрел до своего борта и, забравшись в привычный удобный угол «восьмерки», ближе к хвостовой балке, тут же уснул.

— Пять, четыре, три, два, один, запуск!

Четверка вертушек, едва не царапая брюхом ВПП, с крутым левым разворотом резво понеслась на «Чайку». Через 35 минут пилоты, высадив Вальку на металлическую площадку и наоравшись с ним всласть в ухо друг другу при работающих движках, расстались. Вертушки ушли на «Скобу», а Валентина встретили и бережно проводили в модуль, в отведенные покои. Работа запланирована была на завтра, и до ее начала оставалось почти двадцать часов. Сейчас штатный треп, сытый обед, ползание по карте и обязательный сон. Примчавшийся со страшным грохо-

том на джипе без глушителя комбат лично проконтролировал Валькин покой. Джип ему, как трофей, достался месяц назад, и теперь он настолько прирос к удобству перемещения, что даже ездил на нем от модуля в туалет, расстояние до которого было метров тридцать. За техническим состоянием джипа следил прижившийся пленный негр. Его полгода назад взяли в плен, и с тех пор, как ни пытались, не могли от него избавиться.

В полночь спецназ с Валентином и необходимой аппаратурой бесшумно растворился за КПП. На войне все обязательно верят в приметы, поэтому перед выходом все до боли поотбивали о косяки костяшки пальцев. Исходя из поставленной Валентину (позывной «Срез») задачи, его должны были вывести в нужный квадрат за двадцать километров, затратив на это две ночи, отсидеться с ним в земле, замаскировать его, утрамбовать и без звука, едва слышно похлопав на прощание по плечу, переместиться в другую квадратную «улитку». Целью бомбардировки была временная база «духов». Она, по данным ХАДа, нередко использовалась ими и сейчас находилась почти на видимом от авианаводчика расстоянии, чуть ниже его. Планировались три налета Су-17, после чего спецназ забирает его, и они тем же путем уходят домой. Все привычно и обычно. Оставшиеся три часа до выхода на него «сушек» Валька дремал, все видя и слыша. В назначенное время «Ч» аппаратура тихо пискнула и пилотам была выдана первая цель бомбометания. Это означало, что через несколько минут надо будет, сократившись и сжавшись до мышиного размера всем телом и его клетками, бесшумно орать, разевая рот при свисте бомб:

— Господи помилуй... только не в меня, только не в меня...

Первое бомбометание прошло с небольшим недолетом. Духи забегали муравьями. Валентин ввел небольшую корректировку на упреждение. Его «срезали» вместе с бандгруппой в третьем заходе. Он разлетелся в разные стороны со своей аппаратурой: она — в одну сторону, он, с перебитыми ребрами, страшной контузией, грязный — в другую. Сделал микропопытку шевельнуться, но левая рука и обе ноги были не его. Крохи мыслей не давали соображать. Уже полчаса, как улетели самолеты, но земля по-прежнему сотрясалась. Невыносимо и судорожно звенело в ушах,

изо рта тягучей струей стекала кислая кровь, перекушенный язык одеревенел, не давая сплевывать. Куда-то делось все оружие: и автомат, и пистолет, а целая рука никак не могла нащупать на себе гранату. Сломанный позвоночник не позволял поднять голову, она будто отсоединилась от туловища. При попытке сделать движение брызнули мириады звезд, и он провалился во мрак.

...У Антонины Степановны на душе с утра было нехорошо. Она невольно отметила про себя, что уже несколько раз подходила к Валиной фотографии, где он был снят еще курсантом. Она очень любила этот снимок, простенький, сельский, где сын стоял у калитки, по-мальчишески смотрел на нее, а за его спиной в полнеба размахнулась переливающаяся сочная радуга.

— Нет, так нельзя, надо к кому-то пойти. — Возле дома соседки она вспомнила, что подобное сердечное состояние она ощущала полгода назад, когда Валя попал в Афганистан и пытался скрыть от нее это.

— Слава Богу, дошла... Но как же мне муторно. Находившаяся на огороде соседка, увидев Антонину, в два шага оказалась около нее, едва успев подхватить. Антонина Степановна, белая лицом, осела на землю.

...Валентин очнулся, захлебнувшись на вздохе. На него, лежачего и затоптанного, мочились стоящие кольцом «духи». Увидев, что русский открыл глаза, они загалдели. Его волоком подтащили к сидящему главарю с ухоженной бородой, поигрывающему четками: Капитан плыл взглядом по окружающим, пытаясь понять, где он. Тело пронизывал то жар, то ледяной холод. Мыслительные способности работали на предельном минимуме. Рядом с главарем сидел европеец, гладкий, заискивающий перед хозяином. Оба молчали. Бородатая, потная толпа ждала, судя по взглядам, чего-то уже определившегося. Резким движением «духи» умело поставили русского к дереву и привязали под безжизненно болтавшиеся локти, за пояс, притянув голову кожаной супонью, впившейся в рот. Огненные кольца от физического жжения тела чередовались с провалами сознания, отчего ненадолго было легче. Пожирая капитана глазами, звери желали одного известного только им. Европеец, воткнувшись своим носом-клювом в лицо офицера, сипел, как орал:

— Сейчас за тридцать выделенных тебе хозяином минут ты, русский, позавидуешь, что не настоящая свинья. Твоя жизнь решится по воле Аллаха. Тебя ждет то, что вы, нечистые, любите. Рулетка. Но наша рулетка. У вас русская, а ты будешь играть в рулетку Аллаха.

Висящий на натянутых до предела кожаных ремнях Валентин почти ничего не слышал и не осознавал. Вытянутая шея от просевшей тяжести тела держала голову на почти рвущихся шейных позвонках. Глаза, не мигая, мучительно смотрели в небо. «Духи», перевязав его на другое дерево, облегчили его состояние для предстоящего большего животного насыщения. Минуты капитана потянулись, как век. Минуты «духовского» услаждения полетели, как миг. Они подтанцовывали, подвизгивали, боясь упустить невиданное зрелище.

Время.

— ...30, 29, 28...

По мере отсчета последних жизненных минут стремительно шли изменения в организме воина. Все доселе бывшее важным перевоплощалось в своей физиологической и психологической значимости, когда последнее становилось главным. Голова капитана сильно ударилась затылком о дерево. Он пронзительно четко, вдруг просветлившимся мозгом и крепчающим сознанием стал воспринимать и осознавать уготованное. Главарь держал у лика воина шестизарядный револьвер и при каждом прокручивании барабана, сатанея, бил по его изуродованному лицу. Рулетка Аллаха... Вот она... Переводчик европеец, раздуваясь ноздрями от запаха крови, меняясь в словесном тоне, раскрыл удуманное:

— Если нет выстрела первого патрона, вставленного в барабан, то ... мы отрубаем тебе правую кисть.

— Если нет второго выстрела — левую... Третьего — правую стопу... Четвертого — левую... Пятого — вываливаем кишки... Шестого — вбиваем оторванную голову в живот.

Стремительно отключались ставшие навечно незначимыми речь и боль, заменившаяся на безболезненный хруст. Их сила шла в более жизненно важные для этого часа энергосистемы организма. В теле перегонялась со скоростью света невидимая помощь со всех концов сердцу и душе.

Барабан... Щелчок! Духи взревели. От тела далеко отлетела правая кисть. Они щетинились клыками, получая удовольствие от замысла казни.

— 27, 26, 25, 24...

Сухие щелчки крутящегося барабана. В организме продолжалось таинственное преображение. Русский уже не жмурился от сухого звука курка. Исчезло состояние страха.

Еще щелчок... Сатанинский круг нелюдей, ярясь, рвал из рук в руки левую кисть.

— 23, 22, 21, 20...

Духи при взгляде на мученика от рева заходились в судорожном кашле. У воина лицо перевоплощалось в лик невиданного смиреннотерпца. Непостижимой силой он становился — несломленный зверским замыслом — невосприимчивым к казни!

— 19, 18, 17, 16, 15...

Щелчок! Духи — в драке друг с другом за право дальнейшего наслаждения оторвали правую ногу.

— 14, 13, 12, 11...

Выстрел! Трясущийся в руке от прогрессирующего экстаза револьвер только кончиком пули задел голову офицера. Адова кухня бешено кормила сбившееся в кучу у ее котла зверье.

— 10, 9, 8, 7...

Выстрел! У тела воина грызли друг друга нелюди мира сего.

— 6,5,4,3,2,1,0...

Выстрел шестой... Самое неподвластное никому из смертных описание — последний, тускнеющий, истинный взгляд отделенной главы.

— 3, 2, 1...

...Сокрыто навеки, как осознает миг надвинувшегося сыновнего конца каждая мать, носившая его под сердцем.

Соседка безотрывно, чуть трясущимися ладонями, будто машинально, часто-часто не то гладила, не то растирала стремительно холодевшие руки Антонины. Что-то необъяснимое происходило с лицом ее подруги. В измененных глазах брезжило непривычное, немирское принятие неизбежного. Соседка, задохнувшись, осела. На нее смотрели глаза человека, ушедшего от земной никчемности.

— 0... Ноль...

Антонина с-е-д-е-л-а н-а г-ла-з-а-х ...

Самое непостижимое было в том, что деревня признала: Антонина не была глупа. Какое-то время спустя бабы из округи стали забегать к ней пореветь, как в лечебницу. Мать только молчала и улыбалась. У нее Валя всегда был дома, вот тут, рядом. И бабы уходили полегчавшими душой, порой уразумев, как поступить то ли со своим непутевым мужиком, то ли как помириться с невесткой. А однажды в полночь подъехала богатая машина, вышла представительная женщина с солидным мужчиной.

— Это, по-моему, здесь, — приехавшая, известная в области коммерсантка, больше часа сильно плакала, уткнувшись матушке в колени. Та тихо, с улыбкой гладила ее и все просила:

— А ты не серчай на них, не серчай... Лучше приходи ко мне и посерчай на меня, а Валюшка мой очень добрый — он все простит.

«Эх, война, война, дурная тетка, стерва она...»

Весной 88-го многоканальный и многоэмоциональный поиск «Среза» (для чего было сделано решительно все) завершился логичной для того часа престранной (при воспоминаниях по сей день) изнурительной попойкой «во славу правды». Узкий круг кровно заинтересованных лиц замер в ожидании истины. Когда в ночные часы Рамадана за застольный плов сел весь мужской Афганистан, восьмым стаканом «Московской» был окончательно развязан язык вычисленному свидетелю «рулетки» — ходовцу. Утром он, очнувшись, воя у ног офицеров, кусал предатель-язык.

— Во имя Аллаха! Милосердного... Не губите... Не выдайте! Сейчас не выдайте. Уйдете — там говорить будете...

Офицеры молчали. Ходовец, закатив глаза, утрамбовывая лбом пол, довывал:

— Иначе мне и моим детям надо готовить кафан... Мулла прикажет убить.

Русские слово сдержали. Сегодня уже 2001-й год. А ходовец... был люто наказан Аллахом месяц спустя после той ночи. Непредсказуемы и загадочны тайны Востока.

СПИТАК

В Москве ответственные за Карабах стороны, каждая в соответствии со своим профессионализмом, судорожно старались нащупать на теле Закавказья пупок соприкосновения. Но не то руки были холодные, не то тело боялось щекотки — получалось, что с какой стороны ни зайди, везде... в общем, все шло привычно не так. Тщательно уложенный закавказский вековой костер, чувствительно дымя, внезапно разгорался нешуточным огнем, в зависимости от того, с какой стороны дул ветер. Это был и есть странный, не природный жар. Он был кому губительным, а кому на руку. Кто-то у него грел руки, кто-то сушил мокрую грязную душу, кто-то терпеливо и старательно подкладывал дрова. Но костер затухает, когда его заливают всем селом, враз забывшем о спорах и дрязгах.

В стелящийся по Закавказью дымом день, 7 декабря 88 года, майор Николаев, как ответственный по гарнизону, с удовольствием снимал обязательную пробу котла перед обедом в летной столовой. Трехлетняя дочка с удовольствием путалась под ногами у всех поваров, стараясь поспеть везде. Сегодня была очередь Виктора воспитывать ребенка. Подозрительно затихшую дочь отец обнаружил под столом заведующей. Она честно делила свою котлету с двумя кухонными котятами, укоряя их голосом мамы за неаккуратность и отсутствие аппетита. В 11:41 столитровые котлы с булькающими борщами и парившими кашами дружно поехали на пол со вставшей на дыбы огромной плиты. Самое точное состояние крепости души наблюдается только при панике. На кухне — весь набор реакций человека на непредсказуемые ситуации: от страха, который парализовал поваров, до невесть откуда взявшейся прыгучести, с какой сиганула из окна грузная, немолодая заведующая столовой. На фоне густо осыпающейся штукатурки, криков Виктор, управляемый шестым чувством, схватив в охапку дочь, в два-три прыжка преодолел большую кухонную площадь и оказался на улице.

Первая мысль — рядом упал самолет — несколько минут спустя официально сменилась трудно воспри-

нимаемой человеческим разумом правдой: в Армении произошло землетрясение силой более 10,5 баллов. Разрушены города Ленинакан, Кировакан, Спитак, Степанаван. Десятки тысяч людей в секунды были засыпаны, завалены обрушившимися зданиями. Неисчислимое количество жителей враз лишилось жилья.

Пять часов спустя, в 17:00 первая колонна военных, обладающих боевым опытом в нештатных ситуациях, ушла на Армению. Замначальника отряда майор Николаев покачивался в замыкающем колонну КамАЗе. Задача... Задачу поставить так и не смогли. В общем, по прибытии в Ереванский аэропорт Эребуни группа придается руководству, возглавляющему спасение людей. Дальнейшие действия принимать на месте. По мере приближения к Еревану дорога обрастала всеми видами транспортной помощи. Ох, ты горе-горькое, беда-то какая! Спитак превратился в аккуратные холмики. Дымящийся город, разом похороненный, плачущий навзрыд, кричащий и захлебывающийся в зове о помощи. Чья-то мать, вся в пыли, копоти, с окровавленным лицом, с невероятной силой пребыстрыми движениями рук раскапывала дочку, мужа, сына, внучку. Отец столбиком окаменел над всей семьей и детским не по возрасту голосом, не веря в случившееся, пытал каждый трупик: «Дддээ-ттт-ка-а-аа... ддд-ээ-тт-ка-а-а...»

Больно-пребольно выла придавленная плитой собака. Ей было по-человечески страшно от прижатой к ее морде детской ножки. Господи, да неужто с нами это? Все объяснялись только осиплым криком, хватая друг друга за руки и плечи. У каждого самое страшное горе было свое. Каждый рвал к себе спасателей в первую очередь. Виктора, нередко соображающего дольше трех секунд, на четвертой волокли за шкирку ревущие в плаче взахлеб армяне. Беда была настолько велика, что первые признаки офицерского профессионализма и осмысленной сообразительности проявились лишь через час после прибытия.

Когда притупляется молниеносно пришедшее горе, подходит холод, голод, физическая боль. Офицеры, действуя мелкими группами, уже довольно четко выполняли все вновь и вновь валившиеся вводные. Умение оператив-

но руководить в беде проявляется только при беде. Политбюро угрюмо присвистнуло 9 декабря, и Михаил Сергеевич все-таки решил вернуться из Америки. Положение осложнялось тем, что в Армении находились уже десятки тысяч все прибывающих беженцев из Карабаха. Виктор с мужиками, охрипшие, немытые, нечесаные, сбившись во временном отсчете на своем участке, были вдесятером едины в сотнях лиц — и повар, и ЦК, и врач, и утешитель, и правый, и виноватый. Беда своей страшной силой как-то сразу примирила и породнила всех.

Подчиненный, забыв о себе, тащил к ближайшей санитарной машине до этого нелюбимого директора. Секретарь горкома голыми руками раскапывал избирателя, который до сих пор не мог к нему пробиться ни под каким предлогом. Все враз стали едины сердцем и душой: продавец — с обманутым клиентом, обиженный с хамом, чванливый с кротким. О, Боже правый! Да неужто мы дожили до того, что только от этого способны образумиться и прозреть?! Сердце и сознание были настолько не готовы к таким нечеловеческим мучениям, что к появившемуся мародерству никто не был готов. Четверо офицеров в назначенное для патрулирования время терпеливо бродили по вверенному квадрату. Стараясь ступать как можно бесшумнее, чтобы... ну, а вдруг прослушается голос неспасенного, необнаруженного под завалами в дневное время, когда при общем шуме, вполне возможно, кого-то просто не услышали. Позавчера, Слава Богу, случилось такое — шестым чувством расслышали странный звук. Из-под завалов извлекли паренька. Это был сплошной серый, бусый от густой цементной пыли, едва теплый куль. Его руки намертво прижали к себе живую кошку. Это она звала осипшим человеческим голосишком, скребя о бетон источенными коготками.

— Стой! Стой, стрелять буду! — Тоннельное зрение поисковика-капитана враз выхватило скользнувшие за груды зданий тени. Боевой опыт — вечный опыт. — Всем лечь! Рожи в землю! Руки в стороны, ноги врозь!

Драка, сдавленные хрипы и обязательные маты длились около минуты. Затем четыре одиночных выстрела из «Калашникова», в итоге двое закувыркались в судорогах, четверо взахлеб, перебивая друг друга, орали:

— Не стрэляй-я-я-й, н-ээ-эт!.. Шли хараныт сестра... Не стрэляй, лежим...

Виктор с мужиками, сдавая смену, думали одинаково об одном и том же, пронзительно вспоминая вскрытый гроб, раскрытый живот грязной неотмытой женщины и кучу драгоценностей в нем. Эти нелюди золото брали так торопливо, что не успевая снять кольца и серьги с раздутых пальцев и ушей, поотрубали их.

Для постоянного пребывания в Спитаке всему личному составу Николаева были определены два колесных домика — кунга. Еще по пути к этому месту Виктор, посматривая в дороге на молодых солдат, невольно ловил себя на мысли: больно молодые, долго придется врастать в обстановку. Но человек предполагает, Бог располагает. В первый день у него до слез защемило сердце, как эти восемнадцатилетние долговязые мальчишки, не дыша от увиденного и честно сознаваясь, что страшно, поразительно профессионально, бережно, осторожно откапывали, переносили живых к живым, мертвых к мертвым. Они без сигналов и окриков, возмужав на глазах, выполняли всю грязную работу, как суровое послушание.

Беда маленькой республики за несколько часов стала общемировой. В крохотную на глобусе Армению со всех концов планеты неслось, везлось, пересылалось... Люди сострадали, плакали.

Многие города России посылали добровольцев, которые приезжали семьями. Женщины, варившие кашу, густо сдабривали ее скорой на горе бабьей слезой. Сколько кормили — столько ревели. Недопивших компотик сироток успевали усыновить тут же, навсегда прижав к груди. Эх, бабоньки наши несравнимые, несгибаемые никаким лихолетьем! Русская женщина при любой профессии мужа — жена ратника. Но беда не приходит одна. При заходе на посадку в Ереванском аэропорту разбился югославский самолет Ан-12. Всё собранное в одном государстве разлетелось по аэродрому. Российский Ил-76 из-за густого тумана, приступив к снижению не по глиссаде на двенадцать секунд раньше, врезался в Арарат, «пристроившись» к Ноеву Ковчегу, с сорока четырьмя специалистами-поисковиками, их собаками и гуманитарным грузом на борту. Но мозаика беды не везде была окрашена в чер-

ные цвета. Бакинское ночное небо высветилось долгим полуднем от праздничного салюта в ответ на беду. Играли свадьбы и в футбол. В траурные, определенные руководством страны дни, 9, 10 декабря телепрограммы республиканского телевидения Азербайджана почти не изменились. Во время «круглого стола» в Баку комендант особого района генерал-полковник Тягунов призывал не злорадствовать над чужим горем. Он также подтвердил, что на площади им. Ленина в Баку во время митинга готовился план погрома города. Слова генерала можно было понимать так:

— Войскам Советской Армии вновь удалось предотвратить повторение Сумгаита.

Его мужественно поддержал Генрих Боровик.

Нахлынувшая в Армению ошалевшая телерадиобратва показывала стране и миру свою работу, как более значимую, чем ничтожная армейская «возня». Для многих из съемщиков такая удача бывает раз в жизни, и они не упускали случая отснять наиболее «яркие» факты вытаскивания из-под обломков погибших армян, порой брезгливо отпрыгивая в сторону при виде трупов. Виктор сутками носился по продолжавшему ощутимо трястись Спитаку, отошедшему в мир иной целыми улицами и кварталами. При наступивших массовых похоронах воины смиренно пили за упокой на десятках поминок и не пьянели. Горя было столько, что для хмеля места не хватало. А однажды люди заплакали оттого, что увидели, как плачет министр. До чего ж горька была слеза этого русского мужика, забывшего от увиденного о своей «государственности». Он не сдерживал себя, став враз простолюдином, забывшим о «портфеле», — Николай Иванович Рыжков. Теле- и радиопроходимцы цинично нарекли его за это «плачущим премьером». При разгребании завалов происходило необычное действо — люди, говорившие на десятках языков, понимали друг друга с полуслова.

В один из вихревых дней команда майора Николаева чуть было не свихнулась головой вместе с армянской женщиной. Та, видимо, навсегда стала скорбной умом оттого, что ей сказали — дочь и муж погибли. Женщина все приняла на свое сердце, как есть, а чуть спустя выяснилось: это были чужие люди. Просто одежда на них была снята с ее близких, отправленных в реанимацию. Ну, кто тут ви-

новат? Разве при тысячах смертей в день может сохраниться непроницаемым ум?

Декабрь, январь, февраль ухнули в прошлое одним днем. В конце февраля условно похожих на себя офицеров и солдат отозвали в часть. Об одном часе пребывания атомщика Андрея Дмитриевича с супругой в Ереване неделю говорилось с подчеркнутым уважением по всем каналам. Авральная общесоюзная программа КПСС «твое горе — мое горе» плавно начала хиреть и кукожиться. Прибывший от чистого сердца со всей страны люд всерьез физически отощал и, постояв на крышах дощатых колесных домиков с табличками со всех уголков государства, крякнул и от голода стал разбредаться по домам. В начале марта, при сходе снега, в, увы, пропущенных во время осмотра завалах, появился трупный запах, обнаружились тонны невзятых вещей из гуманитарной помощи. В конце марта в стране говорить на эту тему стало скучно. Да и апрель начал капризно заявлять о себе в лице Тбилиси, который по популярности буквально ни в чем не желал уступать Спитаку.

ТБИЛИСИ...

На подушке весны апрель уже пятнадцать часов маршировал по стране, а Виктор, как ни старался, все не мог вернуть друга Валерку из памятных Бараков. Его жена, молчаливая и глазастая Галина в таких случаях по тревоге посылала за Виктором шестилетнего сынишку. В настоящий момент Виктор, сидя на краешке кровати, машинально вполглаза наблюдал за трехлетней Иришкой, которая со всей серьезностью отдалась ответственнейшему процессу — держа измусоленное яблоко в одной руке, а перевернутую «Мурзилку» в другой, пыталась рассмотреть через щелку в горшке: все или не все? Валерка, лежа на кровати, со вспотевшим лицом и нервно бегающими закрытыми глазами... шел курсом 210 на Кабул, пройдя Баракинский траверс. Вовек неподвластно разгадать человеку тайны своего мозга. Тяжело раненный летчик Валера, недавно выписанный из госпиталя, после сложнейшей операции на голове из-за ранения начал летать... во сне. Он, находясь в этот момент в своем невидимом для других мире, словесно, с точностью до секунды, выполнял все действия летчика, сочетая их с реальным радиообменом, вплоть до разговора в пилотской кабине. Общее полетное время «Скоба»–Кабул по плану длилось сорок пять минут, и он ровно сорок пять минут во сне вел борт.

— Кабул, я «Скоба», борт 1621, удаление 10, разрешите снижение?

Далекий Кабул, видимо, дал «добро» на снижение, так как Валерка ровным голосом подтвердил:

— Я — 1621, — вас понял. К снижению приступил.

Когда это с ним произошло впервые, мужики, пораженные небывалыми мозговыми штучками, толпой сбегались, чтобы посмотреть на такое чудо.

— Надо будить, иначе еще 10 минут — посадка, дозаправка, а потом сорок пять минут всем лететь обратно до Газни.

Вздохнувшая Галина осторожно начала трясти Валерку за пятку, а Виктор придерживал его за плечи.

— Тщ-щ-щ, Валера, братик. Тщ-щ-щ, это я, Витя... Я, Валерочка...

Валерка, медленно возвращаясь в земной мир, яснел глазами. Испарина еще больше выступила на лбу, и он, схватив Виктора и Галю за руку, начинал сильно и долго плакать. Долюшка ты солдатская, битая-перебитая! Валерка встретил Галю на ноябрьском параде. Стужа была такая лютая, что курсанты через несколько минут дружно отплясывали чечетку в ставших стальными кирзовых сапогах. Галя с подружкой весело дирижировали Валерке, закрыв от мороза варежками пол-лица. Несколько дней спустя они заполняли в ЗАГСе бумаги, шепотом выясняя друг друга, какая у кого фамилия. Заведующая, приподняв бровь, при этом настороженно поглядела на молодую пару. Потом было «горько!». Счастливый Валерка с глупым и смешным лицом нес Галю на руках до самого ресторана. Горько стало по-настоящему несколько лет спустя, когда Валерку сбили в Афганистане. Из грохнувшейся всем брюхом 24-ки в живых остался он один. Валерка, выбравшись с горящего борта, тянул за шкирку одной рукой второго пилота Мишку, приказывая ему: «Терпи! Терпи!» Мишка терпел, его было очень легко тащить. Пол-Мишки остались на борту, обрезанные люком. Потом был госпиталь, умница-мудрец хирург и мужественная любимая Галина. А потом Валерка «полетел»...

Виктор познакомился с Валеркой по прибытии на «Скобу». Тогда он машинально вскочил с кровати в пять часов утра. Рядом с его окном, напрягаясь во всю моченьку, задрав башку, орал ишак. Как оказалось, танкистам, как-то враз ощутившим острую тоску по родной русской деревне, захотелось на утренней зорьке пробуждаться петушиным криком. Петуха, естественно, не нашли. Заменили ишаком. Тот, сразу оценив армейское благополучие, сулящее ему сытую, долгую жизнь, стал с первого дня честно отрабатывать невиданную удачу — орал так, что просыпались даже все бандформирования, окружающие гарнизон. «Духи» под видом местных жителей пытались выкупить ишака и прибить, но их задумка была рассекречена. Ишака отстояли, а его аукционная стоимость резко возросла.

Помимо выполнения основных пилотских функций, Валерка был назначен зам. коменданта гарнизона. Комендантом был командир танковой роты, старший лейтенант Дима Чепурной. Назначенные на эту должность одним приказом, они с присущей офицерам добросовестностью при-

ступили к выполнению своих нелегких обязанностей. С чего начинается театр? С вешалки. С чего начинается гарнизон? Правильно. С гауптвахты. Армия без гауптвахты, что театр без вешалки. Благодаря необузданной, расконсервированной энергии и немыслимой изобретательности в комендатуре, взятые в плен «духи», отработавшие свой перевалочный срок (гауптвахта была предназначена, в основном, для них), с трудом поверившие, что их не прибьют, на глазах обустраивали гарнизон и наперебой разбалтывали оперативной разведке все известные им секреты. Благополучие нуждающихся — дело рук самих нуждающихся. Попавшие к Димке с Валеркой на неделю «духи» переводились в Кабульскую тюрьму уже смиренными мастерами на все руки, с относительно устойчивым знанием русского языка. В обязательный перечень входили: «Ура», «товарищ-афганец», «подъем», «отбой», «стоять», «смирно», «виноват» и десять-пятнадцать других. Любой «дух» уже на пятые сутки обязан был разговаривать с конвоем только таким речевым оборотом. Особенностью пребывания на местной реабилитационно-исправительной базе было и такое: не докопал — не доел, не достроил — не доспал. На обед все было с пылу, с жару. Без ложек. Время на еду — пять минут. После обеда обязательный отдых — двадцать минут. Сюда входил туалет и сон. На вторые сутки пребывания в МРЦ (местном реабилитационном центре) «духи» умело делали кирпич из самана. Качество изготовленного проверялось ударом о голову мастера. На четвертые сутки пленные с удовольствием мастерили черенки для лопат и массу полезных поделок. Проверка качества та же: удар ниже спины. Спали на специальных кроватях, по росту. Сном руководил выбранный из их коллектива на пальцах дежурный. Он обязан был зорко следить за временным ночным графиком сна — пятнадцать минут на правом боку, пятнадцать — на левом, пятнадцать — на спине. Для этого он зычно кричал:

— Кру-у-у-гом!

Задержавшийся на перевороте дольше пяти секунд сменял дежурного. На Новый год нарушители не оставались без внимания, помогая личному составу гарнизона в уговаривании прибыть известных всему миру сказочных героев:

— Товарищ Дед Мороз! Уважаемая Снегурочка! Товарищ Баба Яга, придите к нам!..

Закавказский авиационный гарнизон все напряженнее держал нюх по ветру. Из Тбилиси, находящегося в 15 км от КПП, тянуло тревожным запахом. Привычные в здешних краях радушие и долгая сердечная говорливость пугающе исчезали на глазах. Первое настоящее знакомство с грузинской столицей у Виктора произошло несколько лет назад в метро. Тогда пожилой грузин сразу уступил смутившейся будущей маме, его жене, место:

— Садись, дочка, садись.

И долго смотрел на нее отцовскими глазами. Подобные отношения стали куда-то деваться. Это неприятно настораживало. В это не верилось, и этого не хотелось.

В городе стал проявляться сумгаитский и карабахский почерк. Виктор, вернувшийся с дневного патрулирования из Тбилиси, нервно ковырял вилкой штатную офицерскую яичницу. Он не верил тому, что видел весь день. Плакаты: «СССР — тюрьма народов» и «Русские, вон из Грузии» часто сменялись митинговыми криками партий национальной независимости Грузии, требовавших «выставить счет русско-советской империи, продолжающей ныне курс великодержавного шовинизма Романовых». Какой счет? Кому? От кого они все защищаются? Партий на глазах становилось больше, чем полков. Все, как один, вместе со всеми требованиями взахлеб доказывали, что «офицер — имя отвратительное». Мухи злились на арбуз, что не лезет в брюхо — все хотели накомандоваться всласть. С 4 апреля стало еще хуже. Перед Домом Правительства стали проходить непрекращающиеся митинги. 5 апреля группа молодежи объявила голодовку. Виктор видел: работал все тот же сценарий — Сумгаит—Карабах—Кировабад... Шло единое кровавое обращение беды в природе. «Как пес возвращается на блевотину свою, так глупый повторяет глупость свою».

8 апреля. 9:00. К Дому Правительства начали прибывать группы людей, колоннами подходить ученики средних и старших классов общеобразовательных школ вместе с педагогами. Все пришли за полной независимостью. Здесь и сейчас.

Если что — национальное неповиновение. 13-15-летние мальчишки и девчонки, шмыгая носами и ежась от холодного ветра, хотели только этого. Не то прольют кровь. Ораторы, чтобы они не передумали на фоне всеобщего гвалта, нервничали, торопя их, в случае чего, немедленно умереть. «Триста арагвинцев», еще теснее

прижавшись друг к другу, не знали, что именно им следует делать в первую очередь. Древняя святая Мцхета неодобрительно посматривала на всех. Каждый стоял в очереди «за свободой», ревниво следя, чтобы его не обманули и ему не досталось меньше всех.

8 апреля. 16 часов. У того же дома начали орать «Зиг хайль!». Два боевых брата, Егоров и Кантария, грозно смотрели вниз на происходящее с Рейхстага, стоя у Знамени Победы. Там, внизу, бесстыжая девка-политика «сняла покров, подняла подол ...была видна нагота и стыд ее...».

9 апреля. 3:00. Начальник Тбилисского УВД подполковник Гвенцадзе через громкоговорящую связь предупредил, что в случае продолжения митинга последний будет пресечен силами войск. От микрофона он отошел уже «предателем и изменником» народа. Было проигнорировано и молитвенное обращение Святейшего и Блаженнейшего Католикоса, Патриарха Всея Грузии Илии II, призывавшего образумиться. Да, Ваше Святейшество, истинно, самая массовая секта, которую создал дьявол — это КПСС, при которой «без Бога нация — толпа. При любом правителе на троне». И пошло все Крест на Крест.

Опять русский Иван, как дурак, был поруган и заплеван. «В первых рядах митингующих, — писала одна из газет, — стояли специально сформированные отряды физически крепких мужчин и спортсменов, владеющих приемами борьбы. Митингующие применяли при сопротивлении от надвигающихся солдат заранее приготовленные металлические стержни, камни, бутылки, деревянные тараны, пики, ножи, обрезки металлических труб, самодельные взрывные и зажигательные устройства».

Через час на площади осталось лежать восемнадцать человек. Потери армии — штатные пустяки. Эх, православные, что же мы делим, «если нас крестят и отпевают на одном языке»... Если бы мы умели так любить, как убивать, армию давно бы распустили по домам. Сколько мужиков вышло бы на поля. Но хлеб теперь — пустое занятие.

В Тбилиси начало слетаться воронье, которое все делало с умыслом. Клевали с умыслом и выгодой. Боялись только за свою шкуру. С конвейера фирмы «Слухи» сошла очередная партия мощного оружия «СМИ-89» с пулями отравленного действия. Их характерные приметы: на них Креста нет! Излечиться после поражения от них можно только «молитвенной зачисткой души».

Через 24 часа в Тбилиси оказались все ведущие КПССоведы, торопливо вынесшие «законный» вердикт:

«В произошедшем 9 апреля 1989 года на площади у Дома Правительства виноваты Вооруженные Силы государства». Хотя «мертвые сраму не имут», личный состав армии, стоящий на той площади, говорит тебе, Председателю Комиссии Верховного Совета СССР по расследованию событий в Тбилиси:

— Анатолий, ты не прав!

Самый буйный расцвет всего на земле — если земля от всего этого на крови. Малоизвестный Рост, юрко прикинув все взглядом, рванул в бешеный рост, используя «убедительные» фотодоказательства «зверских действий Вооруженных Сил». Подлинно случившееся мужественно обосновал в своем расследовании заместитель Главного военного прокурора СССР генерал-майор юстиции В. Васильев. Изучив действия генерала Родионова и его подчиненных в 120 томах следственного дела, он сделал вывод:

«Это удачно реализованная правительством провокация, грамотно построенная на плечах Советской Армии».

Мало кто обратил внимания на трагичную суть: по грешной, неспокойной земле шли скорбные покаянные дни Великого Поста.

О, всехвальная и предивная равноапостольная Нино, воистину великое украшение Церкве православныя и изрядное похвало народу Иверийскому, просветившая всю страну Грузинскую Божественным учением, и подвигом апостольства победившая врага нашего спасения, трудом и молитвами насадившая зде вертоград Христов и возращшая его в плод мног. ...огради нас от всяких зол и скорбей, вразуми врагов святыя Церкве Христовы и противников благочестия, охраняй твое стадо, упасенное тобою, и моли Всеблагаго Бога Спасителя нашего, Ему же ты ныне предстоиши, да дарует нам мир, долгоденствие и во всяком добрем начинании поспешение и да приведет Господь нас в Небесное Свое Царствие, идеже вси святии славословят всесвятое Его имя ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

ДВАДЦАТЬ ПИСЕМ – ОДИН ОТВЕТ

В начале августа в квартире майора Николаева ранним утром раздался длинный-предлинный звонок, перешедший в стук кулаком. Ошалевший Виктор подлетел к двери в одних трусах и, открыв дверь, уставился на... зам. командующего ВВС Зак. ВО, представителя КГБ округа и командира своего полка. Его никогда не будили так рано люди такого ранга. Тем более таким способом.

– Николаев?..

Командир полка, явно не зная, как себя вести и каким тоном говорить, начал с аварийного «ням-ням». Не являясь представителем дипкорпуса, он в виду волнения, внутреннего замешательства, перераставшего на глазах в эмоциональную бурю, выпалил:

– Немедленно одевайся, галопом в машину и на аэродром. В 9:20 к тебе прибывает борт Ту-154 из Москвы с зам. министра обороны генерал-полковником...

У подъезда стоял командирский УАЗик и две черные ГАЗ-24 с нервно покуривающими двумя генералами. По дороге на аэродром у каждого бурлило в голове свое, и никто из руководства Закавказского ВО не знал, как себя вести с Николаевым. Зам. командующего постоянно курил, чекист украдкой посматривал на Виктора, а командир полка чистосердечно спросил: «Натворил что?» И тут же ответил себе: «Тогда бы тебя по-другому взяли».

9:15. На литерной стоянке — длинная шеренга генералов, которую замыкал майор Николаев.

9:20. Коснувшийся ВПП Ту-154, зарулив на стоянку, сбросил турбинный свист. По трапу спускался генерал-полковник, зам. министра обороны СССР. Наскоро поздоровавшись со всеми по чину и приняв убедительный доклад, что у нас в Закавказском ВО все спокойно, он остановился возле Николаева.

– Вот и Вы, майор. А я к Вам.

Все лампасы, чуть повернувшись к говорящему, оцепенели. Тон прилетевшего генерала был предельно уважительным и подчеркнуто благодарным за приглашение. Было такое ощущение, что Виктор, как минимум — шейх Арабских Эмиратов.

— Приглашайте!

Виктор мямлил что-то невразумительное, типа: «Проходите, будьте, как дома».

Зам. министра, повернувшись ко всем, достаточно твердо и властно произнес:

— Товарищи генералы, я прибыл по приглашению майора Николаева и по рекомендации Раисы Максимовны. Товарищи, занимайтесь своими служебными делами. Кого необходимо — я вызову.

Прибывший взял Виктора под локоть:

— Виктор Николаевич, я полностью в Вашем распоряжении. Наше время не ограничено.

Полминуты спустя за горизонтом скрылась последняя «Волга» армейского командования. Виктор туговато приходил в себя, лишь минут через пятнадцать осознав полностью причину такого визита:

— Да-а-а... Значит, те письма все-таки дошли. Надо же!

Войдя в скромный майорский кабинет, генерал, чуть расслабившись от привычной кремлевской подтянутости, повесив китель на спинку стула, почти по-домашнему, произнес:

— Садитесь, Виктор, вы здесь хозяин. Я у Вас в гостях. Поговорим, все неспешно обсудим. Жарко тут у Вас.

В дверь робко постучали. Виктор с генералом произнесли в один голос:

— Войдите.

На пороге стоял комбат с подносом в руках: «Позвольте Вас угостить с дороги, товарищ генерал». Он поставил поднос на стол.

— Если что вдруг понадобится, я всегда рядом.

Комбат смотрел на Виктора прелюбезнейшими глазами. И начался разговор. Зам. министра достал из своей папки бумаги и разложил их на столе. Тут Виктор увидел свое письмо — из тех, повторно отправленных, в том числе и Раисе Максимовне Горбачевой. В левом верхнем углу рукой Михаила Сергеевича написано: М. О. Найти адресата, достойно ответить лично. Чуть ниже стояла подпись министра обороны: генерал-полковнику... прибыть в в/ч 42... о выполнении приказания доложить лично мне.

— Виктор, Ваше письмо Раиса Максимовна получила.

Она очень благодарна Вам за сердечную отзывчивость. Прочитав его за ужином, она попросила Михаила Сергеевича ответить Вам лично. Но Вы понимаете, он весьма занятый человек и поэтому перед вылетом к Вам попросил меня, встретившись с Вами, передать извинения за невозможность лично поблагодарить Вас и поставил мне задачу разрешить все ваши вопросы, если они у Вас есть.

У двух офицеров разного ранга разговор в кабинете шел, как летел, шесть часов. Идя по порядку, дотошно, внимательно, он начался с той кратенькой заметки, ставшей причиной встречи.

Все произошло второго марта 1989 года. В «Комсомольской правде» была напечатана небольшая заметка под названием «Правда ли это?». В ней приводились выдержки из интервью с академиком Сахаровым и его женой Е. Боннер в одной из канадских газет. Прочитав эту статейку, Виктор заболел душой. В ней говорилось, что на пресс-конференции в Канаде Сахаров привел факты расстрела советскими вертолетчиками своих, советских военнопленных. Якобы, это делалось для того, чтобы солдаты или офицеры, попавшие в окружение, не попали душманам в плен. Сахаров говорил об этом, ссылаясь на имеющийся специальный приказ. Виктор, машинально еще раз перечитывая свое письмо, вновь и вновь... взлетал и садился, спасал, стрелял, ходил на разведвыход, загружал «тюльпаны».

«... Я — вертолетчик, — писал он в письме.— Тот самый, кто по Вашим словам, г-н Сахаров, расстреливал окруженных, добивал тех, кого нельзя было спасти от плена. Но год в жизни я отдал Афганистану и потому не по рассказам мифических свидетелей и западных радиоголосов знаю: не было там святее для наших ребят задачи, чем спасение попавших в беду товарищей. Глубоко убежден, что мои чувства разделяют все те, с кем приходилось летать, кто подставлял себя под пули, ради спасения других: Герой Советского Союза Николай Майданов, кавалеры боевых орденов офицеры Н. Николобай, В. Земсков, И. Стригин, Г. Хлебник, А. Радаев, Д. Скворцов, А. Головко и сотни других. В память о погибших там ребятах, с честью вернувшихся в Союз живых — говорю Вам, академик Сахаров: сказанное Вами канадским журналистам —

Ложь! Как человек, на себе познавший ад той войны, заявляю: советский солдат останется эталоном войскового товарищества, даже под пулями врагов... Академик Сахаров оскорбил наше братство через средства массовой информации, вот и я хочу через них же потребовать от него извинения перед теми, кто вернулся из Афганистана домой и кто уже никогда не вернется в армейский строй. Перед матерями, которые знают и верят — их сыновья погибли, как герои!» *(Газета «Ленинское Знамя» Зак. ВО, 6 августа 1989 г.).*

Виктор нервно ходил по кабинету. Генерал подал ему второе небольшое письмо:

— Виктор, Вы не одиноки в своем мнении. Вот аналогичное возмущение маршала С. Ф. Ахромеева, где он говорит то же самое, что и Вы. И ...суховатое оправдание зам. главного редактора «Комсомольской правды» В. Симонова с личной подписью.

«Уважаемый Виктор Николаевич! В связи с повторным Вашим письмом по поводу заявления академика А. Д. Сахарова обращаем внимание на следующее обстоятельство. Изложив суть заявления академика и дав здесь же опровержение Маршала С. Ф. Ахромеева, редакция вернулась к теме в номере за 25 апреля сего года. В опубликованной подборке писем (авторы большинства из них — бывшие воины-интернационалисты, в том числе и авиаторы) опровергают высказывание А. Д. Сахарова о случаях расстрела с вертолетов советских военнослужащих, приводятся примеры боевой взаимовыручки. Опубликовать все письма, посланные в редакцию по данному поводу, не представляется возможным, да и, на наш взгляд, в этом нет необходимости, поскольку в своих выводах читатели единодушны, их позиция в достаточно полной мере нашла отражение на страницах «Комсомольской правды». Что касается других претензий в адрес газеты, то редакция их принять не может. Как мы уже сообщили Вам, заявления, порочащие Вооруженные Силы, в «Комсомолке» не публиковались.

Всего доброго! Зам. главного редактора В. Симонов».

Господин Симонов, афганцы не имеют претензий, ведь правда — комсомольская.

Два офицера Вооруженных Сил, единые, как боевые души, долго и молча стояли у трапа самолета. Видимо, генерал просто не хотел улетать от простодушия гарнизонного люда, а Виктор, действительно, поверил, что войсковое братство безгранично. А главный виновник встречи так и отошел в мир иной без покаяния. Но ведь жизнь вечна, и отвечать на Страшном Суде придется каждому за все: помысел, слово и дело. Генерал улетел, решив попутно двадцать одну личную проблему офицеров гарнизона. Николаева в этом списке не было. Неудобно как-то.

Виктор встречался с Раисой Максимовной незадолго до ее смерти у храма Сергия Радонежского, что в Рогожской Слободе. Это был странный разговор двух людей. Она, необычная женщина, поздоровавшись с ним, забыла забрать свои немолодые ладони из его рук и что-то долго задумчиво, неторопливо говорила ему, благодаря за что-то. А он стоял и, осторожно держа ее руки в своих, напряженно всматривался в ее лицо. Такой она и осталась для него: близкая для своих и очень разная для мира сего.

ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ ХРАМ...

О святая блаженная мати Ксение, в житии твоем крест тяжкий понесшая. Приими от нас грешных, моление сие к тебе приносимое. Огради нас молитвами твоими от наветов духов тьмы и всех мыслящих нам злая. Умоли Всещедраго Бога подати нам силу и крепость, да кийждо от нас возмет крест свой и вослед Христу грядет, поя Ему с тобою: Аллилуиа.

Поезд Москва—Санкт-Петербург, мягко качнувшись, бесшумно поплыл вдоль перрона. За его купейными стенами осталась муравьиная суета людей и вокзальный гул. Три путешественника: Виктор, Лев и Николай, отдышавшись, постепенно остывая, начали врастать в дорожную обстановку. После соответствующих «будем знакомы» (в купе был четвертый попутчик, солидный пожилой мужчина), и кондукторского «будьте любезны, ваши билеты», сложилась дружеская, близкая к домашней атмосфера. Всенародное купейное телеокно представляло своим гостям многосерийный фильм. Ритмично менявшиеся кадры то ублажали сердца видами величественных и вечных Божьих храмов, то раздражали обилием рекламных щитов, являющихся вещдоками полного падения нравов и морального стержня. Чуть присмиревшие пассажиры невольно вздрогнули от внезапного радиоврывания во временное местожительство. Как выяснилось, страна уже несколько суток следила за судьбой доверчивого лодочника, которого обещал убить бежавший из мест заключения ужасно охрипший человек. Несчастного, буквально в последнюю секунду, прикрыли собой цыгане, указывая гитарой на где-то здесь находящийся «рай», в котором душа может выбрать, что хочет. Оборвавшаяся рукой Льва звуковая истерика еще какое-то время носилась по вагону, постепенно затихая. Пожилой мужчина с интересом посмотрел на необычных попутчиков.

— А вы, видимо, военнослужащие? Просто в вашем поведении есть что-то такое, отличное от нашего, — Иван

Сергеевич, так звали четвертого человека, обратился ко всем сразу.

— Ну, в какой-то мере, — за всех ответил Виктор.— Я — офицер в отставке. Николай — полковник, действующий вертолетчик. Лев — тоже военный, — Виктор улыбнулся, — защищает Храм, в свое время понюхал порох у Белого Дома. К тому же мы люди православные, с легко запоминающимися фамилиями: Николаев, Писарев, Николобай. Сейчас вот едем к матушке Ксении в Питер, за помощью.

— За помощью? — Иван Сергеевич стал искренне и с интересом расспрашивать о цели поездки. Лев, как коренной петербуржец, с удовольствием ему обо всем рассказал.

— Иван Сергеевич, а вы не будете возражать, если мы пригласим вас на трапезу, с молитвой? — Виктор указал на купейный столик и нехитрый дорожный сухпай.

— С большим удовольствием, — окончательно проникнувшись доверием к попутчикам, ответил немолодой мужчина и предложил свои дорожные запасы.

— Только, знаете, для меня это все необычно. — Было видно, что Иван Сергеевич чуть смущался. — Нас ведь лишили в свое время такого дела.

— Да мы тоже не сразу пришли в Храм, — ответили пригласившие.

— У каждого своя дорога к Кресту. Знаете, Иван Сергеевич, у нас долгая ночь, вы уж простите, что мы воспользуемся ею для наших воспоминаний. Сейчас не так легко бывает собраться вместе боевым друзьям-однополчанам. Я ведь с Николаем год отвоевал в Афганистане, есть что вспомнить.

— Ну-у-у, — на лице Ивана Сергеевича появилась грусть. — Эта война и по моей родне прошлась. Позвольте мне послушать вас.

— А сейчас, — сказал Виктор, — дерзнем взять на себя смелость сказать, что наше купе — военно-полевой храм.

Под монотонный рельсовый перестук, мелькающие временами световые блики в ночном окне, мужики вскрывали скорбный и смешной душевный армейский архив тех, восьмидесятых...

СТАРЛЕЙ ГРИШКА

Война на улыбки скупа. Вырывавшиеся на волю ночами онемевшие от безделья трассера кучей носились по всей округе. Этого добра было в избытке, так как во время войны больше всего работы бывает на свинцовых заводах и древесных фабриках.

После всякой ночи утреннее солнце махом просушивало землю и души. Сегодня, в выходной день, а это была среда, отпущенные от безделья порыскать в режиме свободной охоты ноги самопроизвольно навели Виктора на блиндаж танкистов. Выходной среди недели не был редкостью. Им могла быть и пятница, и понедельник. Просто сегодня метео не выдало лицензию на отстрел «духов».

«Витька! Ты опять живой!» — вечно радостный зам. командира Санька, комплекцией чуть меньше своего танка, готовил торт по своему рецепту: вымачивал три булки хлеба, давно ставших кирпичами, засухаривал их слегка на сковородке, а после обливал дефицитной сгущенкой. Сделай он подобное в миру и подай на стол — Саньку бы гости просто избили, а на фронте, вне сомнения, данная жуткая мешанина являлась деликатесом. Да что там торт! Даже вода на войне, когда ты трое суток без нее, становится в любом виде живая. У Саньки сегодня были три радости: позавчера он перестал быть «Вектором», то есть закончилось его трехмесячное дежурство под этим позывным на дальней высокогорной точке. Во-вторых, он, наконец, напарился в бане. В-третьих, завтра он летит в отпуск за «ленточку». В связи с этим за столом находилось уже достаточное количество «ягод». По престранной словесной символике в Афгане многие вещи получили ласковое обозначение. Так Су-17 стал стрижом, Су-25 — грачом, танк — слоном, керосин — молоком, бензин — сметаной, мины — консервами, человек с биноклем — ясновидящим, ну а люди — ягодами.

Судя по обозначениям, мужики с тоской вспоминали о деревенском погребе.

Многолетняя офицерская практика показала, что в любом армейском коллективе на любом мероприятии один

должен быть всегда трезвым от начальной нулевой точки до завершающегося часа «икс». Кому им быть, всегда решал старший по должности или званию. Если такового не наблюдалось, зажимали в кулак патрон — на кого попадет. На кого это попадало, не роптал. В его обязанности входило все: от первого налива до последнего. А что делать?..

К великому несчастью, сегодня быть трезвым выпало спецназовцу, старшему лейтенанту Григорию Бочарову. Главная задача боевого тамады в этом случае была — не допускать ни недолива, ни перелива и уж ни в коем случае не капнуть мимо. Тостовая витиеватость обязательной не считалась, ограничивались фронтовым: «Ну, по первой». Гришка недавно в сорок седьмой раз сходил «в ночь» — в разведвыход. Этот двадцатичетырехлетний старлей повидал жизнь за два года, как за 224. Там, в Москве, определили, что война идет «день за три». Гришка после первой рукопашки, когда через распоротый живот наполовину высунувшаяся вместе с кишками душа была машинально засунута его грязными руками обратно, понял, что на войне срок часто идет, как мгновение за век. И что «русского мало убить, его надо еще завалить». Тогда он определил, что «ошибка» и «вина» — это не одно и то же, что нечисть тоже считает, что она имеет «честь». Гришка в первый день войны видел, как «сильные рыдают мужики» и насколько страшен и впечатляющ лик человека в последнее мгновение жизни перед самоподрывом, когда он предпочел плену смерть. Старлей познал лично, что человек полностью правдив бывает в секунды смерти — ему уже нечего терять и бояться. Сидящие за столом негромко, чинно и степенно нумеровали тосты. Каждому тосту придавалось свое поминание и воспоминание.

Мужики молчали, сидя в тройном блиндаже, недалеко от Индии, сердцем находясь в Рязани, Перми, под Калугой...

Еще Григорий знал, что бывает то, чего быть не может... «Духи» теми двумя ребятами-десантниками, взятыми в плен, «питались», как дано додуматься только им.

Гыркающая, подвывающая «Эл-ляя экбэр» куча ела впившимися глазами еще живых раздетых, дрожащих, прижавшихся друг к другу, стоящих на снегу десантников.

Главарь, вибрирующий от запаха смерти, хрипло прострелял языком свое решение. Переводчик еле успевал за его приговором:

— Вас оставляют живыми... (Долгая пауза).

— Ваш путь к своим Аллах дал... по минному полю. Кто пройдет — не тронем, подохнет — воля Аллаха. — И снова долгое «Эл-ляяя экбэр».

В гробовой тишине, при замерших «духах» и свидетеле — ледяном зимнем солнце, по полю, чуть сутулясь, не вихляя, ровной тропой шел русский солдат. Позади полпути. Второй пленный, стоя возле главаря, смотрел расширенными до бровей глазами за движениями друга, быстро менялся в лице, доставляя наслаждение собравшейся для этого куче. Взрыв! Разом присевшие «духи» пожирали глазами место, где в предсмертных судорогах бился умирающий, и следили, как реагировал второй — живой.

Переводчик подтолкнул второго, подсказав сладким голосом:

— Теперь ты... Твоя дорога сюда, в другую сторону... Парень медленно, очень медленно ступая, делая сантиметровые шаги, стал все чаще похохатывать и пританцовывать в такт движениям. На середине пути он вдруг задергался, зашипел, захихикал и запетлял в беге... дурачком. Он долго носился по полю, то отбегая, то возвращаясь, показывал «духам» язык, кукиши, шлепал себя по ногам и хохотал. С ним хохотали подпрыгивающие бандиты. Поле было обычное, не заминированное...

Старший лейтенант Бочаров стал десантником в 16 лет после просмотра одного из казенных киножурналов про крылатую пехоту, которые были обязательными для показа, как средство воспитания, перед каждым художественным фильмом. Тогда из клуба он вышел другим. До этого Гришка, насмешливо похлопывая дружка по плечу, любил говорить, как цедить, насмешливо убеждая, что за сентябрем идет январь, после заката солнца следует полдень... Носил рубашку с разными пуговицами, плевал через левое плечо, вся жизнь была сплошная дискотека, а кто не шел за ним — были дураки. Кривая ухмылка у него заменяла «здравствуйте», штаны волочились по земле, тело выглядело буквой «з», и на турнике подтягивался полтора

раза в неделю. Однажды дед, летчик-фронтовик, застукал его с винным и папиросным запахом. С Гришкой был проведен «разбор полетов» старым и надежным дедовским методом — ремнем, после чего он неделю питался и учился стоя, умудрившись при этом сделать философское заключение, что курение и вино, действительно, вредны для здоровья. Мудрый дед берег честь внука смолоду. После десятого класса он, сдав вступительные экзамены на «хорошо», поступил в «рязанку» — Рязанское высшее общевойсковое десантное училище, и уже на первом курсе не мог понять, что его могло объединять со многими из тех, кто были для него еще полгода назад «своими в доску».

Гришкина ухмылка набекрень выровнялась в симпатичную улыбку, а курсантская форма явно подчеркивала мужскую красоту. Он больше «не коварствовал» языком, перестал врать и за столом чаще молчал. Батя, заглядевшись на него во время очередного отпуска, забыв прикурить, напрочь прикипел к нему. Вечером Гришка, проводив свою одноклассницу, застал мать с освежающей счастливой слезой. Из училища Григорий Бочаров выпустился с отличием и задатками разведчика от Бога. В каждом роде войск, в полку и роте есть кто-то от Бога. Иначе не до порога. Вообще, до домашнего порога из боя без Него просто достойно никто не возвращался. Или не возвращался вообще.

Разведчик Григорий о разведке знал все. Чему не доучила в мелочах «рязанка», он с лихвой добрал на войне. Война практически доказала правильность теории легендарного училища, где преподавали золотые медалисты Афгана. Уж они-то знали, что через эту войну прошли все мало-мальски уважающие себя военные со всего света, для которых более качественной практики, чем воевать с русскими, не существует. Отличник Бочаров с первого боя не трясся в истерике при виде убитого, и задыхался только от потока ветра, а не от страха, когда вылетал с парашютом вверх ногами с борта «горбатого» на скорости 400 км/час. Но страх Гришка уважал. Битые и прошитые войной преподаватели с первого дня вразумили курсантские головы тем, что страх, оказывается, это Божий дар. Страх — отец разведки. Только он, загодя, делает мозг хладнокровным аналитиком для спасения личного и всей группы. Страх —

это нормальное состояние здоровой психики. Если страха нет, его тут же заменит животный инстинкт предательского самосохранения. Бесстрашный человек опасен в бою. Страх — это бронежилет человека, от которого ответвляются десятки сопутствующих чувств. Особенно брат разведки — риск и ее мать — осторожность. Это старший лейтенант знал, как «Отче наш». От этого оказалось, что сердцу, если надо — прикажешь. Гришка приказывал сердцу сто раз на дню: молчать, терпеть, ждать, сбивать азарт, иначе бесконтрольный кровавый азарт в бою гарантирует твой конец. Одно из условий разведчика — высокий интеллект, выводящий интуицию на уровень тоннельного зрения, то есть, обладающий этим качеством человек способен видеть все краем глаза. От всех неразведмыслей надо категорически отказываться до боя. В разведку надо уходить в чистом белье, ибо профессиональный противник услышит тебя по запаху метров за тридцать-пятьдесят. И желательно некурящему, без насморка. Гришка назубок знал повадки собак, их слабое место с 11 до 16-ти, плюс псиное поведение в грозу, дождь, ветер, жару. Его научили уходить от собак «восьмеркой», используя перец. Это когда натоптав довольно большую тропу в виде цифры «восемь», посыпал ее отравой, и собака заходила в тупик — туда, откуда начинала поиск, отравившись. Или «дергать» от противника заячьим кругом, то есть двоетрое открываются противнику и уводят его от основного отряда. Духи, идя за ними, теряют контроль над главной силой, которая дает условный сигнал, и «зайцы» залегают. Враг, напоровшись на них, забивается с двух сторон. Гришка мог терпеть удушье руками, мочиться и ходить под себя по малому и большому в засаде и без эмоций терпеть это в любое время суток и года. Спать зимой с засадной группой в виде причудливых шахматных квадратиков, засунув свои разутые ноги в пах другого, грея их его теплым животом. Он учился быть голодным и холодным перед разведвыходом. У него с собой всегда были два-три ножа, которыми он бил, не задумываясь, в цель: в сердце, под кадык или куда попало. Гришку уже в Афгане научили терпеливо, без движения, равнодушно ждать, пока случайно заползший на тело скорпион или тарантул сам не слезет с него. Тревожить его — себе на сто процен-

тов хуже. Знал, как по спящей змее определить, когда здесь были люди. Если она была спокойна или спала, значит, «духов» здесь не было минимум минут тридцать. Старлей без дешевого и слюнявого пижонства мог убить кролика и выпить его кровь. Пустить в дело для питания все: собаку, лягушку, червей, змей, насекомых, ящериц, мышей. Умел немедленно прервать икоту, которая ночью в горах слышна до километра. Для этого, стоя на коленях у камня, он ставил на него фляжку с водой и, сцепив руки за спиной в замок, делал несколько глотков.

Разведчик Григорий, кавалер двух орденов, двух медалей «За отвагу» и дважды раненный, умел все. Потому что все это нужно было ему на войне. Чтобы Родину защищать, Москву и Арбат. Ибо, «Убивая врага — учишься особенно любить Отечество!» Гришкин профессионализм был штучным товаром и цены не имел из-за бесценной любви к Родине. Его евро- и заокеанские противники имели почасовую цену за свою любовь к своей родине и защищали ее по финансовому сговору строго определенный срок. И были они не солдатами удачи, а хлыстами войны. Оружие которых за два доллара сверху можно было всегда развернуть в любую сторону. А потом, если не будет таких спецназовцев-разведчиков, как Гришка, то пижоны, до того лениво сидевшие в пивнушках и брезгливо поглядывавшие на них, будут на Арбате чистить до блеска примитивную обувь фабрики «НАТО», перебиваясь от этого чаевыми, и с тоской вспоминать о старлее Григории Бочарове.

К полуночи войсковая внутриблиндажная трапеза завершилась командой старшего стола: «Время. Заканчиваем». И народ, принявший по нескольку раз на грудь, четко выполнив приказ командира, за пять минут заметно протрезвев до штатного режима, разошелся. Минут через двадцать в блиндаже остался один Санька, в десятый раз проверивший отпускной чемодан, мысленно подталкивая при этом часовую стрелку. Самое черепашье движение времени — когда едешь с войны домой.

АФГАНСКИЙ КАРАСЬ

Темная ночь за окном вагона периодически менялась то внезапными жиденькими полустанками, то тусклыми переездами. Набравший резвый ход поезд залихватски доказывал свою металлическое здоровье ровным перестуком колес. Мужики то напряженно слушали друг друга, то тихо смеялись, иногда посматривая на худые стены: «Не разбудить бы кого». Порой они исчезали за дверью купе с деликатным пояснением: «Посты обойти». Иван Сергеевич, уходя с сигаретой и зажигалкой в руке на несколько минут, бесшумно подсаживался, покашливая осторожно в кулак. За бортом осталась незамеченной Тверь, тоскливо вздохнул оставшийся без внимания Вышний Волочек...

А Николаев с Бочаровым третий день путались на «Чайке» в спецназе у зам. командира капитана Аркаши Козлова и уезжать, похоже, не собирались. Друзья не виделись сто лет — целые две недели. Они уже час решали стратегическую задачу — к кому бы можно было так грамотно нагрянуть, чтобы хозяева при этом были лишены малейшей возможности спрятать приготовленный ужин. В офицерскую столовую они опоздали по техническим и психологическим причинам — сосед Игорек, анестезиолог батальона, 23-летний старший лейтенант вчера потерял друга в скоротечном бою и, сутки смотря на всех измученными провалившимися глазами, мог непредсказуемо в любую минуту рвануть к «духам» — для расчета. Горестно было всем. Но Игорю особенно. Он с погибшим лейтенантом Димкой, командиром взвода, был в Афгане с первого часа. На вчерашнем разведвыходе, когда они брали очередной караван-наркоман, по Димке с обоих стволов «духи» отработали гранатометом. Он от сотен осколочных попаданий был похож на человека, осыпанного маком. Угасал в крике, как рожающая баба. Димка умер, не успев сомкнуть настежь открытый рот и вытаращенные глаза. Даже в это вечное мгновение было видно, как ему невыразимо больно. Игорь — неробкий парень, не раз видевший смерть, оцепенел возле друга под грохот боя и десятки нецензур-

ных слов со всех сторон, враз разучившись ставить диагноз — смерть. А потом он пошел в ножевую атаку. Видя это, на какую-то секунду замолчали и свои, и враги. В правой руке у него был нож. В другой находился автомат Калашникова, очередями из которого Игорь мельчил «духов» и убитых, и еще живых. Ударом ноги отбивал то одну, то другую головы и, будто испрашивая Димкиного свидетельства, страшно орал: «Этот убил?! Этот?!» Игорь искал убийцу друга и никак не мог его найти. Несколько секунд спустя для его поддержки лошадиной подковой рванула вся спецназовская группа. Бой закончился внезапно со счетом один к девятнадцати. У десантников потерян был Димка, «у духов», без возможности опознания, 19 человек, четыре верблюда и почти двадцать ослов. Оставшееся фото жены и дочери, найденное у Димкиного сердца, было как новое.

— Ладно, Игорек, пошли. Пошли...

Виктор с Аркашей бережно подняли проспиртованного от горя, но пугающе трезвого друга.

— Тебе нельзя одному оставаться. Пошли с нами к боцману. Давай, вставай!

Боцман был в гарнизоне легендарной личностью. Уроженца Одессы-мамы, отслужившего там после увольнения из ВМФ настоящим боцманом на прогулочном катере «Ракета», будто пророчески звали Женька Карась. Однажды он по телеку увидел короткий репортаж про Афган, спецназ и ...«заболел».

— Хочу на войну, — сказал Женька военкому таким тоном, что тот вызвал на всякий случай в кабинет дежурного по военкомату. Через месяц «насмерть» замученный военком, икающий при одном упоминании о Карасе, сам подготовил на него все необходимые документы. Прощаясь с ним в дверях, как ни странно, с уважением похлопав Женьку по плечу, произнес:

— Ну, ты, однако, и карась!

Не меньшие испытания ожидали его в Кабуле уже от «афганских» кадровиков. За годы службы они насмотрелись всякого, от сердечно слезного до смешного до слез. Но когда к ним в Афган, не знавший никакой стороной морской границы, прибыл мичман в морской форме, это было что-то! В результате недельных нервных потрясений

кабульские кадровики замотались с Карасем до того, что было непонятно, кто к кому прибыл для поиска места службы, так как Женьку устраивал только спецназ. В итоге его отправили на «Чайку», обосновав свое решение главным аргументом: «Там есть арык и большая водонасосная станция». Надо сказать, что Карась не зря мучил кадровые инстанции. В спецназе он оказался настолько к месту, что чувствовал себя с первого дня, как рыба в воде. Он просился на каждый вылет, разведвыход и вообще воевал с большим умом. Карась считал, что у русского мужика нет времени, чтобы воевать «не так». Батя определил его начальником водокачки, которая с Женькиным прибытием лишилась всякой возможности ломаться и какое-то время спустя стала самой настоящей точкой гарнизонной психологической разгрузки. Мужики по любому поводу, а чаще без повода, по несколько часов кряду пропадали у него в гостях. Если кто-то кого-то разыскивал, то начинал это делать от боцмана. Однажды «духовские» снайперы начали обстреливать «Чайку» непонятно откуда и очень болезненно. За неделю — один убитый и шестеро раненых. После тщательного изучения ситуации боцман установил причину. Оказывается, «духи» воспользовались системой подземных водоканалов, построенных в прошлом веке. Их колодцы в виде удивительно прочных труб подходили вплотную к гарнизону. Вот «духи» и начали прицельно бить из них. Бесшумно и незаметно появятся там, отследят цель, произведут выстрел и ныряют бесследно. Карась, неделю пролежав на макушке своего заведения, не шелохнувшись, почти без еды и сна, стал первым военным «левшой» двадцатого века. Он решил так: канализационных люков пять, с башни они четко просматриваются, но если заляжешь там с винтовкой, то, приподняв голову для стрельбы, невольно рассекретишься. Тогда Женька взял и, закрепив намертво на макушке пять снайперских винтовок, очень точно пристрелял их к люкам, откуда торчали «духи»-снайперы. Привязал к куркам шелковые парашютные стропы и свел их к земле. Сам, сидя внизу, в самодельном шезлонге стал терпеливо дожидаться противника, покачиваясь и попивая чай. Первый снайпер появился через день с северной стороны. После первой его пули Карась дернул нужный шнурок.

Через четыре дня у водокачки штабелем лежали отстрелявшие свое пять «духов». Неделю спустя на боцмана ушел наградной лист «За боевые заслуги», а комбат, скрупулезно изучив карасевский отчет об «изобретении», приказал оформить его, как рацпредложение с выдачей в виде материальной помощи одного литра спирта. Боцмана мужики застали сидевшим на кровати. Он пил чай при собственноручно сделанных свечах из нескольких пулеметных гильз, напевая между глотками неплохим тоскующим голосом: «Извела меня кручина, подколодная змея... Ты, гори, гори моя лучина, догорю с тобой и я». Догореть Карасю не дали. В комнату втащили внешне спокойного Игорька.

Мужики, стараясь осторожно провести ужин, тщательно обходили ранимые сердечные углы друга. Увы. Он все-таки сорвался и, налившись внезапно не свойственной ему физической силой, то вдруг начинал махать кулаками после той боевой драки и бить Виктора, Аркашу и Карася, то пытался выяснить, почему разорвало Димку, а не его, во всем обвиняя себя. То, как ребенок, навзрыд плакал на Аркашиных руках. Ему все-таки всадили в зад через штаны два укола промедола, а еще минут через десять, под начавшийся вечерний звон, то есть обстрел, его осторожно уложили на боцманскую кровать для двухсуточного сна.

БАНКЕТ

В 6:30 «Чайка» странно зашевелилась. Начали запускать и проверять ходовую часть БТРов и БМП. Офицеры и солдаты молча и сосредоточенно по несколько раз опробовали на себе все боевое снаряжение. В 9:00 первая колонна из десяти единиц техники и пятидесяти человек личного состава замесила по предвесенней дороге в сторону полка афганского царандоя (вооруженных сил армии Афганистана), куда подполковник Блаженко с начальником штаба были официально приглашены на праздничный обед, как руководство единственной рядом находящейся части Советской Армии. В полку у советских «духов» был гарнизонный юбилей. Батальон Бати для этого был «разбит» на две части. Первая, как Батино прикрытие, если что, пошла бы вместе с командиром; вторая — осталась в первой боевой готовности у КПП. Старшим первой группы был назначен капитан Аркадий Козлов. Ему Батя, за-скакивая на головной БТР, сказал:

— Если я с «нш» в 14:00 не появляюсь на КПП «духовского» полка, открываете по ним огонь из всех видов оружия, а через тридцать минут штурмом входите в их укрепрайон с четырех сторон.

Аркаша, прибывший со своей микрогруппировкой, развернувшейся у КПП царандоя, прогуливаясь вокруг своего БТРа, стер левый локоть, смотря через каждые пять минут на часы. А Батя... Бате с начальником штаба после всех неуклюжих официальных церемоний, строевого смотра и марша невпопад и не в ногу по гарнизонной пыли, недолгой восточной молитвы, наконец, подали почетное блюдо: плов с кучей мяса. Без ложки. С минуту понаблюдав, как это едят у них, и сидя ноги крючком, гости быстро перемазались жиром, не решаясь, как афганцы, вытирать руки о ковер, на котором сидели. Еда часто подкладывалась на подносы, подливалось вино, отчего настороженность куда-то исчезла, а в 13:40 к Бате, подошли командир полка с переводчиком и пугающе сбивчивым тоном с округленными глазами стали, перебивая друг друга на плохом русском языке, вперемежку со своим, что-то

говорить, выразительно показывая при этом на дверь. У двери стоял вытянувшийся офицер царандоя и, дублируя действия своего командира, еще больше запутывал ситуацию. Ясность внес только его судорожный жест. Афганец, едва не крича, тряс часами. В 13:56 уразумев суть, Батя с «нш» выскочили на саманную крышу КПП. У ворот гарнизона стояла одна из четырех штурмовых групп уже в сто человек при пятнадцати единицах техники. Остальные три отряда грамотно окружили подходы к царандою с других направлений и следили за сигналом. На переднем БТРе у КПП сидел улыбающийся Аркаша и, пожимая плечами, показывал на время. Личный состав в терпеливом ожидании, покуривая, молча следил за Аркашиным флажком. Через десять минут (ну, какой же Батя не любит быстрой езды!) откланявшиеся визитеры вихрем неслись домой. В гостях хорошо, а на «Чайке» лучше.

Сидевший у себя в комнате в одних трусах Батя оглушительно трескал соленую капусту с черным хлебом, необычно частя штык-ножом. Наблюдавший за ним с большим интересом Аркаша подвел итог: «Духовский корм — не для русского коня». Прибывший для планового доклада начальник разведки доложил об успехе последнего разведвыхода. В плен взяли живым «духа»-смертника из группы «черных аистов», которых для войны с русскими подготавливали на территории Пакистана. Это взбодрило комбата. Вечером, при осмотре пленного, всего в крови, почти полностью зажимавшего распухшее лицо еле шевелящимися руками, начальник гауптвахты простодушно пояснил командиру:

— А это мы его, товарищ подполковник, списали с летной работы: клюв отбили и ногу сломали, чтобы не улетел.

Два дня спустя «аист» по пути на допрос, оступившись, попал под гусеницу БМП.

Расчетное время прибытия в Питер планово приближалось, а мыкающиеся по Афгану души все вспоминали и вспоминали. Тяжко все это: что воевать, что вспоминать, потому что война — это Божий промысел. Это введенный Им человеку, как очищение, жизненный экзамен за грехи. И каждый сдавал его так, как был готов по этому предмету — «Жизнь». Один, изучая эту дисциплину, вы-

вил, что главное на войне — побольше урвать. И урывал. Сослуживцы воевали без него, а он в эти часы брал в дуканах, что хотел. Когда его полк суматошно выводили в Союз, отведя на сборы четыре часа, его... забыли.

Его не было в сердцах каждого, да он и не торопился туда. Нет, он остался жив, но за место в вертолете афганской правительственной армии ему пришлось заплатить всем скопленным имуществом. В Ташкенте ему даже не на что было купить билет домой. Помогли те, кого он считал глупцами, не умеющими жить. Другой, будучи летчиком, спасся от войны по знакомству. Его однополчане ушли в Афган, а он, довольный своим поступком, остался на мирном аэродроме. Через месяц при заходе на посадку в его самолете отказала гидросистема. Спасшийся от войны погиб в мирной жизни. Третьему сказочно повезло — он стал Героем СССР, по разнарядке. Его друзья в этот час спасали друг друга в Панджшерском ущелье, а в Москву, на съезд ВЛКСМ, срочно требовался герой-«афганец». Когда он вернулся в полк с того съезда, друзья отвернулись от него. А вскоре его в каптерке вытащили из петли. Звезда «героя» аккуратно лежала на столе. Четвертый, каких тысячи, скромный, малозаметный человек, в свой час закрыл друга от ножа «духа», став навечно поминаем в тысячах сердец. Каждый по вере, чаще неосознанно, сдавал этот Божий экзамен. И Он, по делам, кому давал в зной испить воду от Креста Его, а кто от жажды погибал в реке.

ХИРУРГИЯ

На «Чайке» в 20:40 отрубился свет. Дело привычное и для обсуждения даже скучное. Ничуть не растерявшийся гарнизонный хирург с интернациональным именем-отчеством Имам Ильич продолжал свое дело споро и профессионально при свете трех керосиновых ламп. Скудный хирургический скарбишко: скальпель, вата и спирта вволю — вынуждали оперируемого капитана Николобая, вертолетчика из Газни, только мычать от боли и коситься на хирурга:

— Ну, скоро?

Знакомый анестезиолог Игорек успокаивал:

— Скоро.

И все отворачивал Колькину голову от места операции. Операция шла без наркоза, так как Николаю, пока его везли до операционного стола, успели всадить два укола промедола, так что наркоз на него не действовал.

Колька от начавшейся необратимой и прогрессирующей жажды прямо на столе выпил залпом трехлитровую банку воды. Наконец, в ведре раздался характерный металлический стук. Один осколок нашли. Минут через пять что-то заскребло.

— Коля, потерпи, еще один осколок, — Имам Ильич вплотную всматривался в место разреза. Оно, красное от крови и обнаженных мышц, никак не позволяло хирургу разглядеть, куда он попал.

— Ой-й-и... Да не осколок это, — шипел Николобай, — это моя кость!

Через минуту хирург все-таки достал, что искал: пулю калибра 4,42. От старинного английского бура.

— Игорь... Коля, ты не слушай, а впрочем, ладно, ты мужик крепкий. Место ранения зашивать нельзя.

Колька бледный, весь в обильном поту уже не задавал никаких вопросов, просто смотрел на врача.

— Пуля, возможно, отравленная. Игорь! Трубку, тампон, промедол, три шприца...

На Имамов стол Кольку доставили прямо из боя в ущелье. Тогда Николобай со своим ведомым капитаном

Тимкой Распутиным получили задачу с вечера и тщательно спланировали с «Чайкой» взаимодействие по уничтожению крупного каравана. В точку боя вышли в нужный час с нужным курсом. Караван из сорока верблюдов и почти ста человек «духов» только-только залег на дневку, то есть замаскировался для дневного отдыха в очень удобном для себя месте, в центре сумрачного глубокого ущелья.

Высадив две группы десантников по десять человек, вертолетчики встали в круг и начали тщательно обрабатывать НУРами (неуправляемыми ракетами) и пушками подход для спецназа по высмотренным тропам. «Духи» заметили высадку по звуку бортов слишком поздно и, побросав скотину с зашоренными кожаными наглазниками, которая, вздыбившись и ревя по-дурному от перекатывающегося в ущелье грохота и запаха гари, начала сшибаться лбами друг с другом, истекать обильной пеной и ходить на задних ногах в поисках спасения. «Духи», одуревшие от гашиша и от всей этой массы мечущихся животных, палили из всех видов оружия куда попало, норовя поразить стремительно проносившиеся вертолеты. От разнокалиберной мощной стрельбы в глубоком извивающемся ущелье появилось необычное искаженное пещерное эхо, от чего смертный хор добиваемого каравана стал, как наяву, слышаться в противоположной стороне. Спецназ, поднявшись в стойку, пошел наступательной цепью на это обманчивое эхо... спиной к «духам». Обалдевшая бандгруппа, первые секунды не веря своим глазам, в последующие открыла догонный огонь со всех стволов в спину десантникам. Вертолетчики, чуть не щелкая стойками шасси по головам спецназу, носились над ними и, высунувшись из блистера по пояс, показывали руками, где «духи». Наконец, десантники, сообразив в чем дело, сориентировались... Плата за ошибку — четверо тяжелораненых.

Во время очередного прохода над местом боя та пуля и попала Кольке в правое плечо. Но она в пылу боя показалась легким шлепком. Что он серьезно ранен, Николобай понял в конце боя, когда добивали оставшихся целыми верблюдов и «духов». Живых бандитов, прикрутив чалмами затылок к затылку парами, раскидали по бортам, прихватив трофейное оружие. Своих раненых уложили к Николобаю и, взлетая, дожгли ракетами все, что осталось.

При подлете на аэродром у Николая от обильного кровотечения начало сильно ухудшаться зрение и стало пропадать ощущение горизонта. Он просипел правому летчику:

— Промедол...

Молоденький пилот так растерялся, что выронил шприц-тюбик. Бортач перехватил обязанности врача на себя, всадив командиру через штаны до упора, с размаху сразу два тюбика. У себя на аэродромную полосу сели грубо и боком. Секунды спустя их, при работающих винтах, вынимали привычные ко всему свои мужики.

Через двое суток после операции Колька, едва ворочая горячим и толстым языком, клянчил у врача выписку.

— Меня мужики там ждут, — вяло плел он.

Мужики ждали не там, а под дверями. Перед вылетом в госпиталь на «Чайку» они зашли к командиру эскадрильи и без особой дипломатии поставили условие:

— В плановый «профик» (лечебно-профилактический центр в Союзе) летим только с Николобаем. Без него ни в Союз не поедем, ни здесь летать не будем.

Имам Ильич в ответ на аналогичную просьбу ходоков и Колькину просьбу о выписке упорно сопротивлялся только первые два часа. Сдался с условием:

— Выпишу, как только он поднимет стакан с водой прооперированной рукой.

Хороший хирург, он знал, что раньше чем через месяц Николобаю это сделать не удастся. Этого времени достаточно было, чтобы удачно залечить непростое ранение. Мужики и больной воодушевились. Друзья Кольку кормили как на убой, привозя на последние деньги лучшие продукты из газнийских дуканов. Девять дней спустя хирург крякнул и махнул рукой:

— Выписываю.

Колька с трудом, но стакан держал. Горше всех было Николобаевскому однопалатнику, советнику из посольства.

— Жаль, что рано тебя забирают, — бурчал он. — Я благодаря тебе только отъедаться начал.

Горчило и в Колькиной душе. Он, морщась, вспоминал о невосполнимой потере — ноже-разведчике, стреляющем боевым патроном из рукоятки, который ему подарили десантники из «Чайки». Когда его после боя, раненого, вытаскивали из вертолета, тот нож буквально сорвал с

него «заслуженный подлец части» — замполит эскадрильи. Этот давно не летавший человек был жалок в своих действиях и оправданиях при увиливании от боя. Это понимали и видели все, но смущались и отворачивались от него не от его пугливости, а от вранья, каким он оправдывал свою трусость: он всегда чем-то был серьезно болен. В тот раз, когда раненого Николобая осторожно вынимали из вертолета, он подскочил к нему и первое, что нервно проговорил:

— Колян, отдай мне твой нож разведчика. Ты все равно уже отлетался, а мне он жуть, как нужен.

Белый Колька с висящей, как плеть, рукой, задохнувшись от такой наглой просьбы, здоровой сорвал с себя любимое оружие и со всей силой врезал рукояткой ножа по морде замполита. Двое суток спустя политработник, благодаря Колькиному стреляющему ножу, удачно списался с летной работы. Провожать его не пошел никто. В Кабул он летел в хвосте «восьмерки» и вышел, как в ночи растворился, навсегда.

БЕЛОЕ СОЛНЦЕ ТАМОЖНИ

Самая трудная дорога с войны — домой, если она пролегает через таможню. Наивные мужики, убежденные, что самое тяжелое осталось за ленточкой, со всего маху напоролись под белым солнцем Ташкента на бескомпромиссного нового Верещагина. Газнийцы в шесть голов отчаянно решали, как прорваться сквозь таможенные турникеты, хотя бы за сутки.

Пограничный накопитель на глазах раздувался от все прибывающих почерневших, измятых афганцев, которые от увиденного не особенно радовались, что они дома. Проходимость через таможенный контроль была невыносимо медленной: шесть—восемь человек в час. Над точкой досмотра висело темное облако из непереводимых слов. Все решали свою задачу по-разному: одни — исходя из служебных обязанностей, которым было всерьез обидно за державу, и это заставляло их быть излишне дотошными; другие — от нетерпения эти обязанности стремились максимально упростить, отчего предлагали злющими языками тьму рекомендаций. У Кольки невыносимо ныла прооперированная рука, и он ее нянчил, пытаясь хоть как-то уменьшить боль. А людская кишка из сотен единиц, тянувшаяся со скоростью десять см в час, не думала ускоряться.

— Товарищ капитан! Подойдите ко мне!

Николобая манил к себе полковник, начальник таможенной службы.

— Я могу пойти вам навстречу.

И началась, ну что ты будешь делать, штатная вербовка. Николаю было предложено засунуть ржавую гранату без запала в свою сумку на дно и на контроле, проходя сканер, усыпить бдительность сержанта, убедив его, что это звенят невынутые осколки. Если Николобаю проходить удается (начальник таможни обещал это сделать вне очереди), то газнийцы в награду получают то, о чем мечтали — сокращают время досмотра. Обе стороны, хлопнув по рукам, быстро сошлись в цене. Смущавшая Кольку неожиданная роль, тем не менее, навела на умное решение.

От завопившего сканера у сержанта округлились глаза.

— У меня в сумке граната, — спасая пограничника,

шепотом признался Николобай. Повеселевший таможенник с удовольствием принял шутку.

— Скажи еще, что начальник таможни подложил. Проходи, без тебя таких хватает.

Стоящий рядом второй пилот Тимка Распутин весело подытожил:

— Это звенит его железная воля!

Подошли к следующему столику:

— В сумке боевая граната, — Николобай, изо всех сил уговаривая взглядом женщину-прапорщика поверить ему, тянул с отходом. Та, не глядя на перебинтованного капитана, заполняя паспорт, негромко порекомендовала:

— Это не ко мне. Это к психиатру.

Дело принимало критический оборот. В Колькину честность никто не верил! Оказывается, благодаря честности через государственную границу можно было пронести любой груз. Группу контроля еле спас старший лейтенант, ставивший печать у выхода. Николай, шипя, так отчаянно убеждал его о наличии в сумке гранаты, что едва не подрался с ним. Когда, наконец, ошарашенный старлей решился все-таки досмотреть сумку, подскочивший полковник быстро загладил дело. Мужики уходили довольные: и время сэкономили, и погранцов не подвели.

Сутки спустя Николобай добирал здоровье в своем крепком семейном тылу. Жена с дочерью восстановили его на одном сердечном дыхании лучше любых врачей. Колька был в Афгане во второй раз. На первой войне Бог его от пуль миловал. Лишь под Гардезом, при добивании каравана, разрывная пуля, пробив дверь салона, инерционно влетела в пилотскую кабину, прошла между ног у борттехника, стрелявшего стоя из носового пулемета, в том месте, откуда ноги начинали расти, затем она ударилась о приборную доску и разорвалась. После этой удачи экипаж пил весь вечер за здоровье до полной невозможности произнести «будь здоров». В другой раз пробивший борт во время боя осколок от ЗГУшки, как лезвием срезал Колькино пилотское кресло. Он, сидя на полу вверх ногами, держа руки на ручке управления вертолетом выше головы, орал правому летчику:

— Управляй!.. Управляй... Тяни машину!

Лейтенант не сдрейфил, вывел борт в безопасное место и посадил его, как надо.

БОЙ – ЭТО ПРОСТО РАБОТА

Вертолетная тройка ночников: Николобай, Распутин, Неволин, не спавшая две ночи, досыпала на ходу по дороге на предполетный медицинский осмотр. Они дважды подряд за двое суток сходили на Кабул через Гардез и Бараки «тюльпанами» и «продовольственниками». Позапрошлой ночью они продемонстрировали двойной тактический пилотский нонсенс. Один пустяковый, но нужный — изобрели воздушный вытрезвитель. Когда находящийся в вертолете перебравший от радости отпускник или заменщик не восстанавливался самостоятельно до Кабула, пилоты выполняли две-три энергичных «горки» (резкий набор высоты и внезапное снижение), отчего пассажир мгновенно приобретал вид убежденного трезвенника.

Второй — главный: доставили в Кабул одиннадцать «двухсотых» (тяжелораненых) в условиях, которые могут быть выполнимы только с Божьей помощью и личной готовностью пожертвовать собой за други своя. Совершить такой подвиг от личной выгоды для личного спасения, бросив своих друзей, человек не способен.

Начальная задача была предельно проста. Пилоты в Кабул доставляют отпускников, а оттуда на «Скобу» берут почту и продукты. Уже оторвавшись от гардезской взлетки в 00 часов 5 минут, их через 15 минут со своего траверза кричаще запросили баракинцы, умоляя срочно забрать 11 «двухсотых». За семь минут до точки подлета к Баракам Кабул заорал: «Запрещаю!». Даже с борта было видно, что на Баракинский щупленький гарнизончик «духи» вывалили трехмесячную норму боезапаса. Курсы захода и взлета были наглухо закрыты трассерами всех калибров. Колька с левого блистера наблюдал, как из ракетного шестнадцатизарядного «пакета» сошли разом десять снарядов и пошли на него с догонной скоростью от пуска до касания 40 секунд. Но не так страшна смерть, как ее малюют. Экипажу на принятие решения отводилось полсекунды. Кабул продолжал стальным голосом запрещать посадку в Бараках. Бараки смотрели в ночное небо, как на Бога. Николай, ведущий, на второй половине се-

кунды решает: «Садимся!» Он, имитируя «неприем» информации по техническим причинам от кабульского диспетчера, валит борт с тангажом 40° (угол наклона вертолета по отношению к земле) и креном 60°. Пикирует с высоты 5,5 км до 2,3 практически вертикально со скоростью около 30 метров в секунду. Общий хрип от единого задыхания легких, словно заморозившийся живот, щелчки лопающихся глазных век, залипший к небу кислый язык от нечеловеческой перегрузки слились с предразрушительными оборотами смертельно застучавшего выгнутого в воронку несущего винта. За сто метров до удара о землю Колька ледяными руками, фосфорящимися от напряжения, остановил падение борта, уйдя благодаря этому от кучно пронесшегося над ним крупного пакетного заряда.

Зарулив тройкой бортов на баракинскую площадку и оперативно приняв «двухсотых» с заранее привязанными к носилкам оторванными ногой и руками, газнийцы унеслись на Кабул в час двадцать ночи на предельно малой высоте. «Столичный» авиадиспетчер ничего не заметил.

ТЫСЯЧНАЯ БЫЛЬ ВОЙНЫ...

По весеннему Афгану, кряхтя и ежечасно подолгу отдыхая в каждом гарнизоне, заковылял «Вывод». Самое невыносимое на войне — погибнуть за день до ее окончания. Но более тяжкое, если гибли твои друзья, а ты не в состоянии был помочь. Поэтому в последние часы пребывания на Востоке мужики берегли друг друга, как могли. На внезапно поступавшие приказы о выручке даже одного человека мобилизовывали все свое многолетнее мастерство. Воинский дух в таких случаях устроен так, что в час икс сердце само говорит — теперь твоя очередь. И от этого происходил именно тот взрывной всплеск единства духа и тела, для которого мужики годы назад клялись молодыми неокрепшими голосами:

— Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, принимая Присягу, торжественно клянусь...

И воин, давший Присягу, осознанно отказывался от жизни для себя. Его жизнь теперь навсегда принадлежала Родине. Сашка из Сургута клялся погибнуть, если надо, за Толика из Караганды, а Петька из Минска за Гелу из Рустави. И гибли. За друга и за Родину, за мать и отца, жену и детей. Как ни в одном государстве земли. Потому что Гела не сомневался, что в тот последний час его спасут в любом случае. Живого или мертвого — это вторично, но его выволокут, даже если за это ляжет весь полк. Просто так устроена душа нашего солдата. «Оставят 99 овец, чтобы найти одну, и радоваться ей будут больше, чем тем 99-ти...»

На крыльцо санчасти для очередного предполетного осмотра поднимались скобские пилоты. Вдруг они, как один, дружно присели: пуля «духовского» снайпера, расщепив входную дверь, звякнула в доме. Все профессионально пришлепнулись к земле и зазмеились по безопасным углам.

«Фьють!» — вторая пуля, сбрив с сапога одного из пилотов каблук, уволокла его под крыльцо. Через секунду свистнула третья. Но все уже сидели за безопасным углом, а Николобай вприпрыжку скакал в сторону танкистов. После чего от них послышались ровные очереди из крупнокалиберного пулемета, а минуту спустя ухнул танк.

К вечеру нашли снайпера — молоденького «духа». Он свил себе теремок на макушке сильно заросшего дерева, куда и влетел танковый снаряд. У «духа» не было живота и груди. Он лежал лицом вниз, что по закону Полумесяца говорило о его великой греховности.

Час спустя группа ПДГ жарилась в вертушках в готовности номер один. Ноги командира вертолета капитана Николобая в тщательно зашнурованных ботинках аккуратно торчали из открытого левого блистера. Задача была привычно опасная. Они через двадцать минут должны были уйти на Гардез, заправиться и далее четырьмя бортами Ми-8 и двумя Ми-24 унестись в сторону Хайркота, что в нескольких километрах от Пакистана — для прикрытия выхода одной из единиц джелалабадского десантного полка. Омаровцы были готовы для этого к назначенному времени и терпеливо смотрели на часы и горизонт. Они уже не раз работали со «Скобой» и знали, что те могут не прибыть только в одном случае: если их собьют. Николобай с группой из шести бортов оторвался от гардезской полосы в 11:10. Духи завалили омаровский спецназ мощным боезапасом в 11:20. Противник за десять минут, к сожалению, многое успел. Колькина группа неслась на высоте 3 метра, разогнавшись до критической скорости 250 км/час. Подлетное время, 28 минут, стремительно сокращалось. Лобовое столкновение «духов» со спецназом «Скоба» увидела на удалении 15 км.

Все сразу стало ясно. Э-эх, винты вы мои привередливые! Налетавшиеся по Афгану авиамозги во всем разобрались с полувзгляда.

— Ведомый 014! Распутин! — стальным голосом руководил Николобай. — Ты идешь с двумя Ми-8 и двумя 24-ми на пяти метрах. Я, 63-й, ухожу в набор до 5,500. Ваш заход со стороны солнца. Отвлекаете «духов» и вызываете огонь на себя. Я, 63-й, валюсь на спецназовский факел (обозначение ярким огнем места нахождения), работаю пушками по «духам». Садимся по моей команде, всех грузим и уходим.

За 10 минут до подхода Николобая «духи» разодрали бок десантников до крови. Мужики группой в сорок человек заняли оборону подковой в полуразрушенном, давно не жилом кишлаке, упираясь правым флангом в крутой горный склон, на котором хорошо сохранилась когда-то

плодоносная деревенская терраса. Спецназовцы, четко сохраняя оборонительный рисунок, увешанные убитыми и ранеными, медленно сползали к месту вероятной загрузки на борта у подножия горы, расстояние до которой было метров двести. Потери были один человек в девять минут. Один раненый на три минуты. Плотность огня — восемь пуль на квадратный метр. Омаровцы, черные, все в земле, ручьевом поту, в разорванной в клочья одежде, больше смотрели под ноги, чем по сторонам, и подпрыгивали, как плясали, от пуль. В воздухе от стрельбы висел непрерывный вой юлы: Ю-ю-ю... Постоянно возникала рукопашка, часто вместо ножевой драки стреляли, практически одновременно, друг другу в голову, в грудь, живот...

Борт Николобая падал привычно, почти отвесно. Глаза пилотов от перепада давления влезли под веки, из прикушенных языков сочилась кровь. Падение машины было остановлено метров за триста до земли, и Николобай левым доворотом при страшно застучавших винтах, инерционно планируя, обозначил место приема десантников. Все вертушки к этой минуте были, как решето. Пилоты почти не задеты. Колька орал в эфир:

— Делай, как я! Делай, как я! Ищи место и повторяй, как я!

«Двадцатьчетверки» били куда попало, лишь бы затормозить приток «духов» к террасе. Вертолет Николобая со второго раза осторожно закрепился левой стойкой за верхнюю ступень террасы, но она была такая мягкая, да и борт, вибрируя, тонул в земле, отчего между несущим винтом и землей расстояние было около метра, и оно медленно сужалось. Спецназовцы по одному стали проползать в эту жизненную щель и волоком тащить за собой своих друзей, неизвестно, раненых или убитых. Бортач на карачках следил, чтобы винт не соприкоснулся с землей. Когда щель сокращалась да полуметра и проход становился смертельно опасным, борттехник орал: «Отход!» Колька соскакивал на следующую ступень в вихре пыли, летающих камней, песка, тучами разносящегося от лопастей несущего винта. Там вновь проход увеличивался между винтом и ступенью террасы до метра, и в него успевала протиснуться на борт следующая группа из четырех-пяти человек. Командир спецназа, капитан, и его зам, старший лейтенант, слегка задетые пулями,

осипшими, но удивительно ясно различаемыми командами, руководили загрузкой. Вновь расстояние стало менее 50-ти см. Колька «спрыгнул» еще ниже, на следующую ступень. За ним его действия стали удачно повторять капитан Распутин, Неволин и другие. Последним прополз в адову щель командир спецназа и... несущий винт срезал ему со спины рюкзак. Но капитан успел. Винты почти слились с землей на расстоянии 10-15 см, когда затяжелевшие, набухшие вертушки, с трудом оторвавшись от ступеней террасы, уходили к дому. Смерть не успела догнать жизнь. Такие лики людей, спасенные братской солдатской рукой, мир может видеть только в воинстве Христовом.

На аэродроме в Гардезе при подсчете спасенных одного десантника не хватило. ...Забытый солдат сидел на крыше дувала с гранатой в зубах, пулеметом в правой руке и горящим факелом в левой. Он ждал, что за ним придут!

В момент загрузки капитан отдал приказ бойцу прикрывать, не сходя с этого места — солдат так увлекся боем, прикрывая своих, что сошел с указанной ему точки и его там не нашли. В тот момент капитан решил, что он добрался до одного из бортов самостоятельно. Контроль пофамильно при той загрузке был невозможен. Но десантник верил своему капитану, и тот пришел за ним. С первого раза сесть «духи» не дали. Они не ждали возвращения русских и молча кольцом подходили к сидящему на крыше солдату. Приземлившемуся первым на восьмерке Василию Демину «духи» из пулемета повредили бортовую гидросистему. Бортач, разрубив потолок салона топором, кое-как добрался и восстановил ее. Тогда Николобай просто завис над крышей дувала, и борттехник с командиром спецназа рывком затащили своего солдата на борт. После чего, паля из всех видов бортового оружия в круговом развороте, прикрывая подбитый борт, стали медленно уходить на базу. 24-ки, идя кильватерным маятником, прикрывали пушками и собой идущих впереди. Четыре борта шли по ущелью на солнце, не имея возможности из-за узкого коридора изменить курс. От полуденного марева и лобовых ослепительных световых лучей горизонт стал троиться, искажая истинное очертание вершины ущелья. Колька нервничал оттого, что не мог определить настоящую высоту и удаление от быстро надвигающейся стены. И вдруг... капитан Николобай задохнулся в резком всхрипе. На краю скалы с-т-

о-я-л-а ...его двухлетняя дочь! Колька в крике рванул ручку управления вертолета на себя для мгновенного набора высоты, чтобы перескочить ребенка. Под ним в это мгновение мелькнула смертельно приблизившаяся пустая каменистая вершина. Реальная, немыслимая, тысячная быль войны. Спасти Николобая и экипаж в ту смертельную секунду от неизбежного удара о скалу могло только Чудо. Для того Господь и поставил туда его дочь.

* * *

Все долго молчали. Смотрели в темное окно и без конца мысленно рвали на себя ручку вертолета. Непостижимы дела Твои, Господи! А что потом? А потом Коля все еще был на войне. В шесть лет дочка, гуляя с ним, вдруг посмотрев на него взрослыми глазами, сказала:

— Папа, я хочу покреститься.

Они крестились все вместе в Храме Святителя Николая. Две недели спустя, после вывода спецназа с Хайркота, на «Скобе» была последняя баня, последний третий тост, последний взлет на север. Тогда мужики, полупьяные от налетевшего запаха России, от неверия, что они живы, прокладывали последний полетный маршрут. Виктор с похудевшим в том бою на шесть кг Николаем долго мучили полетную карту, пытаясь прочертить дорогу на Родину. В итоге по линейке получилось криво.

— Ладно, — успокоил Николобай, — я помню, где мой дом. Мимо России не пролетим!

Домой, мужики, домой! Где нас любят любыми. Время войны стремительно исчезало за хвостом «вертушки». На лобовое стекло «восьмерки» уверенно надвигалось время мира. Домой. Хватит разбрасывать косточки русских мужиков по чужим землям.

...Поезд облегченно и бесшумно ткнулся носом в чугунный буй питерского вокзала. Оставив вещи у Льва и наскоро перекусив, троица час спустя остановилась в нерешительности на дороге кладбища.

— Ну, и куда теперь?

Перед ними — три тропы.

— Лев, ты местный. Говори, которая ведет к матушке Ксении?

Друзья слегка подтрунивали над подрастерявшимся товарищем. Вдруг раздался скрип, страшный треск дерева и ...прямо у ног Виктора на левую тропинку упало полтополя.

— Вот это да-а-а! Значит, по этой дороге и надо идти, коли темные силы на нее не пускают.

Несколько минут спустя Виктор лечился покаянием у часовни святой старицы.

О, святая блаженная мати Ксения, моли Бога о нас!

* * *

В конце лета, когда по свету разлетелись «останки Останкино» и морской «Курской» дугой в скорби выгнулась русская душа, Виктор медленно брел по берегу Россошанского озера. Стоящая жара, оглушительная, лягушиная свадебная болтовня и полный штиль заставляли его полностью разомлеть до ленивого состояния тела и души. Вдруг он почувствовал, что сзади кто-то идет. Виктор машинально обернулся — никого. Медленно побрел дальше к своей даче. Нет, кто-то явно шел следом. Он вновь обернулся. Невидимый некто стоял совсем близко.

— Ну? Говори, что хочешь?

Виктор почти не взволновался, он был необычно спокоен. И вдруг раздался ровный, обычный голос:

— Хочешь много денег за новую книгу? Переверни в ней Крест.

И... все. Только шум взлетающих уток, порыв ветра, согнувший камыш, и вновь полный штиль. Виктор, мурашковый и возбужденный, дошел до дачного домика и рассказал о случившемся близким.

— Надо причаститься и отдохнуть. Ты, видимо, сильно перетрудился с книгой, — посоветовали они.

Виктор последовал совету.

Через две недели семья вернулась в Москву. Едва войдя в квартиру, они услышали, как долго и настойчиво звонил телефон. Виктор снял трубку.

— Я тебя две недели ищу. Срочно приезжай, надо поговорить, — это говорил тот маклер, который два года назад предлагал свою помощь в издании первой книги,

где условие было одно: убрать вторую часть «Матерь Божия, спаси, сохрани!»

— Не могу. Мы ведь все с тобой обговорили еще в прошлый раз. Твои условия мне не подходят... — Виктор пытался закончить разговор.

— Нет. Приезжай, тебе это выгодно, — звонивший не отступал.

— Ладно, через час буду.

Час спустя Виктор сидел у него в кабинете. Говорили долго, а потом маклер с досадой на несговорчивость, с раздражением произнес:

— Ну, хочешь много денег за новую книгу? Выкинь ты из нее этот Крест...

* * *

Кресте Честный, хранитель души и телу буди ми: образом своим бесы низлагая, враги отгоняя, страсти упражняя и благоговение даруя ми, и жизнь, и силу, содействием Святаго Духа и честными Пречистыя Богородицы мольбами. Аминь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«ОТ МЕНЯ ЭТО БЫЛО»

«Думала ли ты кагда-либа, чта все, касающееся тебя, косо-
ется и Меня? Иба косоющееся тебя
косоется зеницы око Моего.
Ты дараго в очах Моих, многоценно,
И Я возлюбил тебя, и поэтому для Меня
составляет особую отроду воспитывать тебя.
Кагда искушения но тебя и врог придет, кок река,
Я хачу, чтобы ты знала, чта
От Меня это была...»

Беседо Бага с душаю человека

(Из духовного зовещония сторцо
иеросхимонохо Серофимо ВЫРИЦКОГО)

Отче Серафиме! Моли Бога о нас.

Бес, ты вынудил меня на ответ тебе. Ты давно ходишь во главе своих легионов вокруг меня, чтобы мои мысли, чувства и поступки обратить во грех, направив жизнь мою под уклон во тьму соблазнов царства твоего. Ты пытался и пытаешься под видом благих дел увести меня в свой мир мерзких искушений, покрывая их ложной пеленой благочестия, и подталкиваешь к деяниям, кажущимся разумными только с первого взгляда, но вредными при рассмотрении их с молитвою. Бес, ты хитер, но безнадежно глуп, если считаешь, что помыслы и дела твои имеют силу и достигают цели своей. Все ошибки и тяжкие грехи, совершаемые мною от рождения до сей минуты, — не твои заслуги, а попущение Его во благо мое.

От Него это было!

Все скорби и радости, путь судьбы моей, близкая и надежная подруга — Его воля. Мой офицерский выбор, тяжкое испытание и первая книга созданы по воле Его, в поучение мое, Его мудростью это было. Я в состоянии мыслить, действовать настолько, насколько Им позволено мне это делать. И время, когда завершится мой грешный жизненный путь — Его решением это будет.

Мое дерзкое самоволие и порой темные мысли не твоей силой созданы, бес, а попущены Им во благое вразумление мое, для излечения от глупостей моих — от Его Отцовской любви ко мне это было.

Лишение меня разума и физической силы в январе 93 года произошло по Его воле из-за полного отсутствия на тот час пользы от меня, ибо та моя беспокаянная жизнь была бы далее во вред мне и угрозой близким моим. От Его любви ко мне это было.

То, что при всех молитвах за меня ведомых и неведомых мне людей, которым я сердечно кланяюсь до земли, я по-прежнему нездоров и физически ослаблен — это не от твоей силы, бес, а от того, что только Ему ведомо, сколько мне необходимо и полезно иметь здоровья для блага моего, ибо много хороших врачей земных, но меру исцеления для меня и каждого из нас знает только Он — Господь. Каждый шаг мой, взгляд и тайный замысел при этом ведом Ему, и действия мои либо поощряются Им, либо попускаются волей Его для скорбей моих во вразумление мое. У нас у обоих, бес, есть страх перед Ним. Только ты трепещешь от страха животного, а суть моего страха духовного и сердечного в том, что Он может покинуть меня. Мне Им позволяется относительно здраво мыслить и действовать от того, что я следую за Ним, как в том полете, где Он — Ведущий, а я ведомый. И стоит мне сбиться хоть на сотую часть градуса с Истинного курса, как я или, в лучшем случае, врежусь в грязь, или в худшем — потерплю жестокую жизненную катастрофу. Этот курс, тернистый и узкий, проложенный Им две тысячи лет назад, единственно правильный — Его вечной заботой о нас, неразумных, определен был. Однажды мы, непослушные дети Его, подменили «Слава Богу!» на «Славу КПСС». Получилось — не приведи, Господи...

«Не дай мне Бог оказаться перед закрытыми дверьми, ведущими в жизнь вечную».

Война в Афганистане и Чечне, замысленная в здании Пентосатанизма, якобы, тобой, бес — Его попущение. У тебя нет ни крохи ума и способностей для противоборства с Россией. Просто мы сегодня настолько далеко отошли от Креста, что, начав переворачивать Истину Его, получили то, что получает своенравный и капризный ребенок от Отца

Своего — вразумительный и сильный шлепок в виде войны. Заревев от боли и запросив прощения за непослушание, мы были милостиво прощены Им — война в Афганистане закончилась. Тогда нам казалось, что большего горя и страха, попущенного Богом во вразумление наше, быть не может. Я по сей день помню наше состояние при выводе войск из Афганистана, когда была истинно всенародная радость, какая бывает в семье после уходящей страшной беды. Я видел, как при расставании, не стыдясь, плакали мужики, простив враз друг другу все обиды. Веря, что не прервется войсковое понятие «Честь имею». Помню, как плачущая, не способная от счастья произнести ни слова мать моментально, сердцем, в кромешной темноте определила, на каком из десятков пересекающих границу танков сидит ее сынок. Как отец, инвалид на обе ноги, забыв о костылях бежал навстречу сыну-капитану... Как мы, грязные, счастливые и пьяные, от рядового до полковника, прощаясь, целовали свои автоматы и технику, жалея, что такого уже не будет никогда. Не судите меня, люди, за эти слова. За спиной оставалось что-то вечное и важное. Где бывшие двоечники становились Героями, которым кланялись у скромных могил учителя со слезами на глазах. Где последние, незаметные в миру, становились первыми в жестоком бою, закрывая собой друзей от пули. Для воспитания нашего от Него это было.

Но ни протрезвления, ни осмысления от происшедшего в умах наших не наблюдалось. Пелена с очей окончательно не спала. Боль от шлепка Божьего стала быстро забываться, и дети Его с нездоровым любопытством начали интересоваться дьявольскими кознями. Ты, бес, запрыгал от своей «победы» над нами и начал все добавлять и добавлять порчи в наши души через СМИ и телесудороги. Оторвавшиеся, как обезумевшие, от тысячелетних норм скромности и смирения, мы хором опасно орали: «Свобода-а-а!» Кто-то при этом делал бешеные деньги, возводя зло на пьедестал, другие безмолвствовали, вольно или невольно потакая злу. На одном конце деревни в пьяном восторге играли свадьбы, с вихрем проносясь на коренных мимо храмов Божьих, не замечая их, на другом — убивали друг друга. Свобода! Бесы разом заводили хороводы вокруг ослепших, обезумевших детей Его, утратив-

ших само чувство стыда. Очередное вразумление — нынешняя Чеченская война.

Но многое все же изменилось. Да, бес, изменилось. Это подтверждается тем, как недавно у статуи своей «свободы» (сделанной, кстати, из русского металла) ты орал: «Я вкладываю в растление и уничтожение России миллиарды долларов, а она — стоит!» Да, бес, стояла, стоит и стоять будет. Несмотря на тяжкие мучения и скорби, ибо она — Святая!

Ты скребешь когтями, потому что понимаешь: такой силы духа, какой обладают воины Христовы, не имеет ни один народ в мире. Бес, тебя одолевают страх и бессилие, когда ты видишь, как воины отдают жизнь за Крест Его. Как сын известного генерала в первых рядах сложил в Чечне голову за святую землю свою. Как шестая десантная рота Псковской дивизии, единая в своем духовном порыве, полегла в битве за Отечество свое (один воин Христов против десятков бандитов), став в мгновение ротой Славы России. Как за несколько минут до смерти офицер субмарины «Курск» писал прощальную сердечную записку любимой жене. Ты в вечном проигрыше, бес. Когда ты, бес, спросил у командира подлодки, такой же, как «Курск»: «Ну, теперь пойдете в море?», то содрогнулся от ненавистного тебе ответа: «Теперь в море пойду, как никогда».

Твоя извечная цель, бес, убить не просто воина, а воина Христова. Ты трепетал, когда офицеры в Грозном на вопрос: «А умрете за Христа?», не задумываясь, ответили: «Запросто», сердцем понимая, что такая смерть — самая непростая, смерть с верой в Бога.

— ...Ну что, есть Бог? — с издевкой спрашивали бесы НКВД поочередно у каждого из шестидесяти мучеников-священников, стоявших у могильной траншеи, которую они вырыли по их приказу своими руками.

— Есть! — отвечал каждый из них и падал в могилу с пулей в голове. И так до шестидесятого, последнего, видевшего все и мужественно ожидавшего своего конца...

— Есть Бог! — признал Сталин 22 июня 1941 года, обращаясь к гражданам страны со словами «Братья и сестры...»

— Есть! — добавил он и выполнил в страшный для России час наказ Божией Матери, что «...должны быть

открыты во всей стране Храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить». Стоял вопрос о сдаче Ленинграда. «Пусть вынесут, — сказала Она, — чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город. Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве. Затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война окончится, митрополит гор Ливанских Илия (Антиохийский Патриарх) должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена».

...Бог есть! И матери в период всех войн вшивали в одежду детям, мужьям и отцам, идущим в бой, пояс с чудотворной молитвой 90-го псалма «Живый в помощи Вышняго».

...Крещеному перед боем в Чечне офицеру пуля попадает в голову, делает в ней два прохода, падает в рот, он ее выплевывает (остается жив), и не снимает с того дня нательный крестик.

...Бог есть! Операцию надо делать, — сказала моя жена, несмотря на смертный приговор, вынесенный врачами, стоя перед иконой Владимирской Божией Матери. Во время операции жена читала молитву «Живый в помощи», и я был спасен.

Если Бога нет, то нет нужды ни в чем. Если нет Бога, нет нужды в детях. Их не будут крестить ради Христа, воспитывать в любви к Творцу и причащать Телом и Кровью Христовой. Сергеем Нилусом сказано в прошлом для нас, сегодняшних: «Сила Божия в немощи свершается...»

Именно так, Божиим промыслом, смертию смерть поправ, за други своя ушел в мир иной близкий мне человек дважды Герой России Николай Майданов. Ты, бес, убил его одного, а он воскрес в миллионах сердец и, вразумив их своей смертью, повел полками в Храм Святый. И таких новомучеников земли Российской — тысячи. Истинное их число известно только Богу. Сегодня уже мои сверстники и более молодые, чем я, стоят пред Всевышним у Престола Его, получив всенародное благословение на свя-

тость. Неразгаданная сила моего государства — в тайне Божьей и в молитве Ему. Она в наших скорбях и испытаниях на преданность Кресту. Потому что на все воля Божия. Ты в злобе своей можешь сжечь воина заживо или четвертовать и послать родителям фильм о казни их сына, но сломить дух носителя Креста тебе, бес, не дано! Твои легионы, исчадие ада, уже топили в Чудском озере, ты драпал с поля Куликова, был бит под Полтавой, Бородино, Берлином и далее везде, а тебе все неймется?! Да, в нужный час, «который уже ближе, чем мы думаем», достаточно будет одного дыхания Его, и ты будешь стерт с земли моей. Но твое путанье под моими ногами попущено Им, чтобы я был в постоянной православной боевой форме для защиты Родины своей. А ты шепчешь: «Переверни Крест...» Как ты представляешь меня — идущим по святой земле вверх ногами? Входящим спиной в Храм Божий и читающим Евангелие в обратную сторону? Изыди, тьма. Уж Венценосный Государь с Семьей Святой на Троне! А у Креста Его отныне и присно и вовеки веков будет только первоначальное положение — Истинное, как в Страстную Пятницу, в час Распятия Его.

Все, бес. Я достаточно времени потратил на тебя. Подошло генеральное время суток — время вечерней молитвы, время воздания благодарения Ему за еще один прожитый день. Окончательный приговор твоим бессмысленным потугам в борьбе с Крестом — слова на десантном рюкзаке уходящего в разведку в Чечне спецназовца, Христолюбивого воина: «Прости нас, Господи!»

...Помни, что всякая помеха есть Божие наставление,
и потому положи в сердце свое слово,
которое Я объявил тебе в сей день —
От Меня это было.
Храни их, знай и помни — всегда, где бы ты ни была, что всякое жало притупится, когда ты научишься во всем видеть Меня.
Все послано Мною для совершенствования души твоей —
все от Меня это было.
Аминь.

Теперь Виктор приносит сердечную благодарность всем тем, кто так или иначе помог ему определиться в жизни и содействовал появлению на свет книги «Живый в помощи».

И в первую очередь благодарит докторов:
Б.В. ФОМИНА,
Ю.С. ЩИГАЛЕВА,
Ш.Х. ГИЗАТУЛЛИНА;

командарма Б.В. ГРОМОВА,
В.В. ГРОМОВА,
А.С. ТЯЖЛОВА,
Г.Г. СВИРИДОВА,
Ю.А. КАНАТАЕВА,
И.С. БОЧАРОВА,
В.И. БОНДАРЕВА,
А.П. ЛАГУНОВА,
главного редактора журнала «Русский Дом»
А.Н. КРУТОВА,
П.В. ГЛУБКО,
игумена АЛЕКСИЯ (ПРОСВИРИНА),
К.В. АХАПКИНА,
А.В. ЛИСЕНКОВА,
народного артиста России В.П. ЗАМАНСКОГО
и всех остальных — их имена ведает Бог...

Отклики на предыдущие издания книги «Живый в помощи»

Шествие победителей

Книга Виктора Николаева возвращает нас к восприятию потерянной реальности — к тому, что у человека есть жизнь и есть смерть, и есть любовь, и есть чувство достоинства. Сейчас повсеместно ведется пропаганда всяческой нежити. Телевидение и другие средства массовой информации превращают жестокость и смерть в притупленную обыденность, в то, чему не следует придавать значения, в нечто несущественное. И сама жизнь становится как бы нереальной. Уничтожение реальности происходит через разрушение в наших душах любви, совести, ответственности — через уничтожение всех тех ценностей, без которых нет Человека. Виктор Николаев в своей книге совершает соборный труд — собирает разрушенную реальность, все снова становится осмысленным.

Уже говорили, что роман «Живый в помощи» — явление нашего времени. Следует добавить — явление духовного порядка. Автор ведет читателя через горнило очистительного огня. Впечатление такое, словно душу действительно провели через ад еще при этой жизни. Здесь одновременно и свидетельство, и покаяние. Путь современного человека к Богу тернист. Нет такой благодати в жизни, какая прежде была: зверски убили Царя и Его Семью, десятилетиями рушили вековые устои России, и наступил, наконец, общий распад, который мы сейчас с ужасом наблюдаем. Почти невозможно представить себе тихое, спокойное возрастание в вере. Ныне особое время: только через страдания, как награду, человек обретает веру. Из-за умножения зла умножаются скорби, и Господь испытывает человека, как он поведет себя в попущенных ему скорбях.

В данной книге много жестоких подробностей, за которые кто-то, может быть, упрекнет автора злоупотреблением грубым натурализмом. Но правда требует от писательской совести быть показанной, иначе мы просто не поняли бы, что с нами происходит. Перед нами рассказчик и герой повествования, у которого нет ни малейшей склонности к воинствующему злу, который не только не упивается злом, но душа которого не склонилась к

жестокости, не пленилась ею. И зло в его описании стало отвратительным, абсолютно неприемлемым. Поэтому мы можем сказать, что правдиво жестокие картины страшных событий и явлений подхристиански целомудренны. В каком-то смысле ужасающие подробности созвучны описаниям страданий древних мучеников.

Дело даже не в том, что перед нами свод подлинных свидетельств — нет ни малейшего вымысла. Достоинства книги в том, что в ней раскрывается обнаженная правда жизни, самая суть ее. Есть страшные вещи, которые, кажется, невозможно не то что описать, а даже читать о них, но автор доходит в своем повествовании до предела человеческого. Сила правды переворачивает душу читателя. Нам необходимо знать: люди могут оставаться людьми и в нечеловеческих ситуациях. Не бывает таких обстоятельств, когда человек не может сохранить себя человеком. В наше время, когда трусость, предательство, меркантилизм утверждаются, как единственная реальность человеческой жизни, такое свидетельство особенно значимо.

Что сказать о художественных достоинствах документальной повести Виктора Николаева? Все написано естественно, как бы без усилий, на одном дыхании. Так и читается «Живый в помощи». На самом деле мучительный рассказ о войне достался дорогой ценой: много лет спустя после страшных событий писатель вынужден был заново пережить их.

Самое главное в этой невыдуманной книге — живая человеческая душа, которая попала в предельные обстоятельства, когда обнаруживаются важнейшие человеческие качества и сердцу открывается Бог. Живая душа среди последних испытаний делает решающий выбор. Господь открылся Виктору — типичному советскому боевому офицеру, по совместительству политработнику, потому что он сохранил живую душу. И, как говорит сам Виктор Николаев, среди этого ада Бога узнали все. Но не многие смогли переменить свою жизнь, сохранить то, что им открылось.

В конце повествования автор рассказывает, как во время таинства соборования из него вышло несколько «жирных, лоснящихся бесов, в мятущихся зрачках которых — непонимание, как это их сгоняют с такого уютного, казалось, вечного, теплого места». А прежде описывается операция опухоли головного мозга, когда чудесным образом был удален смертельно опасный гнойник. Обобщая эти события, мы можем сказать, что в подобном изгнании бесов и исцелении нуждается сегодня весь наш народ, каждый лично.

Мы часто говорим, что зло становится открытым и наглым. Вот отличительная особенность нашего времени! Оно уже не таится, как то раньше было ему свойственно, и не встречает почти никакого сопротивления. Никого не удивляют уже известия о широком распространении сатанизма, о массовом демонстративном растлении детей. Если зло со всей его разрушительной силой не воспринимается нами, значит, оно установило свое полное господство над нами. Описанные события до конца выявляют воинствующее зло, обнажают, актуализируют его, не дают нам тупо забыться, малодушно не заметить его. Среди последних испытаний каждый человек должен сделать решающий выбор, и в этом пророческий смысл жестокого рассказа, автор которого сам мучительно прозревает, что будет со всеми людьми, когда наступит последняя война, Армагеддон.

До глубины души потрясает обобщающий образ — описание массового хулиганского беспредела кавказских призывников в Сибирске — грозное предзнаменование грядущих испытаний, не только на Кавказе, но и во всей России, в мире — апокалиптические ужасы апокалиптического времени.

Виктор Николаев изменяет отношение многих читателей к афганской войне. То была необычная война — не война за освобождение нашей территории. Да, мы защищали, как принято говорить, и свои геополитические интересы. Но Афганистан должен был превратиться в наркотический бандитский притон, что и произошло после вывода нашей армии. Бандитов поддерживали американцы, у которых были свои стратегические интересы. В Афганистане наши бойцы воевали с бандитами, с организованным воинствующим злом, а не с афганским народом. В принципе они воевали именно со злом.

«Главарь, наркоман Хоттаб, прикрываясь щитом из женщин с детьми, скалясь и воя — *элля-я бисмалля-я,* — стал выбрасывать в сторону спецназа по одному ребенку с отрезанной головой». Вот лицо той войны. То же самое творит сейчас и новый Хоттаб на Кавказе, убивая всех — и чеченцев, и русских без разбора, когда те не подчиняются его звериным порядкам.

Война идет в более широком плане, на более высоком таинственном уровне, чем мы обычно представляем. Весь мир сегодня тесним силами тьмы, хотя не везде одинаково. Лики зла различны и обманчивы, и сатана собирает свои силы на последнюю битву.

В кульминации главы «Тризна» мистика такой войны предельно сконцентрирована. Действия душманов, «духов» напря-

мую соединяются с невидимыми энергиями духов злобы. Вот война, которую сатана ведет против Бога! Но сколько бы ни было у него завзятых сторонников, один израненный русский офицер оказывается духовно сильнее целой банды изуверов. Когда его товарищи уже мертвы, наш воин ценою своей жизни не опускается до собственноручного поругания их тел, чего добивались от него бандиты. С рациональной точки зрения его поступок кажется абсолютно необъяснимым. Но в этом поступке — духовная сила и победа. И потому мерзкие твари — крысы-людоеды даже к мертвому герою не смеют прикоснуться.

Мы помним библейский рассказ о пророке Данииле, брошенном в ров с дикими зверями. Здесь мы видим — отблеск древней славы Божией падает на события нашей эпохи. Подвиг нашего офицера в Афганистане можно сравнить с подвигом воина Евгения Родионова в чеченском плену: за отказ отречься от Христа и снять нательный крестик он был обезглавлен врагами Православия.

Одно из важнейших мест книги — рассказ о госпитале, описание полностью обожженного солдата, который пребывал в страшных мучениях на специальных растяжках, так как не мог даже нормально лежать. На его больничной тумбочке стояла небольшая бумажная иконка и рядом лежал нательный крест. Его невозможно было надеть на раненого, у страдальца на шее и груди не было кожи. Как известно, ожоговая боль самая сильная, человек может умереть от болевого шока, но этот солдат продолжал жить и верить! Перед лицом такой силы духа у Виктора наступило духовное просветление. Он словно впервые узнает, что есть Бог! «Господи Иисусе», — почти непроизвольно сказал он тогда, и на обратной дороге он чувствовал себя, как будто его контузило. Вероятно, у многих при чтении этой книги возникнут подобные чувства. Но именно такое восприятие чужой боли, как своей собственной, делает человека способным к познанию главной тайны жизни. Образ распятого страдальца, благодаря которому Виктору открылась вера, заставляет нас по-новому услышать известные слова преподобного Серафима Саровского: «Спасись сам, и многие вокруг тебя спасутся» — в том смысле, как дорого обретается, особенно в наше время, это спасение души.

Иеромонах Серафим Роуз пишет в своем дневнике: «Давайте все, кто хочет быть христианином, не ждать ничего иного от мира, кроме как быть распятым им, ибо быть христианином — значит быть распятым. В наше время и в любое время,

с тех пор, как Христос пришел в этот мир впервые. Его жизнь — пример и предупреждение всем нам. Мы должны быть распяты лично, мистически; ибо распятие — единственный путь к Воскресению».

Мир зовет нас расслабиться, не принимать ничего слишком всерьез. Как христиане, мы должны постоянно помнить, что духовная война, начавшаяся падением с небес на землю денницы, не прекращается и все более соединяется с войнами в современном мире. Пришло время верным собираться вокруг Христа, время стоять за Христа в великом и малом, время строить в своих сердцах основание непоколебимого упования на Бога Живого. Все мы должны, в конце концов, сделать свой личный выбор. Победители Церкви Торжествующей шествуют впереди, призывая нас не уклониться от сражения. Победа над всеми силами зла и ада уже одержана Христом, и мы призываемся войти в эту победу, быть победителями вместе с Ним.

Протоиерей Александр ШАРГУНОВ,
настоятель храма Святителя Николая в Пыжах

Исповедь воина

Современная Российская Армия — плоть от плоти армий России всех времен, всех ее побед, всех слав, всех жертвенных страданий и святости. Сегодня в ней, как и всегда, есть свои Денисы Давыдовы, Лермонтовы, Бестужевы-Марлинские, Воробьевы и Курочкины, Алексеевы и Бондаревы. Мы и сегодня можем назвать прекрасных военных писателей.

Виктор Николаев. Воин-«афганец», прошедший через жернова той войны. Израненный и покореженный ею, потерявший физические силы, он вышел на поиск истины в жизни, нашел Веру — Веру Православную, ощутил прилив энергии, бодрости, увидел путеводную звезду, пришел в храм, стал псаломщиком. Под расписку и веру отдал себя в руки врачам, вначале отказывающимся удалить запущенную опухоль из мозга. После операции зловещая опухоль через несколько секунд распалась. Жить Виктору Николаеву, не будь он стоек в Вере, оставались мгновения. Но он остался жить. Написал прекрасную книгу «Живый в помощи» о самовозрождении человека, о собственной судьбе, об Афганистане, о России, о Православии.

Думаю, что книга члена нашего писательского Союза Виктора Николаева «Живый в помощи» — это одно из самых искренних исповедальных произведений конца XX века.

Валерий ГАНИЧЕВ,
председатель Союза писателей России

Цвет России

Я прочитал книгу Виктора «Живый в помощи» в Сербском монастыре Хиландар на Святой Горе Афон, насельником которого являюсь. Пожертвовал ради этого кратким ночным отдыхом. Начав чтение, заснуть уже не мог. В душе родилась горячая молитва за упокой душ русских воинов. Чувства же были противоречивые: и восторженно-захватывающие, так как обычную правду читаешь редко, написано интересно; и скорбные — из-за бессмыслицы: по вине чьих-то низменных страстей погибал цвет России.

Вспомнил свои суворовские и курсантские годы (вертолетный техник) и стало стыдно за себя. Увидел себя полным ничтожеством. Я — представитель последних «перестроечных» поколений эгоистичных, развращенных, лишенных патриотизма, слабовольных юношей. Но Бог поругаем не бывает. Истинен духовный закон: даже самое большое зло Господь претворяет во благо и использует для спасения и душевной пользы. Я уверовал в военном госпитале, когда из-за бездарного лечения болезнь подходила к неизлечимой стадии, к инвалидности. Но Господь исцелил.

Эта книга — путь к Богу. Или озвереть и ожесточиться, или уверовать, переломить себя и сказать: «Господи, Твой есьм аз, спаси мя!»

В страшной афганской среде русский человек исполнил высшую заповедь: «Нет больше той любви, когда душу свою положишь за ближнего».

Русская душа жива, ее не задавили. В самое трудное время она распускается как цветок и благоухает. Но полнота только в Господе — в русском Боге, Которого боятся наши враги. Душа жаждет молиться за Россию, и в молитве Господь соединяет тебя с ней: земной и небесной, с русскими: живыми и умершими.

Русский человек живой! Он не боится смерти. В смерти за

ближнего он воскресает во Христе и вечно в Нем живет! Он, русский — Богоносец!

Гара Афан, манастырь Хиландар,
8 (21) июня 1999 гада ат Р.Х.
† монах КУКША

Русская тайна

Десять лет назад афганскую войну стали упорно именовать бессмысленной, а иногда даже преступной. Очень скоро в поисках некоей «правды» привычным стало очернение и Великой Отечественной войны. Достоевский ужаснулся бы от того, что в жизни русского человека появились тысячи смердяковых. Этот грех Хама, совершенный в отношении отцов, подвигу которых мы обязаны жизнью, не может остаться безнаказанным. Внукам и правнукам воинов Великой Отечественной — «афганцам» и «чеченцам» пришлось осмысливать то, что совершили герои-деды.

Книга Виктора Николаева восстанавливает насильно прерванную связь времен. Здесь вновь мы видим вечную доблесть русских воинов, в Афганистане на незнаменитой ныне войне выполнявших завет Христов «положить душу за други своя».

«Живый в помощи» — это правда о войне, которая для иных бывает невыносимо тяжелой. Но это святая правда. В ней сквозь кровь и пот боевой работы скорбь по погибшим братьям сияет светом Веры, Надежды и Любви. Книга раскрывает духовный смысл афганской войны, посланной Богом нашему поколению. Скорби и испытания, среди которых война — одно из самых нелегких, Господь посылает, стучась в наши сердца. Война испытывает душу. «Кто на войне не бывал, Богу не молился», — говорили на Руси.

Для всех, кто прочтет «Живый в помощи», станет очевидной истиной: нам необходима правда о войне, духовная правда, которая есть в этой книге. Не случайно Виктора благословили в Оптиной Пустыни иконой Апостола Иоанна Богослова, чтобы он решился вставить в очередное издание книги жестокую главу «Тризна». Там, в Оптиной, преподобные старцы горячо молились о России и ея воинстве во время Крымской войны, благословляли добровольцев на ратный подвиг освобождения славян в 1877 году. Традиция жива и по сей день.

Если мы хотим, чтобы наши дети говорили на русском языке, пели русские песни, молились в Православных храмах и видели над собой Русское небо, на нашем всероссийском поле Куликовом рядом с монахом-молитвенником должен стоять Христолюбивый воин. Книга «Живый в помощи» может для этого многое сделать.

Уинстон Черчилль, проходя вдоль строя нашего почетного караула, с напряжением и каким-то страхом всматривался в лица русских солдат, сломавших непобедимые железные дивизии нибелунгов. Он пытался разгадать «Русскую тайну», о которой тогда много говорили в мире — в победном мае 1945-го.

И Наполеон, и Гитлер пытались установить «мировой порядок», но были сломлены русским солдатом, совсем таким, как Виктор и его боевые товарищи.

Об этом надо помнить всем тем, кто по-новому рисует Россию в своих планах на карте «нового мирового порядка».

Пусть они крепко помнят о «Русской тайне» — об этой неусыпной молитве старцев, соборной молитве Небесной и земной нашей Церкви.

Пусть со страхом помнят о молитве русской женщины — матери, сестры, жены, дочери, молитве, которая не может не быть услышана нашей грозной Заступницей Матерью Божией.

Виктор САУЛКИН,
обозреватель радиостанции ***«Радонеж»***

* * *

Маленьким-маленьким мальчиком очень давно ходил я в Казанскую церковь в Коломенском. Помню вдохновенные проповеди настоятеля о. Василия Холявко, помню искушения первой усталости на богослужении, не забыть мне и удивительное «Честнейшую Херувим...» церковного хора, и детскую просветленную умиротворенность после причастия, когда по окончании службы спускался со ступеней высокого крыльца храма. Белокаменные ступени отражали солнечные лучи так, что приходилось жмуриться. Я держался за руку мамы и, глядя под ноги, осторожно спускался и жмурился. И не столько от солнечного света, сколько от уютной внутренней радости детского переживания близости Бога, переживания того, что рядом с сердцем Христос, что Христос с тобой...

Мне знакомо Коломенское. Как и Виктору Николаеву. С атмосферы в Казанском храме он и начинает свое повествование. И именно туда, в то, так знакомое мне состояние, впервые прорывается к нам этот «параллельный», жесткий, но реальный мир с настолько неприкрытым ликом смерти, что начинает трясти!

Автор не считает нужным обходить ту реальность и сглаживать ее детали. Виктора Николаевича иногда спрашивают: «А нужны ли эти страшные подробности смерти?» Задавая этот вопрос, мы просто не отдаем себе отчета, *что* мы читаем и *кто* нам рассказывает.

Что мы читаем? Жития воинов-мучеников, полагавших жизни свои за други своя. Кто нам рассказывает? Один из них: воин-исповедник.

Откройте жития святых христианских мучеников. Они полны описания подробностей мученической смерти. Взгляните на икону святого мученика «в житиях» и вы *увидите* эти подробности. Никогда не было свойственно христианской традиции избегать описаний страданий за Христа. Наоборот, принято открывать степень мученического подвига, не утаивая его, не сглаживая, не стесняясь.

Мы настроены на светские военно-приключенческие истории, а попадаем в христианскую литературу, написанную современным языком солдата, о житиях и подвигах воинов-исповедников и мучеников. Причем то, как пишет о страданиях и смерти наших воинов Виктор Николаев, — в духе многовековой христианской традиции. Может быть, и сам Виктор Николаевич осознает духовную правоту такого изложения в большей степени интуитивно.

Виктор Николаев — это тот человек, который сам много раз пережил через себя чувство смерти, этого перехода. Это человек, который неоднократно смотрел на наш мир с той, с другой стороны. Он имеет *этот* опыт. Виктор был там, где не было нас. И пишет о том, что мы не видели.

Виктор видел, но не был свидетелем. Свидетель — это тот, кто был, но не участвовал. Виктор был, но не был и участником. Поскольку участник — это тот, кто был, но до полусмерти не страдал.

Что такое «исповедник» с христианской точки зрения? Это человек, который претерпел страдания почти до смерти, пролил кровь во свидетельство своей веры.

Виктор Николаевич Николаев — это современный ***воин-исповедник*** российский. Который подвигами своими, страданиями, кровью своею, чудом оставшись в живых, исповедовал верность заповеди Христовой: положить жизнь за други своя, исповедовал верность своей Родине, своему долгу.

Герои этой книги — люди в большинстве своем невоцерквлен-ные, не читавшие Евангелия. Они страдали и умирали, исполняя Евангелие, даже не осознавая того! Они показали делом, что Евангелие написано в сердце русского человека, и свидетельствует об этом его совесть (Рим. 14, 15), его ратные труды, страдания, мучения и подвиги, коим нет конца.

Об этом свидетельствует и эта книга.

Игумен Савва МОЛЧАНОВ,
Храм Св. Николая в Подкопаях

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ Виктор Николаевич

ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ

Документальная повесть
в двух частях

Редакторы:
1-й части — Птицына Л. В., Хвалин А., Болотин Л.;
2-й части — Птицына Л. В.

Художник Малецкий Т.

Подписано в печать 21.04.08. Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага офсетная №1. Гарнитура «Кудряшов».
Печать офсетная. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 20 000 экз.

Заказ № 3901

Издательский дом «СофтИздат»
Лицензия ИД № 00657 от 05.01.00
www.softizdat.ru
e-mail: softizdat@comail.ru

Отпечатано в
ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

900

НИКОЛАЕВ Виктор Николаевич

Родился в 1958 г. в Восточном Казахстане.

По окончании в 1981 г. Курганского высшего военно-политического авиационного училища служба в Закавказском военном округе.

1987-88 гг. – Афганистан, участие в боевых операциях в составе поисково-десантных групп.

В 1988-89 гг. выполнял задачи по нештатным ситуациям в Сумгаите, Степанакерте, Карабахе, Спитаке, Тбилиси.

1990-93 гг. – учеба в Военно - политической академии.

Майор запаса, награжден орденом Красной Звезды.

Член Союза писателей России.

«Живый в помощи» – литературный дебют Виктора Николаева. Книга уже получила читательское признание (ее общий тираж превысил 100 тыс. экз.). Автор – лауреат премии Союза писателей России «Честь имею» 2000 г., литературной премии «Прохоровское поле» 2002 г., Большой литературной премии России 2002 г.

В 2003 г. вышла в свет новая документальная повесть В. Николаева **«Из рода в род»** – книга о непростых судьбах людей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, о духовном и нравственном очищении, в котором так нуждается наше общество сегодня.

